

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.
1873.

IMWERDENVERLAG — MÜNCHEN 2007

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Вступленіе.....	3
II. Старые люди.....	6
III. Среда.....	12
IV. Нѣчто личное.....	24
V. Власъ.....	33
VI. Бобокъ.....	45
VII. «Смятенный видъ».....	59
VIII. Полписьма «одного лица».....	67
IX. По поводу выставки.....	75
X. Ряженный.....	86
XI. Мечты и грёзы.....	101
XII. (По поводу новой драмы).....	107
XIII. Маленькія картинки.....	117
XIV. Учителю.....	126
XV. Нѣчто о враньѣ.....	132
XVI. Одна изъ современныхъ фальшей.....	141

I.

Вступленіе.

Двадцатаго декабря я узналъ что уже все рѣшено, и что я редакторъ «Гражданина». Это чрезвычайное событіе, т. е., чрезвычайное для меня (я никого не хочу обижать), — произошло однако довольно просто. Двадцатаго декабря я какъ разъ читалъ статью «Московскихъ Вѣдомостей» о бракосочетаніи китайскаго императора; она оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Это великолѣпное и повидимому весьма сложное событіе произошло тоже удивительно просто: все оно было предусмтрѣно и опредѣлено еще за тысячу лѣтъ, до послѣдней подробности, почти въ двухстахъ томахъ церемоній. Сравнивъ громадность китайскаго событія съ моимъ назначеніемъ въ редакторы, — я вдругъ почувствовалъ неблагодарность къ отечественнымъ установленіямъ, не смотря на то, что меня такъ легко утвердили и подумалъ, что намъ, т. е. мнѣ и князю Мещерскому, въ Китаѣ было бы несомнѣнно выгоднѣе, чѣмъ здѣсь, издавать «Гражданина». Тамъ все такъ ясно... Мы оба предстали бы въ назначенный день въ тамошнее главное управленіе во дѣламъ печати. Стукнувшись лбами объ полъ и полизавъ полъ языкомъ, мы бы встали и подняли наши указательные персты передъ собою, почтительно склонивъ головы. Главноуправляющій по дѣламъ печати, конечно, сдѣлалъ бы видъ что не обращаетъ на насъ ни малѣйшаго вниманія, какъ на влетѣвшихъ мухъ. Но всталъ бы третій помощникъ третьяго его секретаря и держа въ рукахъ дипломъ о моемъ назначеніи въ редакторы, произнесъ бы намъ внушительнымъ, но ласковымъ голосомъ опредѣленное церемоніями наставленіе. Оно было бы такъ ясно и такъ понятно, что обоимъ намъ было бы неимовѣрно пріятно слушать. На случай, еслибъ я въ Китаѣ былъ такъ глупъ и чистъ сердцемъ, что, приступая къ редакторству и сознавая слабость моихъ способностей, ощутилъ бы въ себѣ страхъ и угрызенія совѣсти, — мнѣ бы тотчасъ же было доказано что я вдвое глупъ питаю такія чувства. Что именно съ этого момента мнѣ вовсе не надо ума, еслибъ даже и былъ; напротивъ того, несравненно благонадежнѣе если его нѣтъ вовсе. И ужъ безъ сомнѣнія это было бы весьма пріятно выслушать. Заключивъ прекрасными словами: «Иди, редакторъ, отнынѣ ты можешь ѣсть рисъ и пить чай съ новымъ спокойствіемъ твоей совѣсти», третій помощникъ третьяго секретаря вручилъ

бы мнѣ красивый дипломъ, напечатанный на красномъ атласѣ золотыми литерами, князь Мещерскій далъ бы полновѣсную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчасъ же бы издали великолѣпнѣйшій № «Гражданина», такой, какого здѣсь никогда не издадимъ. Въ Китаѣ мы бы издавали отлично.

Подозрѣваю однако, что въ Китаѣ князь Мещерскій непременно бы со мною схитрилъ, пригласивъ меня въ редакторы наиболѣе съ тою цѣлью, чтобъ я замѣнялъ его лицо въ главномъ управленіи по дѣламъ печати каждый разъ, когда бы его приглашали туда получать удары по пяткамъ бамбуковыми дощечками. Но я перехитрилъ бы его: я бы тотчасъ пересталъ печатать «Бисмарка», самъ же, напротивъ, сталъ отлично писать статьи, — такъ что къ бамбуку призывали бы меня всего лишь черезъ нумеръ. За то я бы выучился писать.

Въ Китаѣ я бы отлично писалъ; здѣсь это гораздо труднѣе. Тамъ все предусмотрѣно и все рассчитано на тысячу лѣтъ; здѣсь же все вверхъ дномъ на тысячу лѣтъ. Тамъ я даже по неволѣ писалъ бы понятно; такъ что не знаю кто бы меня сталъ и читать. Здѣсь, чтобы заставить себя читать, даже выгоднѣе писать непонятно. Только въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» передовыя статьи пишутся въ полтора столбца и — къ удивленію — понятно; да и то если принадлежатъ извѣстному перу. Въ «Голосѣ» онѣ пишутся въ восемь, въ десять, въ двѣнадцать и даже въ тринадцать столбцовъ. И такъ вотъ сколько надо здѣсь истратить столбцовъ, чтобы заставить уважать себя.

У насъ говорить съ другими — наука, т. е., съ перваго взгляда, пожалуй также какъ и въ Китаѣ; какъ и тамъ, есть нѣсколько очень упрощенныхъ и чисто научныхъ приѣмовъ. Прежде, напримѣръ, слова: «я ничего не понимаю» означали только глупость произносившаго ихъ; теперь же приносятъ великую честь. Стоитъ лишь произнести съ открытымъ видомъ и съ гордостью: «Я не понимаю религіи, я ничего не понимаю въ Россіи, я ровно ничего не понимаю въ искусствѣ» — и вы тотчасъ же ставите себя на отмѣнную высоту. И это особенно выгодно, если вы въ самомъ дѣлѣ ничего не понимаете.

Но этотъ упрощенный приѣмъ ничего не доказываетъ. Въ сущности у насъ каждый подозрѣваетъ другаго въ глупости, безо всякой задумчивости и безо всякаго обратнаго вопроса на себя: «да ужъ не я ли это глупъ въ самомъ дѣлѣ?» Положеніе вседовольное, и однако же никто не доволенъ имъ, а всѣ сердятся. Да и задумчивость въ наше время почти невозможна: дорого стоитъ. Правда, покупаютъ готовыя идеи. Онѣ продаются вездѣ, даже даромъ; но даромъ то еще дороже обходятся, и это

уже начинаютъ предчувствовать. Въ результатѣ никакой выгоды и по прежнему безпорядокъ.

Пожалуй, мы тотъ же Китай, но только безъ его порядка. Мы едва лишь начинаемъ тó, что въ Китаѣ уже оканчивается. Несомнѣнно придемъ къ тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томовъ «Церемоній» съ тѣмъ, чтобы уже окончательно выиграть право ни о чемъ не задумываться, — намъ надо прожить по крайней мѣрѣ еще тысячелѣтіе задумчивости. И что же — никто не хочетъ ускорить срокъ, потому что никто не хочетъ задумываться.

Правда и то: если никто не хочетъ задумываться, то, казалось бы, тѣмъ легче русскому литератору. Да, легче дѣйствительно; и горе тому литератору и издателю, который въ наше время задумывается. Еще горше тому кто самъ захотѣлъ бы учиться и понимать; но еще горше тому, который объявить объ этомъ искренно; а если заявить что уже капельку понялъ и желаетъ высказать свою мысль, то немедленно всѣми оставляется. Ему остается лишь подыскать какого нибудь одного подходящаго человѣчка, или даже нанять его, и только съ нимъ однимъ и разговаривать; можетъ быть для него одного и журналъ издавать. Положеніе омерзительное, ибо это все равно что говорить самому съ собой и издавать журналъ для собственнаго удовольствія. Я сильно подозреваю, что «Гражданину» еще долго придется говорить самому съ собой для собственнаго удовольствія. Взять уже тó, что по медицинѣ разговоръ съ собой обозначаетъ предрасположеніе къ помѣшательству. «Гражданинъ» долженъ непременно говорить съ гражданами и вотъ въ томъ вся бѣда его!

И такъ вотъ къ какому изданію я приобщилъ себя. Положеніе мое въ высшей степени неопредѣленное. Но буду и я говорить самъ съ собой и для собственнаго удовольствія, въ формѣ этого дневника, а тамъ что-бы ни вышло. Объ чемъ говорить? Обо всемъ что поразитъ меня или заставитъ задуматься. Если же найду читателя и, Боже сохрани, оппонента, то понимаю что надо умѣть разговаривать и знать съ кѣмъ и какъ говорить. Этому постараюсь выучиться, потому что у насъ это всего труднѣе, т. е. въ литературѣ. Къ тому же и оппоненты бываютъ различные; не всякимъ можно начать разговоръ. Расскажу одну басню, которую слышалъ на дняхъ. Говорятъ что басня древняя, чуть не индійскаго происхожденія, что весьма утѣшительно.

Однажды свинья поспорила со львомъ и вызвала его на дуэль. Воротясь домой, одумалась и струсила. Собралось все стадо, подумали и рѣшили такъ:

— Видишь, свинья, тутъ у насъ по близости есть одна яма; поди, вываляйся въ ней хорошенько и явись такъ на мѣсто. Увидишь.

Свинья такъ и сдѣлала. Левъ пришелъ, понюхалъ, поморщился и пошелъ прочь. Долго еще потомъ свинья хвалилась что левъ струсилъ и убѣждалъ съ поля битвы.

Вотъ басня. Конечно, львовъ у насъ нѣтъ, — не по климату, да и слишкомъ величественно. Но поставьте вмѣсто льва порядочнаго человека, какимъ каждый обязанъ быть, и нравоученіе выйдетъ тоже самое.

Кстати расскажу еще присказку:

Однажды, разговаривая съ покойнымъ Герценомъ, я очень хвалилъ ему одно его сочиненіе, — «Съ того берега». Объ этой книгѣ, къ величайшему моему удовольствію, съ похвалой отнесся и Михаилъ Петровичъ Погодинъ въ своей превосходной и любопытнѣйшей статьѣ о свиданіи его за границей съ Герценомъ. Эта книга написана въ формѣ разговора двухъ лицъ, Герцена и его оппонента.

— И мнѣ особенно нравится, замѣтилъ я между прочимъ, что вашъ оппонентъ то же очень уменъ. Согласитесь что онъ васъ во многихъ случаяхъ ставитъ къ стѣнѣ.

— Да вѣдь въ томъ-то и вся штука, засмѣялся Герценъ. Я вамъ расскажу анекдотъ. Разъ, когда я былъ въ Петербургѣ, затащилъ меня къ себѣ Бѣлинскій и усадилъ слушать свою статью, которую горячо писалъ: «Разговоръ между господиномъ А. и господиномъ Б.» (Вошла въ собраніе его сочиненій). Въ этой статьѣ господинъ А., т. е., разумѣется, самъ Бѣлинскій, — выставленъ очень умнымъ, а господинъ Б., его оппонентъ, поплоче. Когда онъ кончилъ, то съ лихорадочнымъ ожиданіемъ спросилъ меня:

— Ну что, какъ ты думаешь?

— Да хорошо то хорошо и видно что ты очень уменъ, но только охота тебѣ была съ такимъ дуралеемъ свое время терять.

Бѣлинскій бросился на диванъ, лицомъ въ подушку, и закричалъ, смѣясь что есть мочи:

— Зарѣзалъ! Зарѣзалъ!

II.

Старые люди.

Этотъ анекдотъ о Бѣлинскомъ напомнилъ мнѣ теперь мое первое вступленіе на литературное поприще, Богъ знаетъ сколько лѣтъ тому

назадъ; грустное, роковое для меня время. Мнѣ именно припомнился самъ Бѣлинскій, какимъ я его тогда встрѣтилъ и какъ онъ меня тогда встрѣтилъ. Мнѣ часто припоминаются теперь старые люди, конечно потому что встрѣчаюсь съ новыми. Это была самая восторженная личность изо всѣхъ мнѣ встрѣчавшихся въ жизни. Герценъ былъ совсѣмъ другое: то былъ продуктъ нашего барства, gentilhomme russe et citoyen du monde¹ прежде всего, — типъ явившійся только въ Россіи и который нигдѣ кромѣ Россіи не могъ явиться. Герценъ не эмигрировалъ, не полагалъ начало русской эмиграціи; — нѣтъ, онъ такъ ужъ и родился эмигрантомъ. Они всѣ, ему подобные, такъ прямо и рождались у насъ эмигрантами, хотя большинство ихъ и не выѣзжало изъ Россіи. Въ полтора раста лѣтъ предыдущей жизни русскаго барства, за весьма малыми исключеніями, истлѣли послѣдніе корни, расшатались послѣднія связи его съ русской почвой и съ русской правдой. Герцену какъ будто сама исторія предназначила выразить собою въ самомъ яркомъ типѣ этотъ разрывъ съ народомъ огромнаго большинства образованнаго нашего сословія. Въ этомъ смыслѣ это типъ историческій. Отдѣлясь отъ народа, они естественно потеряли и Бога. Безпокойные изъ нихъ стали атеистами; вялые и спокойные—индифферентными. Къ русскому народу они питали лишь одно презрѣніе, воображая и вѣруя въ то же время что любятъ его и желаютъ ему всего лучшаго. Но они любили его отрицательно, воображая вмѣсто него какой-то идеальный народъ, — какимъ-бы долженъ быть по ихъ понятіямъ русскій народъ. Этотъ идеальный народъ невольно воплощался тогда у иныхъ передовыхъ представителей большинства въ парижскую чернь девяносто третьяго года. Тогда это былъ самый плѣнительный идеалъ народа. Разумѣется, Герценъ долженъ былъ стать социалистомъ и именно какъ русскій баричъ, то есть безо всякой нужды и цѣли, а изъ одного только «логическаго теченія идей» и отъ сердечной пустоты на родинѣ. Онъ отрекся отъ основъ прежняго общества; отрицалъ семейство и былъ, кажется, хорошимъ отцомъ и мужемъ. Отрицалъ собственность, а въ ожиданіи успѣлъ устроить дѣла свои, и съ удовольствіемъ ощущалъ за границей свою обезпеченность. Онъ заводилъ революціи и подстрекалъ къ нимъ другихъ и въ то же время любилъ комфортъ и семейный покой. Это былъ художникъ, мыслитель, блестящій писатель, чрезвычайно начитанный человекъ, остроумецъ, удивительный собесѣдникъ (говорилъ онъ даже лучше, чѣмъ писалъ) и великолѣпный рефлектёръ. Рефлексія, способ-

---

¹ русский дворянин и гражданин мира (франц.). — здесь и далее перевод всех иноязычных текстов приводится нами по современному изданию «Дневника писателя» Достоевского. — Прим. издательства ImWerden.

ность сдѣлать изъ самаго глубокаго своего чувства объектъ, поставить его передъ собою, поклониться ему и сейчасъ же, пожалуй, и насмѣяться надъ нимъ, — была въ немъ развита въ высшей степени. Безъ сомнѣнія, это былъ человѣкъ необыкновенный; но чѣмъ бы онъ ни былъ, — писалъ—ли свои записки, издавалъ—ли журналъ съ Прудономъ, выходилъ—ли въ Парижѣ на баррикады, (что такъ комически описалъ въ своихъ запискахъ); страдалъ—ли, радовался—ли, сомнѣвался—ли; посылалъ—ли въ Россію, въ шестьдесятъ третьемъ году, въ угоду полякамъ свое воззваніе къ русскимъ революціонерамъ, въ тоже время не вѣря полякамъ и зная, что они его обманули, зная, что своимъ воззваніемъ онъ губить сотни этихъ несчастныхъ молодыхъ людей; съ наивною ли неслыханною признавался въ этомъ самъ въ одной изъ позднѣйшихъ статей своихъ, даже и не подозрѣвая, въ какомъ свѣтѣ самъ себя выставляетъ такимъ признаніемъ — всегда, вездѣ и во всю свою жизнь онъ, прежде всего, былъ *gentilhomme russe et citoyen du monde*, по просту продуктъ прежняго крѣпостничества, которое онъ ненавидѣлъ и изъ котораго произошелъ, не по отцу только, а именно чрезъ разрывъ съ родной землей и съ ея идеалами. Бѣлинскій напротивъ, Бѣлинскій былъ вовсе не *gentilhomme*, — о, нѣтъ. (Онъ Богъ знаетъ отъ кого происходилъ. Отецъ его былъ, кажется, военнымъ лекаремъ).

Бѣлинскій былъ по преимуществу не рефлексивная личность, а именно беззавѣтно восторженная, всегда и во всю его жизнь. Первая повѣсть моя «Бѣдные Люди» восхитила его (потомъ, почти годъ спустя, мы разошлись — отъ разнообразныхъ причинъ, весьма впрочемъ неважныхъ во всѣхъ отношеніяхъ); но тогда, въ первые дни знакомства, привязавшись ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, онъ тотчасъ же бросился, съ самою простодушною торопливостью, обращать меня въ свою вѣру. Я нисколько не преувеличиваю его горячаго влеченія ко мнѣ, по крайней—мѣрѣ въ первые мѣсяцы знакомства. Я засталъ его страстнымъ социалистомъ и онъ прямо началъ со мной съ атеизма. Въ этомъ много для меня знаменательнаго, — именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшимъ образомъ проникаться идеей. Интернаціоналка въ одномъ изъ своихъ воззваній, года два тому назадъ, начала прямо съ знаменательнаго заявленія: «мы прежде всего общество атеистическое», т. е., начала съ самой сути дѣла; тѣмъ же началъ и Бѣлинскій. Выше всего цѣня разумъ, науку и реализмъ, онъ въ тоже время понималъ глубже всѣхъ, что одни: разумъ, наука и реализмъ могутъ создать лишь муравейникъ, а не социальную «гармонію», въ которой бы можно было ужиться человѣку. Онъ зналъ, что основа всему — начала нравственныя. Въ новыя нравственныя основы социализма (который однако не

указаль до сихъ поръ ни единой, кромѣ гнусныхъ извращеній природы и здраваго смысла) онъ вѣрилъ до безумія и безо всякой рефлексіи; тутъ былъ одинъ лишь восторгъ. Но какъ социалисту, ему прежде всего слѣдовало низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непременно должна начинать съ атеизма. Ему надо было низложить ту религію, изъ которой вышли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества. Семейство, собственность, нравственную отвѣтственность личности — онъ отрицаль радикально. (Замѣчу, что онъ былъ тоже хорошимъ мужемъ и отцомъ какъ и Герценъ). Безъ сомнѣнія онъ понималь, что отрицая нравственную отвѣтственность личности онъ тѣмъ самымъ отрицаетъ и свободу ея; но онъ вѣрилъ всеѣмъ существомъ своимъ (гораздо слѣпѣе Герцена, который, кажется, подконецъ усумнился), что социализмъ не только не разрушаетъ свободу личности, а напротивъ возстановляетъ ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ и уже адамантовыхъ основаніяхъ.

Тутъ оставалась однако сіяющая личность самого Христа, съ которою всего труднѣе было бороться. Ученіе Христово онъ, какъ социалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ челоуѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами; но все—таки оставался пресвѣтлый ликъ Богочелоуѣка, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но въ непрерывномъ, неугасимомъ восторгѣ своемъ Бѣлинскій не остановился даже и предъ этимъ неодолимымъ препятствіемъ какъ остановился Ренанъ, провозгласившій въ своей полной безвѣрія книгѣ *Vie de Jesus*¹, что Христосъ все таки есть идеаль красоты челоуѣческой, типъ недостижимый, которому нельзя уже болѣе повториться даже и въ будущемъ.

— Да знаете—ли вы, взвизгиваль онъ разъ вечеромъ (онъ иногда какъ—то взвизгиваль, если очень горячился), обращаясь ко мнѣ, знаете—ли вы, что нельзя насчитывать грѣхи челоуѣку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество такъ подло устроено, что челоуѣку невозможно не дѣлать злодѣйствъ, когда онъ экономически приведенъ къ злодѣйству и что нелѣпо и жестоко требовать съ челоуѣка того, чего уже по законамъ природы не можетъ онъ выполнить, еслибъ даже хотѣлъ...

Въ этотъ вечеръ мы были не одни; присутствовалъ одинъ изъ друзей Бѣлинскаго, котораго онъ весьма уважалъ и во многомъ слушался; былъ тоже одинъ молоденькій, начинающій литераторъ, заслужившій потомъ извѣстность въ литературѣ.

¹ «Жизнь Иисуса» (франц.).

— Мнѣ даже умилительно смотрѣть на него, прервалъ вдругъ свои яростныя восклицанія Бѣлинскій, обращаясь къ своему другу и указывая на меня: каждый—то разъ, когда я вотъ такъ помяну Христа, у него все лицо измѣняется, точно заплакать хочетъ... Да, повѣрьте же, наивный вы человѣкъ, набросился онъ опять на меня, повѣрьте же, что вашъ Христосъ, если бы родился въ наше время, былъ бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ; такъ и стушевался бы при нынѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ человѣчества.

— Ну, нѣ-ѣ-ѣтъ! подхватилъ другъ Бѣлинскаго. (Я помню, мы сидѣли, а онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ) — ну, нѣтъ: если бы теперь появился Христосъ, Онъ бы примкнулъ къ движенію и сталъ во главѣ его...

— Ну да, ну да, вдругъ и съ удивительною поспѣшностью согласился Бѣлинскій. Онъ бы именно примкнулъ къ социалистамъ и пошелъ за ними.

Эти двигатели человѣчества, къ которымъ предназначалось примкнуть Христу, были тогда все французы: прежде всѣхъ Жоржъ—Зандъ, теперь совершенно забытый Кабетъ, Пьеръ Леру и Прудонъ, тогда еще только начинавшій свою дѣятельность. Этихъ четырехъ, сколько припомню, всего болѣе уважалъ тогда Бѣлинскій. Фурье уже далеко не такъ уважался. Объ нихъ толковалось у него по цѣлымъ вечерамъ. Былъ тоже одинъ нѣмецъ, передъ которымъ тогда онъ очень склонялся — Фейербахъ. (Бѣлинскій, не могшій во всю жизнь научиться ни одному иностранному языку, произносилъ: Фіербахъ). О Штраусѣ говорилось съ благоговѣніемъ.

При такой теплой вѣрѣ въ свою идею, это былъ, разумѣется, самый счастливѣйшій изъ людей. О, напрасно писали потомъ, что Бѣлинскій, еслибъ прожилъ дольше, примкнулъ бы къ славянофильству. Никогда бы не кончилъ онъ славянофильствомъ. Бѣлинскій можетъ быть кончилъ бы эмиграціей, если бы прожилъ дольше и еслибы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь, маленькимъ и восторженнымъ старичкомъ, съ прежнею теплой вѣрой, не допускающей ни малѣйшихъ сомнѣній, гдѣнибудь по конгрессамъ Германіи и Швейцаріи, или примкнулъ бы адъютантомъ къ какойнибудь нѣмецкой М—те Гёггъ, на побѣгушкахъ по какомунибудь женскому вопросу.

Этотъ всеблаженный человѣкъ, обладавшій такимъ удивительнымъ спокойствіемъ совѣсти, иногда впрочемъ очень грустилъ; но грусть эта была особаго рода, — не отъ сомнѣній, не отъ разочарованій, о, нѣтъ, — а вотъ почему не сегодня, почему не завтра? Это былъ самый торопившійся человѣкъ въ цѣлой Россіи. Разъ я встрѣтилъ его утромъ, часа въ

три по полудни, у Знаменской церкви. Онъ сказалъ мнѣ, что выходилъ гулять и идетъ домой.

— Я сюда часто захожу взглянуть какъ идетъ постройка (вокзала Николаевской желѣзной дороги, тогда еще строившейся). Хотя тѣмъ сердце отведу, что постою и посмотрю на работу: наконецъ—то и у насъ будетъ хоть одна желѣзная дорога. Вы не повѣрите, какъ эта мысль облегчаетъ мнѣ иногда сердце.

Это было горячо и хорошо сказано; Бѣлинскій никогда не рисовался. Мы пошли вмѣстѣ. Онъ, помню, сказалъ мнѣ дорогою:

— А вотъ какъ зарюютъ въ могилу (онъ зналъ, что у него чахотка), тогда только спохватятся и узнаютъ кого потеряли.

Въ послѣдній годъ его жизни я уже не ходилъ къ нему. Онъ меня не влюбилъ, но я страстно принялъ тогда все ученіе его. Еще годъ спустя, въ Тобольскѣ, когда мы, въ ожиданіи дальнѣйшей участи, сидѣли въ острогѣ на пересыльномъ дворѣ, жены декабристовъ умолили смотрителя острога и устроили въ квартирѣ его тайное свиданіе съ нами. Мы увидѣли этихъ великихъ страдалицъ, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями въ Сибирь. Онѣ бросили все, знатность, богатство, связи и родныхъ, всѣмъ пожертвовали для высочайшаго нравственнаго долга, самаго свободнаго долга, какой только можетъ быть. Ни въ чемъ неповинныя, онѣ въ долгія двадцать пять лѣтъ перенесли все, что перенесли ихъ осужденные мужья. Свиданіе продолжалось часъ. Онѣ благословили насъ въ новый путь, перекрестили и каждого одѣлили евангеліемъ — единственная книга, позволенная въ острогѣ. Четыре года пролежала она подъ моей подушкой въ каторгѣ. Я читалъ ее иногда и читалъ другимъ. По ней выучилъ читать одного каторжнаго. Кругомъ меня были именно тѣ люди, которые, по вѣрѣ Бѣлинскаго, не могли не сдѣлать своихъ преступленій, а стало быть были правы и только несчастнѣе, чѣмъ другіе. Я зналъ, что весь русскій народъ называетъ насъ тоже «несчастливыми» и слышалъ это названіе множество разъ и изъ множества устъ. Но тутъ было что—то другое, совсѣмъ не то, о чемъ говорилъ Бѣлинскій и что слышится, напримѣръ теперь въ иныхъ приговорахъ нашихъ присяжныхъ. Въ этомъ словѣ «несчастливые», въ этомъ приговорѣ народа, звучала другая мысль. Четыре года каторги была длинная школа; я имѣлъ время убѣдиться... Теперь именно объ этомъ хотѣлось бы поговорить.

III. Среда.

Кажется одно общее ощущение всѣхъ присяжныхъ засѣдателей въ цѣломъ мірѣ, а нашихъ въ особенности (кромѣ прочихъ, разумѣется, ощущеній) должно быть ощущение власти, или лучше сказать само-властія. Ощущеніе иногда пакостное, т. е. въ случаѣ если преобладаетъ надъ прочими. Но хоть и въ незамѣтномъ видѣ, хоть и подавленное цѣлою массою иныхъ благороднѣйшихъ ощущеній, — все-таки оно должно крѣпиться въ каждой засѣдательской душѣ, даже при самомъ высокомъ сознаніи своего гражданскаго долга. Мнѣ думается, что это какъ нибудь выходитъ изъ самыхъ законовъ природы и потому, я помню, ужасно мнѣ было любопытно въ одномъ смыслѣ, когда только что установился у насъ новый (правый) судъ. Мнѣ въ мечтаніяхъ мерещились засѣданія, гдѣ почти сплошь будутъ засѣдать напримѣръ крестьяне, вчерашніе крѣпостные. Прокуроръ, адвокаты будутъ къ нимъ обращаться, заискивая и заглядывая, а наши мужички будутъ сидѣть и про себя помалчивать: «Вонъ оно какъ теперь, захочу, значитъ, оправдаю, не захочу — въ самой Сибирь».

И вотъ однако же замѣчательно теперь что они не караютъ, а сплошь оправдываютъ. Конечно, это тоже пользованіе властью, даже почти черезъ край, но въ какую-то одну сторону, сантиментальную что-ли, не разберешь — но общую, чуть не предвзятую у насъ повсемѣстно, точно всѣ сговорились. Общность «направленія» не подвержена сомнѣнію. Въ томъ и задача, что манія оправданія во что бы ни стало не у однихъ только крестьянъ вчерашнихъ униженныхъ и оскорбленныхъ, а захватила сплошь всѣхъ русскихъ присяжныхъ, даже самага высокаго подбора, нобльменовъ и профессоровъ университета. Уже одна эта общность представляетъ прелюбопытную тему для размышленій и наводитъ на многообразныя и пожалуй странныя иногда догадки.

Недавно въ одной изъ нашихъ вліятельнѣйшихъ газетъ, въ очень скромной и очень благонамѣренной статейкѣ, была мелькомъ проведена догадка: ужъ не склонны ли наши присяжные, какъ люди вдругъ и ни съ того ни съ сего ощутившіе въ себѣ столько могущества (точно съ неба упало) да еще послѣ такой вѣковой приниженности и забитости — не склонны ли они подсолить вообще «властямъ», при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ, для игривости или такъ сказать для контраста съ прошедшимъ, прокурору хоть напримѣръ? Догадка недурная и тоже не лишняя нѣкоторой игривости, но, разумѣется, ею нельзя всего объяснить.

«Просто жаль губить чужую судьбу; человекѣ тоже. Русскій народъ жалостливъ», разрѣшаютъ иные, какъ случилось иногда слышать.

Я однакоже всегда думалъ, что въ Англіи напримѣръ народъ тоже жалостливъ; и если и нѣтъ въ немъ такой такъ сказать слабосердости какъ въ нашемъ русскомъ народѣ, то по крайней мѣрѣ гуманность есть; есть сознаніе и живо чувство христіанскаго долга къ ближнему, и можетъ быть доведенныя до высокой степени, до твердаго и самостоятельнаго убѣжденія; даже можетъ быть болѣе твердаго чѣмъ у насъ, взявъ во вниманіе тамошнюю образованность и вѣковую самостоятельность. Тамъ вѣдь не «вдругъ съ неба» имъ столько власти свалилось. Да и самый судъ—то присяжныхъ они сами себѣ выдумали, ни у кого не занимали, вѣками утвердили, изъ жизни вынесли, не въ видѣ дара получили.

А между тѣмъ тамъ присяжный засѣдатель понимаетъ, чуть только займетъ свое мѣсто въ залѣ суда, что онъ — не только чувствительный человекъ съ нѣжнымъ сердцемъ, но прежде всего гражданинъ. Онъ думаетъ даже (вѣрно—ли, нѣтъ—ли), что исполненіе долга гражданскаго даже пожалуй и выше частнаго сердечнаго подвига. Еще недавно общій гулъ пошелъ у нихъ по всему королевству, когда присяжные оправдали одного явнаго вора. Общее движеніе страны доказало, что если и тамъ возможны такіе же приговоры, какъ и у насъ, то появляются рѣдко, какъ случаи исключительные и немедленно возмущающіе общее мнѣніе. Тамъ присяжный понимаетъ прежде всего, что въ рукахъ его знамя всей Англіи, что онъ уже перестаетъ быть частнымъ лицомъ, а обязанъ изображать собою мнѣніе страны. Способность быть гражданиномъ — это и есть способность возносить себя до цѣлаго мнѣнія страны. О, и тамъ есть «жалостливость» приговора, и тамъ принимается во вниманіе «заѣдающая среда» (кажется любимое теперь ученіе наше) — но до извѣстнаго предѣла, на сколько допускаетъ здоровое мнѣніе страны и степень просвѣщенія ея христіанскою нравственностію (а степень—то кажется довольно высокая). Но зато, и весьма часто, тамошній присяжный, скрѣпя свое сердце, произноситъ приговоръ обвинительный, понимая прежде всего, что обязанность его состоитъ въ томъ преимущественно чтобы засвидѣтельствовать своимъ приговоромъ передъ всѣми согражданами, что въ старой Англіи, за которою всякій изъ нихъ отдастъ свою кровь, порокъ по прежнему называется порокомъ и злодѣйство — злодѣйствомъ и что нравственныя основы страны все тѣ же, крѣпки, не измѣнились, стоятъ какъ и прежде стояли.

— Даже хотъ и предположить, слышится мнѣ голосъ, — что крѣпкія—то ваши основы (т. е. христіанскія) все тѣ же и что вправду надо быть прежде всего гражданиномъ, ну и тамъ держать знамя и пр. какъ

вы наговорили, — хоть и предположить пока безъ спору, подумайте, откуда у насъ взятыся гражданамъ—то? Вѣдь сообразить только что было вчера! Вѣдь гражданскія—то права (да еще какія!) на него вдругъ какъ съ горы скатились. Вѣдь они придавили его, вѣдь они пока для него только бремя, бремя!

— Конечно, есть правда въ вашемъ замѣчаніи, отвѣчаю я голосу нѣсколько повѣся носъ, но вѣдь опять таки русскій народъ...

— Русскій народъ? Позвольте, слышится мнѣ другой голосъ, — вотъ говорятъ, что дары—то съ горы скатились и его придавили. Но вѣдь онъ не только можетъ быть ощущаетъ, что столько власти онъ получилъ какъ даръ, но и чувствуетъ сверхъ того, что и получилъ—то ихъ даромъ, т. е. что не стоитъ онъ этихъ даровъ пока. Замѣтьте, это вовсе не значитъ, что и въ самомъ дѣлѣ онъ не стоитъ этихъ даровъ и что *не надо* или *рано* было одарять его; совсѣмъ даже напротивъ: это самъ народъ въ своей смиренной совѣсти сознаетъ, что онъ не достоинъ даровъ такихъ, — и это смиренное, но высокое сознание народное о своей недостойности есть именно залогъ того, что онъ—то ихъ и достоинъ. А покаместъ, въ смиреніи своемъ, народъ смущенъ. Кто заглядывалъ въ сокровенные тайники его сердца? Можетъ—ли у насъ хоть ктонибудь сказать что вполне знакомъ съ русскимъ народомъ? Нѣтъ, тутъ не одна только жалостливость и слабосердость, какъ изволите вы насмѣхаться. Тутъ сама эта власть страшна! Испугала насъ эта страшная власть надъ судьбой человѣческою, надъ судьбой родныхъ братьевъ, и пока достаемъ до вашего гражданства — мы милуемъ. Изъ страха милуемъ. Мы сидимъ присяжными и можетъ быть думаемъ: «сами—то мы лучше—ли подсудимаго? Мы вотъ богаты, обеспечены, а случись намъ быть въ такомъ же положеніи какъ онъ, такъ можетъ сдѣлаемъ еще хуже чѣмъ онъ, — мы и милуемъ. Такъ вѣдь это еще можетъ быть хорошо—съ, умиленіе—то это сердечное. Это можетъ быть залогъ къ чемунибудь такому высшему христіанскому въ будущемъ, чего еще и не знаетъ міръ до сихъ поръ!

«Это отчасти славянофильскій голосъ», разсуждаю я про себя. Мысль дѣйствительно утѣшительная, а догадка о смиреніи народномъ предъ властью полученною даромъ и дарованною пока «недостойному», ужъ конечно почище догадки о желаніи «поддразнить прокурора», хотя все—таки и эта догадка продолжаетъ мнѣ нравиться своимъ реализмомъ (конечно, принимая ее болѣе въ видѣ частнаго случая, какъ выставлялъ, впрочемъ, и самъ авторъ ея) но... но вотъ что болѣе смущаетъ меня однако: что это нашъ народъ вдругъ сталъ бояться такъ своей жалости?

«Больно дескать очень приговорить человѣка». Ну и чтожъ, и уйдите съ болью. Правда выше вашей боли.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если ужъ мы считаемъ что сами иной разъ еще хуже преступника, то тѣмъ самымъ признаемся и въ томъ, что на половину и виноваты въ его преступленіи. Если онъ преступилъ законъ, который земля ему написала, то сами мы виноваты въ томъ, что онъ стоитъ теперь передъ нами. Вѣдь если бы мы всѣ были лучше, то и онъ бы былъ лучше и не стоялъ—бы теперь передъ нами...

— Такъ вотъ тутъ—то и оправдать?

Нѣтъ, напротивъ; именно тутъ—то и надо сказать правду и зло назвать зломъ; но зато половину тяготы приговора взять на себя. Войдемъ въ залу суда съ мыслью, что и мы виноваты. Эта боль сердечная, которой всѣ теперь такъ боятся и съ которою мы выйдемъ изъ залы суда, и будетъ для насъ наказаніемъ. Если истинна и сильна эта боль, то она насъ очиститъ и сдѣлаетъ лучшими. Вѣдь сдѣлавшись сами лучшими, мы и среду исправимъ и сдѣлаемъ лучшею. Вѣдь только этимъ однимъ и можно ее исправлять. А такъ—то бѣжать отъ собственной жалости и чтобы не страдать самому сплошь оправдывать — вѣдь это легко. Вѣдь этакъ мало по малу придемъ къ заключенію, что и вовсе нѣтъ преступленій, а во всемъ «среда виновата». Дойдемъ до того, по клубку, что преступленіе сочтемъ даже долгомъ, благороднымъ протестомъ противъ «среды.» «Такъ какъ общество гадко устроено, то въ такомъ обществѣ нельзя ужиться безъ протеста и безъ преступленій». «Такъ какъ общество гадко устроено, то нельзя изъ него выбиться безъ ножа въ рукахъ». — Вѣдь вотъ что говоритъ ученіе о средѣ, въ противоположность христіанству, которое, вполнѣ признавая давленіе среды и провозгласивши милосердіе къ согрѣшившему, ставитъ однако—же нравственнымъ долгомъ человѣку борьбу со средой, ставитъ предѣлъ тому, гдѣ среда кончается, а долгъ начинается. Дѣлая человѣка отвѣтственнымъ, христіанство тѣмъ самымъ признаетъ и свободу его. Дѣлая же человѣка зависящимъ отъ каждой ошибки въ устройствѣ общественномъ, ученіе о средѣ доводитъ человѣка до совершенной безличности, до совершеннаго освобожденія его отъ всякаго нравственнаго личнаго долга, отъ всякой самостоятельности, доводитъ до мерзвѣйшаго рабства какое только можно вообразить. Вѣдь этакъ табаку человѣку захочется, а денегъ нѣтъ, такъ убить другаго, чтобы достать табаку. Помилуйте: «Развитому человѣку, ощущающему сильнѣе неразвитаго страданіе отъ неудовлетворенія своихъ потребностей, надо денегъ для удовлетворенія ихъ — такъ почему ему не убить неразвитаго если нельзя иначе денегъ достать?» Да неужели вы не прислушивались къ голосамъ адвокатовъ: «Конечно,

дескать, нарушенъ законъ, конечно, это преступленіе, что онъ убилъ неразвитаго, но, господа присяжные, возьмите во вниманіе и то...» и т. д. Вѣдь уже почти раздавались подобные голоса, да и не почти...

— Ну, вы, однако же, слышится мнѣ чей-то язвительный голосъ, — вы, кажется, народу новѣйшую философію среды навязываете, это какъ же она къ нему залетѣла? Вѣдь эти двѣнадцать присяжныхъ иной разъ сплошь изъ мужиковъ сидятъ и каждый изъ нихъ за смертный грѣхъ почитаетъ въ постъ оскоромиться. Вы бы ужъ прямо обвинили ихъ въ соціальныхъ тенденціяхъ.

«Конечно, конечно, гдѣ же имъ до «среды», то есть сплошь-то всѣмъ, задумываюсь я, — но вѣдь идеи, однако же, носятся въ воздухѣ; въ идеѣ есть нѣчто проникающее»...

— Вотъ на! хохочетъ язвительный голосъ.

— А что если нашъ народъ особенно склоненъ къ ученію о средѣ, даже по существу своему, по своимъ, положимъ, хоть славянскимъ наклонностямъ? Что если именно онъ-то и есть наилучшій матеріалъ въ Европѣ для иныхъ пропагаторовъ?

Язвительный голосъ хохочетъ еще громче, но какъ то выдѣлано.

Нѣтъ, тутъ съ народомъ пока еще только фортель, а не «философія среды». Тутъ есть одна ошибка, одинъ обманъ и въ этомъ обманѣ много соблазна.

Обманъ этотъ можно разъяснить въ такомъ видѣ, примѣромъ по крайней мѣрѣ.

Положимъ народъ называетъ осужденныхъ «несчастливыми», подаетъ имъ гроши и калачи. Что-же хочетъ онъ этимъ сказать, вотъ уже можетъ быть въ продолженіе вѣковъ? Христіанскую-ли правду или правду «Среды?» Именно тутъ-то и камень преткновенія, именно тутъ-то и скрывается тотъ рычагъ, за который съ успѣхомъ могъ бы ухватиться пропагаторъ «среды».

Есть идеи невысказанныя, безсознательныя и только лишь сильно чувствуемыя; такихъ идей много какъ бы слитыхъ съ душой человѣка. Есть онѣ и въ цѣломъ народѣ, есть и въ человѣчествѣ взятомъ какъ цѣлое. Пока эти идеи лежатъ лишь безсознательно въ жизни народной и только лишь сильно и вѣрно чувствуются, — до тѣхъ поръ только и можетъ жить сильнѣйшею живою жизнью народъ. Въ стремленіяхъ къ выясненію себѣ этихъ сокрытыхъ идей и состоитъ вся энергія его жизни. Чѣмъ колебимѣе народъ содержитъ ихъ, чѣмъ менѣе способенъ из-

мѣнить первоначальному чувству, чѣмъ менѣе склоненъ подчиняться различнымъ и ложнымъ толкованіямъ этихъ идей, тѣмъ онъ могучѣе, крѣпче, счастливѣе. Къ числу такихъ сокрытыхъ въ русскомъ народѣ идей — идей русскаго народа — и принадлежитъ названіе преступленія несчастіемъ, преступниковъ — несчастными.

Идея эта чисто русская. Ни въ одномъ европейскомъ народѣ ея не замѣчалось. На западѣ провозглашаютъ ее теперь лишь философы и толковники. Народъ же нашъ провозгласилъ ее еще задолго до своихъ философовъ и толковниковъ. Но изъ этого не слѣдуетъ чтобы онъ не могъ быть сбить съ толку ложнымъ развитіемъ этой идеи толковникомъ, временно по крайней мѣрѣ, съ краю. Окончательный смыслъ и послѣднее слово останутся безъ сомнѣнія всегда за нимъ, но *временно* — можетъ быть иначе.

Короче: этимъ словомъ «несчастные» народъ какъ бы говоритъ «несчастливымъ»: «Вы согрѣшили и страдаете, но и мы вѣдь грѣшны. Будь мы на вашемъ мѣстѣ, — можетъ и хуже бы сдѣлали. Будь мы лучше сами, можетъ и вы не сидѣли бы по острогамъ. Съ возмездіемъ за преступленія ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконіе. Помолитесь объ насъ и мы объ васъ молимся. А пока берите, «несчастные», гроши наши; подаемъ ихъ чтобы знали вы что васъ помнимъ и не разорвали съ вами братскихъ связей».

Согласитесь, что ничего нѣтъ легче какъ примѣнить къ такому взгляду ученіе о «средѣ»: «Общество скверно, потому и мы скверны; но мы богаты, мы обезпечены, насъ миновало только случайно то, съ чѣмъ вы столкнулись. Столкнись мы — сдѣлали-бы тоже самое что и вы. Кто виноватъ? Среда виновата. И такъ есть только подлое устройство среды, а преступленій нѣтъ вовсе».

Вотъ въ этомъ-то софистическомъ выводѣ и состоитъ тотъ фортель, о которомъ я говорилъ.

Нѣтъ, народъ не отрицаетъ преступленія и знаетъ, что преступникъ виновенъ. Народъ знаетъ только что и самъ онъ виновенъ вмѣстѣ съ каждымъ преступникомъ. Но обвиняя себя, онъ тѣмъ то и доказываетъ, что не вѣритъ въ «среду»; вѣритъ напротивъ, что среда зависитъ вполне отъ него, отъ его непрерывнаго покаянія и самосовершенствованія. Энергія, трудъ и борьба, — вотъ чѣмъ перерабатывается среда. Лишь трудомъ и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства. «Достигнемъ того, будемъ лучше и среда будетъ лучше». Вотъ что, невысказанно, ощущаетъ сильнымъ чувствомъ въ своей сокрытой идеѣ о несчастіи преступника русскій народъ.

Представьте же теперь, что если самъ преступникъ, слыша отъ народа, что онъ «несчастнѣй», сочтетъ себя только несчастнымъ, а не преступникомъ. Вотъ тогда-то и отшатнется отъ такого лжетолкованія народъ и назоветъ его измѣною народной правдѣ и вѣрѣ.

Я бы могъ представить и примѣры тому, но отложимъ ихъ пока и скажемъ такъ:

Преступникъ и намѣревающийся совершить преступленіе — это два разныя лица, но одной категоріи. Что же, если, приготовляясь къ преступленію сознательно, преступникъ скажетъ себѣ: «Нѣтъ преступленія!» Что, назоветъ его народъ «несчастнымъ?»

Можетъ и назоветъ; безъ сомнѣнія назоветъ; народъ жалостливъ; да и ничего нѣтъ несчастнѣе такого преступника, который даже пересталъ себя считать за преступника: это животное, это звѣрь. Чтожь въ томъ, что онъ не понимаетъ, что онъ животное и заморилъ въ себѣ совѣсть? Онъ только вдвое несчастнѣе. Вдвое несчастнѣе, но и вдвое преступнѣе. Народъ пожалѣетъ и его, но не откажется отъ правды своей. Никогда народъ, называя преступника «несчастнымъ» не переставалъ его считать за преступника! И не было бы у насъ сильнѣе бѣды какъ если бы самъ народъ согласился съ преступникомъ и отвѣтилъ ему: «Нѣтъ, не виновенъ, ибо нѣтъ преступленія!»

Вотъ наша вѣра, наша общая вѣра хотѣлось бы мнѣ сказать; вѣра всѣхъ уповающихъ и ожидающихъ. Прибавлю еще два слова.

Я былъ въ каторгѣ и видалъ преступниковъ, «рѣшенныхъ» преступниковъ. Повторяю, это была долгая школа. Ни одинъ изъ нихъ не переставалъ себя считать преступникомъ. Съ виду это былъ страшный и жестокой народъ. «Куражились», впрочемъ, только изъ глупенькихъ, новенькіе и надъ ними смѣялись. Большею частью народъ былъ мрачный, задумчивый. Про преступленія свои никто не говорилъ. Никогда не слыхалъ я никакого ропота. О преступленіяхъ своихъ даже и нельзя было вслухъ говорить. Случалось, что раздавалось чье нибудь слово, съ вызовомъ и вывертомъ, и — «вся каторга», какъ одинъ человѣкъ, осаживала выскочку. Про *это* не принято было говорить. Но, вѣрно говорю, можетъ ни одинъ изъ нихъ не миновалъ долгаго душевнаго страданія внутри себя, самага очищающаго и укрѣпляющаго. Я видалъ ихъ одиноко задумчивыхъ, я видалъ ихъ въ церкви молящихся передъ исповѣдью; прислушивался къ отдѣльнымъ внезапнымъ словамъ ихъ, къ ихъ восклицаніямъ; помню ихъ лица, о — повѣрьте, никто изъ нихъ не считалъ себя правымъ въ душѣ своей!

Не хотѣлъ бы я чтобы слова мои были приняты за жестокость. Но все-таки я осмѣлюсь высказать. Прямо скажу: строгимъ наказаніемъ,

острогомъ и каторгой вы можете быть половину спасли—бы изъ нихъ. Облегчили бы ихъ, а не отяготили. Самоочищеніе страданіемъ легче, легче говорю вамъ, чѣмъ та участь, которую вы дѣлаете многимъ изъ нихъ сплошнымъ оправданіемъ ихъ на судѣ. Вы только вселяете въ его душу цинизмъ, оставляете въ немъ соблазнительный вопросъ и насмѣшку надъ вами же. Вы не вѣрите? Надъ вами же, надъ судомъ вашимъ, надъ судомъ всей страны! Вы вливаете въ его душу безвѣріе въ правду народную, въ правду Божию; оставляете его смущеннаго... Онъ уходитъ и думаетъ: «Э, да вотъ какъ теперь, нѣту строгости. Поумнѣли знать. Боятся можетъ. Значитъ оно можно и въ другой разъ также. Понятно, коли я былъ въ такой нуждѣ — какъ же было не своровать».

И неужто вы думаете, что отпуская всѣхъ сплошь невиновными или «достойными всякаго снисхожденія», — вы тѣмъ даете имъ шансъ исправиться? Станетъ онъ вамъ исправляться! Какая ему бѣда! «Значитъ пожалуй я и не виновенъ былъ вовсе», — вотъ что онъ скажетъ *въ концѣ концовъ*. Сами же вы натолкнете его на такой выводъ. Главное то, что вѣра въ законъ и въ народную правду расшатывается.

Еще недавно я жилъ нѣсколько лѣтъ сряду за границей. Когда я выѣхалъ изъ Россіи, новый судъ только что у насъ начинался. Съ какою жадностью я читалъ тамъ все, что касалось русскихъ судовъ, въ нашихъ газетахъ. За границей я тоже съ горечью смотрѣлъ на нашихъ абсентеистовъ; на дѣтей ихъ, не знающихъ роднаго языка или забывающихъ его. Мнѣ ясно было, что половина ихъ самою силою вещей обратится подъ конецъ въ эмигрантовъ. Объ этомъ мнѣ всегда было больно думать: столько силъ, столько можетъ быть лучшихъ людей, а у насъ такъ нуждаются въ людяхъ! Но иногда, выходя изъ читальной залы, ей Богу, господа, я невольно мирился съ абсентеизмомъ и съ абсентеистами. Сердце поднималось до боли. Читаешь, — тамъ оправдали жену, убившую мужа. Преступленіе явное, доказанное; она сознается сама: «Нѣтъ, не виновна». Тамъ молодой человѣкъ разламываетъ кассу и крадетъ деньги: «Влюбленъ дескать очень былъ, надо было денегъ добыть, любовницѣ угодить», — «Нѣтъ, не виновенъ». И хоть бы всѣ эти случаи оправдывались состраданіемъ, жалостью; то—то и есть, что не понималъ я причинъ оправданія, путался. Впечатлѣніе выносилось смутное и — почти оскорбительное. Въ эти злыя минуты мнѣ представлялась иногда Россія какой—то трясиной, болотомъ, на которомъ кто—то затѣялъ построить дворецъ. Снаружи почва какъ бы и твердая, гладкая, а между тѣмъ это нѣчто въ родѣ поверхности какого нибудь гороховаго киселя, ступите и такъ и скользнете внизъ, въ самую бездну. Я очень упрекалъ себя за мое малодушіе; меня ободряло, что все—таки я издали могу оши-

баться, что все—таки я покамѣстъ тотъ же абсентеистъ, не вижу близко, не слышу ясно...

И вотъ я давно уже снова на родинѣ.

«Да полно жалко ли имъ въ самомъ дѣлѣ», — вѣдь вотъ вопросъ! Не смѣйтесь, что я придаю такую важность ему. «Жалость» по крайней мѣрѣ хоть что—нибудь и какънибудь объясняетъ, хоть изъ потемокъ выводитъ, а безъ этого послѣдняго объясненія — одно недоумѣніе, точно мракъ, въ которомъ живетъ какой—то сумасшедшій.

Мужикъ забиваетъ жену, увѣчитъ ее долгіе годы, ругается надъ нею хуже чѣмъ надъ собакой. Въ отчаяніи, рѣшившись на самоубійство, идетъ она почти обезумѣвшая въ свой деревенскій судъ. Тамъ отпускаютъ ее, промямливъ ей равнодушно: «Живите согласнѣе». Да развѣ это жалость? Это какія—то тупыя слова проснувагося отъ запоя пьяницы, который едва различаетъ что вы стоите предъ нимъ, глупо и безпредметно машетъ на васъ рукой, чтобы вы не мѣшали, у котораго еще не ворочается языкъ, чадъ и безуміе въ головѣ.

Исторія этой женщины, впрочемъ, извѣстна, слишкомъ недавняя. Ее читали во всѣхъ газетахъ и можетъ быть еще помнятъ. Просто за—просто жена отъ побоевъ мужа повѣсилась; мужа судили и нашли достойнымъ снисхожденія. Но мнѣ долго еще мерещилась вся обстановка, мерещится и теперь...

Я все воображалъ себѣ его фигуру: сказано, что онъ высокаго росту, очень плотнаго сложенія, силенъ, бѣлокуръ. Я прибавилъ бы еще: съ жидкими волосами. Тѣло бѣлое, пухлое, движенія медленныя, важныя; взглядъ сосредоточенный; говоритъ мало и рѣдко, слова роняетъ какъ многоцѣнный бисеръ и самъ цѣнить ихъ прежде всѣхъ. Свидѣтели показали что характера былъ жестокаго: поймаетъ курицу и повѣситъ ее за ноги, внизъ головой, такъ, для удовольствія, это его развлекало: превосходная, характернѣйшая черта! Онъ билъ жену чѣмъ попало, нѣсколько лѣтъ сряду, — веревками, палками. Вынетъ половицу, просунетъ въ отверстіе ея ноги, а половицу притиснетъ, и бьетъ, и бьетъ. Я думаю, онъ и самъ не зналъ за что ее бьетъ, такъ, по тѣмъ же вѣроятно мотивамъ, по которымъ и курицу вѣшалъ. Морилъ тоже голодомъ, по три дня не давалъ ей хлѣба. Положить на полку хлѣбъ, ее подзоветъ и скажетъ: «не смѣй трогать хлѣба, это *мой* хлѣбъ», — чрезвычайно характерная тоже черта! Она побиралась съ девятилѣтнимъ ребенкомъ у сосѣдей, дадутъ хлѣбца, поѣдятъ, не дадутъ — сидятъ голодомъ. Работу съ нея спрашивалъ; все она исполняла неуклонно, безсловесно, запуганно и стала наконецъ какъ помѣшанная. Я воображаю и ея наружность: должно быть очень маленькая, исхудавшая какъ щепка женщина. Ино-

гда это бываетъ что очень большіе и плотные мужчины, съ бѣлымъ, пухлымъ тѣломъ, женятся на очень маленькихъ, худенькихъ женщинахъ (даже наклонны къ такимъ выборамъ, я замѣтилъ) и такъ странно смотрѣть на нихъ, когда они стоятъ или идутъ вмѣстѣ. Мнѣ кажется, что еслибы она забеременѣла отъ него въ самое послѣднее время, то это была бы еще характернѣйшая и необходимѣйшая черта, чтобы восполнить обстановку; а то чего-то какъ будто недостаетъ. Видали ли вы какъ мужикъ сѣчетъ жену? Я видалъ. Онъ начинаетъ веревкой или ремнемъ. Мужичья жизнь лишена эстетическихъ наслажденій — музыки, театровъ, журналовъ; естественно, надо чѣмъ нибудь восполнить ее. Связавъ жену или забивъ ея ноги въ отверстіе половицы, нашъ мужичокъ начиналъ, должно быть методически, хладнокровно, сонливо даже, мѣрными ударами, не слушая криковъ и моленій; то-есть именно слушая ихъ, слушая съ наслажденіемъ, а то какое было бы удовольствіе ему бить? Знаете, господа, люди рождаются въ разной обстановкѣ: неужели вы не повѣрите, что эта женщина, въ другой обстановкѣ, могла бы быть какой нибудь Юліей или Беатриче изъ Шекспира, Гретхенъ изъ Фауста? Я вѣдь не говорю, что была, и было бы это очень смѣшно утверждать, но вѣдь могло быть въ зародышѣ и у ней нѣчто очень благородное въ душѣ, пожалуй не хуже чѣмъ и въ благородномъ сословіи, любящее, даже возвышенное сердце, характеръ, исполненный оригинальнѣйшей красоты. Уже одно то, что она столько медлила наложить на себя руки, показываетъ ее въ такомъ тихомъ, кроткомъ, терпѣливомъ, любящемъ свѣтѣ. И вотъ эту-то Беатриче или Гретхенъ сѣкутъ, сѣкутъ какъ кошку! Удары сыплются все чаще, рѣзче, безчисленнѣе; онъ начинаетъ разгорячаться, входитъ во вкусъ. Вотъ уже онъ озвѣрѣлъ совсѣмъ и самъ съ удовольствіемъ это знаетъ. Животные крики страдальцы хмѣляютъ его какъ вино: «Ноги твои буду мыть, воду эту пить,» — кричитъ Беатриче нечеловѣческимъ голосомъ, наконецъ затихаетъ, перестаетъ кричать и только дико какъ-то кряхтитъ, дыханіе поминутно обрывается, а удары тутъ-то и чаще, тутъ-то и садче... Онъ вдругъ бросаетъ ремень, какъ ошалѣлый схватываетъ палку, сучокъ, что попало, ломаетъ ихъ съ трехъ послѣднихъ ужасныхъ ударовъ на ея спинѣ, — баста! Отходитъ, садится за столъ, воздыхаетъ и принимается за квасъ. Маленькая дѣвочка, дочь ихъ (была же и у нихъ дочь!) на печкѣ въ углу дрожить, прячется: она слышала какъ кричала мать. Онъ уходитъ. Къ разсвѣту мать очнется, встанетъ охая и вскрикивая при каждомъ движеніи, идетъ доить корову, тащится за водой, на работу. А онъ ей уходя своимъ методическимъ, медленнымъ и важнымъ голосомъ: «Не смѣй ѣсть этотъ хлѣбъ, это *мой* хлѣбъ».

Подъ конецъ ему нравилось тоже вѣшать ее за ноги, какъ вѣшалъ курицу. Повѣсить должно быть, а самъ отойдетъ, сядетъ, примется за кашу, поѣстъ, потомъ вдругъ опять возьметъ ремень и начнетъ и начнетъ висячую... А дѣвочка все дрожить скорчившись на печи, дико заглянетъ украдкой на повѣшенную за ноги мать и опять спрячется...

Она удавилась въ маѣ, по утру, должно быть въ ясный весенній день. Ее видѣли наканунѣ избитую, совсѣмъ обезумѣвшую. Ходила она тоже передъ смертью въ волостной судъ и вотъ тамъ—то и проямлили ей: «Живите согласнѣ».

Когда она повѣсилась и захрипѣла, дѣвочка закричала ей изъ угла: «Мама, на что ты давишься?» Потомъ робко подошла, окликнула висѣвшую, дико осмотрѣла ее и нѣсколько разъ въ утро подходила изъ угла на нее смотрѣть, до самыхъ тѣхъ поръ какъ воротился отецъ.

И вотъ онъ передъ судомъ, — важный, пухлый, сосредоточенный; запирается во всемъ: «Душа въ душу жили», роняетъ онъ цѣннымъ бисеромъ рѣдкія слова. Присяжные выходятъ и по «краткомъ совѣщаніи» выносятъ приговоръ:

«Виновенъ, но достоинъ снисхожденія».

Замѣтьте, что дѣвочка свидѣтельствовала противъ отца. Она рассказала все и исторгла, говорятъ, слезы присутствующихъ. Еслибы не «снисхожденіе» присяжныхъ, то его сослали бы на поселеніе въ Сибирь. Но съ «снисхожденіемъ» ему только восемь мѣсяцевъ пробыть въ острогѣ, а тамъ воротится домой и потребуетъ къ себѣ свидѣтельствовавшую противъ него за мать дѣвочку. Будетъ кого опять за ноги вѣшать.

«Достинъ снисхожденія»! И вѣдь этотъ приговоръ данъ за знамо. Знали вѣдь что ожидаетъ ребенка. Къ кому, къ чему снисхожденіе? Чувствуешь себя какъ въ какомъ—то вихрѣ; захватило васъ и вертитъ, и вертитъ.

Постойте, расскажу еще анекдотъ.

Когда—то, еще до новыхъ судовъ (впрочемъ, не задолго до нихъ) прочиталъ я въ нашихъ газетахъ вотъ какой одинъ фактикъ: мать таскала на рукахъ ребенка годоваго или четырнадцати мѣсяцевъ. Въ этотъ возрастъ идутъ зубки; дѣти нездоровы, плачутъ и очень мучаются. Надоѣлъ ребенокъ матери, можетъ и дѣла у ней было много, а тутъ таскай его на рукахъ и слушай его раздирающій плачь. Озлилась она. А впрочемъ, неужто бить за это такого маленькаго ребеночка? Вѣдь такъ жалко прибить его, и что онъ смыслить? Вѣдь онъ такъ беспомощенъ, зависитъ отъ послѣдней пылинки... Вѣдь и не уймешь коли прибьешь: онъ залъется своими слѣзками и васъ же обхватитъ ручками, а то васъ же

начнетъ цаловать и плачетъ и плачетъ. Но она не прибила его, а тамъ въ комнатѣ кипѣлъ самоваръ. Она поднесла ручку ребенка подъ самый кранъ и отвернула кранъ. Она выдержала ручку подъ кипяткомъ секундъ десять.

Это фактъ, я читалъ. Но вотъ, представьте, что это случилось теперь и эту женщину вызвали въ судъ. Присяжные удаляются и «по краткомъ совѣщаніи» выносятъ приговоръ:

«Достойна всякаго снисхожденія».

Ну представьте это себѣ; я по крайней мѣрѣ матерей приглашаю представить. То-то должно быть вертѣлся бы тутъ адвокатъ:

— Господа присяжные, конечно, случай этотъ нельзя назвать полнымъ гуманнымъ, но возьмите дѣло въ его цѣлости, представьте среду, обстановку. Эта женщина бѣдна, одна въ домѣ работница, терпитъ неприятности. Ей не на что было даже няньку нанять. Естественно, что подъ такую минуту, когда злоба отъ заѣвшей среды входитъ, такъ сказать, внутрь, господа, естественно что она и поднесла ручку подъ кранъ самовара... ну и... и...

О, конечно, я понимаю всю полезность и всю высоту адвокатскаго званія, всѣми уважаемаго. Но нельзя же не взглянуть иногда съ одной точки, — согласенъ, легкомысленной, но и невольной: вѣдь какова же иногда ихъ должность каторжная, подумаешь про себя, вертится, изворачивается какъ ужъ, лжетъ противъ своей совѣсти, противъ собственного убѣжденія, противъ всякой нравственности, противъ всего человѣческаго! Нѣтъ, подлинно не даромъ деньги берутъ.

— Да подите! восклицаетъ вдругъ давешній язвительный голосъ. Вѣдь все это вздоръ и одна только ваша фантазія. Никогда не выносили такого приговора присяжные. Никогда не вертѣлся адвокатъ. Все напредставили.

А жена привѣшенная вверхъ ногами какъ курица, а «это *мой* хлѣбъ, не смѣй ѣсть его», а дѣвочка дрожащая на печи, полчаса слушающая крики матери, а «мама, на что ты давишься?» — это развѣ не тоже самое что и ручка подъ кипяткомъ? Вѣдь *почти* тоже самое!

«Неразвитость, тупость, пожалѣйте, среда», настаивалъ адвокатъ мужика. Да вѣдь ихъ милліоны живутъ и не всѣ же вѣшаютъ женъ своихъ за ноги! Вѣдь все таки тутъ должна быть черта... Съ другой стороны вотъ и образованный человѣкъ да сейчасъ повѣситъ. Полноте вертѣться, господа адвокаты, съ вашей «средой».

IV. Нѣчто личное.

Меня нѣсколько разъ вызывали написать мои литературныя воспоминанія. Не знаю напишу—ли, да и память слаба. Да и грустно вспоминать; я вообще не люблю вспоминать. Но нѣкоторые эпизоды моего литературнаго поприща мнѣ по неволѣ представляются съ чрезвычайно отчетливостью, не смотря на слабую память. Вотъ, напримѣръ, одинъ анекдотъ:

Разъ весной по утру я зашелъ къ покойному Егору Петровичу Ковалевскому. Ему очень нравился мой романъ «Преступленіе и Наказаніе», появившійся тогда въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Онъ съ жаромъ хвалилъ его и передалъ мнѣ одинъ драгоцѣнный для меня отзывъ одного лица, имени котораго не могу выставить. Тѣмъ временемъ въ комнату вошли одинъ за другимъ два издателя двухъ журналовъ. Одинъ изъ этихъ журналовъ пріобрѣлъ въ послѣдствіи небывалое доселѣ ни у одного изъ нашихъ ежемѣсячныхъ изданій число подписчиковъ, но тогда только лишь начинался. Другой, напротивъ, уже оканчивалъ замѣчательное и вліятельное на литературу и публику существованіе свое; но тогда въ то утро его издатель еще не зналъ, что изданіе его уже такъ близко къ своему берегу. Вотъ съ этимъ—то издателемъ мы вышли въ другую комнату и остались наединѣ.

Не называя его имени, скажу лишь, что первая встрѣча моя съ нимъ въ жизни была чрезвычайно горячая, изъ необыкновенныхъ, для меня вѣчно памятная. Можетъ помнитъ и онъ. Тогда еще онъ не былъ издателемъ. Потомъ произошли многія недоразумѣнія. По возвращеніи моемъ изъ Сибири мы очень рѣдко встрѣчались, но разъ мелькомъ онъ сказалъ мнѣ чрезвычайно теплое слово и по одному поводу указалъ на одни стихи, — лучшіе что онъ написалъ когда—либо. Прибавлю, что видомъ и обычаемъ никто менѣе его не походилъ на поэта, да еще изъ «страдающихъ». А между тѣмъ, онъ одинъ изъ самыхъ страстныхъ, мрачныхъ и «страдающихъ» нашихъ поэтовъ.

— Ну, вотъ мы васъ обругали, сказалъ онъ мнѣ (т. е. въ его журналѣ за «Преступленіе и Наказаніе»).

— Знаю, сказалъ я.

— А знаете почему?

— По принципу, должно быть.

— За Чернышевскаго.

Я остолбенѣлъ отъ удивленія:

— NN., который написал критическую статью, продолжалъ издатель, сказалъ мнѣ такъ: «Романъ его хорошъ, но такъ какъ онъ въ своей повѣсти два года назадъ, не постыдился надругаться надъ несчастнымъ ссыльнымъ и окарикатурить его, то я его романъ обругаю».

— Такъ это все таже глупая сплетня о «Крокодилѣ»? вскричалъ я сообразивъ. Да неужто и вы вѣрите? Читали вы эту мою повѣсть сами, «Крокодила»?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Да вѣдь все это сплетня, самая пошлѣйшая сплетня, какая только можетъ случиться. Вѣдь нужно имѣть умъ и поэтическое чутье Булгарина, чтобы въ этой бездѣлкѣ, повѣсти для смѣху, прочесть между строкъ такую «гражданскую» аллегорію, да еще на Чернышевскаго! Еслибъ вы знали какъ глупа такая натяжка! Никогда, впрочемъ, не прощу себѣ, что два года назадъ не протестовалъ противъ этой подлой клеветы, когда только что ее выпустили!

Этотъ разговоръ мой съ издателемъ уже давно угаснувшего теперь журнала, происходилъ лѣтъ семь тому назадъ и вотъ я до сихъ поръ еще не протестовалъ противъ «клеветы» — то пренебрегалъ, то «не было времени». Между тѣмъ эта низость, мнѣ приписываемая, такъ и осталась въ воспоминаніяхъ иныхъ особъ несомнѣннымъ фактомъ, имѣла ходъ въ литературныхъ кружкахъ, проникла и въ публику и уже не разъ приносила мнѣ непріятности. Пора сказать обо всемъ этомъ хоть одно слово, тѣмъ болѣе, что оно теперь кстати и хотя голословно, но опровергнуть клевету, впрочемъ, тоже въ высшей степени голословную. Долгимъ молчаніемъ моимъ и небрежностью я до сихъ поръ какъ бы подтверждалъ ее.

Съ Николаемъ Гавриловичемъ Чернышевскимъ я встрѣтился въ первый разъ въ пятьдесятъ девятомъ году, въ первый же годъ по возвращеніи моемъ изъ Сибири, не помню гдѣ и какъ. Потомъ иногда встрѣчались, но очень не часто, разговаривали, но очень мало. Всегда, впрочемъ, подавали другъ другу руку. Герценъ мнѣ говорилъ, что Чернышевскій произвелъ на него непріятное впечатлѣніе, т. е. наружностью, манерою. Мнѣ наружность и манера Чернышевскаго нравились.

Однажды утромъ я нашелъ у дверей моей квартиры, на ручкѣ замка, одну изъ самыхъ замѣчательныхъ прокламацій, изо всѣхъ которыя тогда появлялись; а появлялось ихъ тогда довольно. Она называлась «Къ молодому поколѣнію». Ничего нельзя было представить нелѣпѣе и глупѣе. Содержанія возмутительнаго, въ самой смѣшной формѣ, какую только ихъ злодѣй могъ—бы имъ выдумать, чтобы ихъ же зарѣзать. Мнѣ ужасно стало досадно и было грустно весь день. Все это было тогда еще

вновь и до того вблизи, что даже и въ этихъ людей вполне всмотрѣться было тогда еще трудно. Трудно именно потому, что какъ-то не вѣрилось чтобы подъ всей этой сумятицей скрывался такой пустякъ. Я не про движеніе тогдашнее говорю, въ его цѣломъ, а говорю только про людей. Что до движенія, то это было тяжелое, болѣзненное, но роковое своею историческою послѣдовательностію явленіе, которое будетъ имѣть свою серьезную страницу въ петербургскомъ періодѣ нашей исторіи. Да и страница эта кажется еще далеко не дописана.

И вотъ мнѣ, давно уже душой и сердцемъ несогласному ни съ этими людьми, ни со смысломъ ихъ движенія, — мнѣ вдругъ тогда стало досадно и почти какъ-бы стыдно за ихъ неумѣлость: «зачѣмъ у нихъ это такъ глупо и неумѣло выходитъ?» И какое мнѣ было до этого дѣло? Но я жалѣлъ не о неудачѣ ихъ. Собственно разбрасывателей прокламацій я не зналъ ни одинаго, не знаю и до сихъ поръ; но тѣмъ-то и грустно было, что явленіе это представлялось мнѣ не единичнымъ, не глупенькою продѣлкой такихъ-то вотъ именно лицъ, до которыхъ нѣтъ дѣла. Тутъ подавлялъ одинъ фактъ: уровень образованія, развитія и хоть какого-нибудь пониманія дѣйствительности, подавлялъ ужасно. Не смотря на то, что я уже три года жилъ въ Петербургѣ и присматривался къ инымъ явленіямъ, — эта прокламація въ то утро какъ бы ошеломила меня, явилась для меня совсѣмъ какъ бы новымъ неожиданнымъ откровеніемъ: никогда до этого дня не предполагалъ я такого ничтожества! Пугала именно степень этого ничтожества. Предъ вечеромъ мнѣ вдругъ вздумалось отправиться къ Чернышевскому. Никогда до тѣхъ поръ ни разу я ни бывалъ у него и не думалъ бывать, равно какъ и онъ у меня.

Я вспоминаю, что это было часовъ въ пять пополудни. Я засталъ Николая Гавриловича совсѣмъ одного, даже изъ прислуги никого дома не было и онъ отворилъ мнѣ самъ. Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно радушно и привелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Николай Гавриловичъ, что это такое? вынулъ я прокламацію.

Онъ взялъ ее какъ совсѣмъ незнакомую ему вещь и прочелъ. Было всего строкъ десять.

— Ну, что-же? спросилъ онъ съ легкой улыбкой.

— Неужели они такъ глупы и смѣшны? Неужели нельзя остановить ихъ и прекратить эту мерзость?

Онъ чрезвычайно вѣско и внушительно отвѣчалъ:

— Неужели вы предполагаете что я солидаренъ съ ними и думаете что я могъ участвовать въ составленіи этой бумажки?

— Именно не предполагалъ, отвѣчалъ я, и даже считаю не нужнымъ васъ въ томъ увѣрять. Но во всякомъ случаѣ ихъ надо остановить

во чтобы ни стало. Ваше слово для нихъ вѣско и ужъ конечно они боят-ся вашего мнѣнія.

— Я никого изъ нихъ не знаю.

— Увѣренъ и въ этомъ. Но вовсе и не нужно ихъ знать и говорить съ ними лично. Вамъ стоитъ только вслухъ гдѣ нибудь заявить ваше по-рищаніе и это дойдетъ до нихъ.

— Можетъ и не произведетъ дѣйствія. Да и явленія эти, какъ сто-ронніе факты, неизбѣжны.

— И однако всѣмъ и всему вредятъ.

Тутъ позвонилъ другой гость, не помню кто. Я уѣхалъ. Долгомъ считаю замѣтить, что съ Чернышевскимъ я говорилъ искренно и вполнѣ вѣрилъ, какъ вѣрю и теперь, что онъ не былъ «солидаренъ» съ этими разбрасывателями. Мнѣ показалось, что Николаю Гавриловичу не не-пріятно было мое посѣщеніе; черезъ нѣсколько дней онъ подтвердилъ это заѣхавъ ко мнѣ самъ. Онъ просидѣлъ у меня съ часъ и признаюсь я рѣдко встрѣчалъ болѣе мягкаго и радушнаго человѣка, такъ что тогда же подивился нѣкоторымъ отзывама о его характерѣ, будто—бы жесткомъ и необщительномъ. Мнѣ стало ясно что онъ хочетъ со мною познакомиться и, помню, мнѣ было это пріятно. Потомъ я былъ у него еще разъ и онъ у меня тоже. Вскорѣ по нѣкоторымъ моимъ обстоятель-ствамъ я переселился въ Москву и прожилъ въ ней мѣсяцевъ девять. Начавшееся знакомство такимъ образомъ прекратилось. За симъ произошелъ арестъ Чернышевскаго и его ссылка. Никогда ничего не могъ я узнать о его дѣлѣ; не знаю и до сихъ поръ.

Года полтора спустя мнѣ вздумалось написать одну фантастическую сказку, въ родѣ подражанія повѣсти Гоголя «Носъ». Никогда еще не пробовалъ я писать въ фантастическомъ родѣ. Это была чисто литера-турная шалость, единственно для смѣху. Представилось дѣйствительно нѣсколько комическихъ положеній, которыя мнѣ захотѣлось развить. Хоть и не стоитъ того, но расскажу сюжетъ чтобы понятно было что по-томъ изъ него вывели. Тогда въ Петербургѣ въ Пассажѣ какой—то нѣмецъ показывалъ за деньги крокодила. Одинъ петербургскій чинов-никъ, предъ поѣздкой за границу, отправляется съ своей молодой женой и съ неотлучнымъ другомъ своимъ въ Пассажъ и между прочимъ всѣ за-ходятъ посмотрѣть крокодила. Чиновникъ этотъ, — средняго круга, но изъ тѣхъ которые имѣютъ нѣкоторое независимое состояніе, еще моло-дой, но заѣданный самолюбіемъ; прежде всего дуракъ какъ и незабвен-ный маіоръ Ковалевъ, потерявшій свой носъ. Онъ комически увѣренъ въ своихъ великихъ достоинствахъ; полуобразованъ, но считаетъ себя чуть не за генія, почитается въ своемъ департаментѣ за человѣка пустѣйшаго

и постоянно обиженъ всеобщимъ къ нему невниманіемъ. Какъ бы въ отместку за это муштруетъ и тиранизируетъ своего безхарактернаго друга, величаясь надъ нимъ своимъ умомъ. Другъ ненавидитъ его, но переноситъ все потому что въ тайнѣ ему нравится его жена. Въ Пассаждѣ пока эта дамочка, молоденькая и хорошенькая, чисто петербургскаго типа, глупенькая кокетка средняго круга, засмотрѣлась на показывавшихся вмѣстѣ съ крокодиломъ обезьянъ, геніальный супругъ ея какъ-то раздражилъ доселѣ соннаго и лежавшаго какъ колода крокодила: тотъ вдругъ разѣваетъ пасть и проглатываетъ его всего цѣликомъ, безъ остатку. Вскорѣ оказывается что великій человѣкъ не потерпѣлъ оттого ни малѣйшаго поврежденія; напротивъ, по свойственному ему упрямству объявилъ изъ крокодила что ему очень хорошо въ немъ сидѣть. Другъ и жена удаляются хлопотать по начальству о его освобожденіи. Для этого представлялось совершенно необходимымъ убить крокодила, взрѣзать его и освободить великаго человѣка; но при томъ, конечно, слѣдовало вознаграждать за крокодила нѣмца хозяина и его неразлучную муттеръ. Нѣмецъ сначала въ негодованіи и отчаяніи изъ боязни что его крокодилъ, проглотившій «ганцъ чиновникъ», можетъ умереть; но скоро догадывается, что проглоченный членъ петербургской администраціи и оставшійся при томъ въ живыхъ можетъ доставить ему впредь чрезвычайный сборъ во всей Европѣ. Онъ требуетъ за крокодила огромную сумму и сверхъ того чинъ русскаго полковника. Съ другой стороны начальство приходитъ въ немалое затрудненіе, что слишкомъ ужъ новый по министерству случай и что подобныхъ примѣровъ до сихъ поръ не бывало. «Еслибы намъ хоть какой-нибудь подобный примѣрчикъ прежде, то можно бы дѣйствовать, а то затруднительно». Подозрѣваетъ тоже, что чиновникъ залѣзъ въ крокодила вслѣдствіе какихъ-нибудь запрещенныхъ, либеральныхъ тенденцій. Супруга между тѣмъ стала находить что положеніе ея «въ родѣ какъ-бы вдовы» не лишено интереса. Проглоченный супругъ ея между тѣмъ объявляетъ своему другу окончательно, что ему несравненно лучше оставаться въ крокодилѣ чѣмъ на службѣ, ибо теперь онъ уже по неволѣ обратитъ на себя вниманіе чего никогда прежде не могъ добиться. Онъ настаиваетъ, чтобы жена его завела вечера, и чтобы на эти вечера его приносили вмѣстѣ съ крокодиломъ въ ящикѣ. Онъ увѣренъ, что на вечера эти бросится весь Петербургъ и всѣ государственные сановники — смотрѣть новый феноменъ. Тутъ-то онъ и намѣренъ выиграть: «Буду изрекать правду и учить; государственному мужу подамъ совѣтъ, предъ министромъ выкажу способности», говоритъ онъ, считая себя какъ бы уже не отъ міра сего и уже вправѣ давать совѣты и изрекать приговоры. На осторожный, но ядови-

тый вопросъ друга: «А ну, какъ если онъ неожиданнымъ какимъ нибудь процессомъ, котораго, впрочемъ, слѣдуетъ ожидать, переварится во что нибудь такое, чего не ожидаетъ» — великій человѣкъ отвѣчаетъ, что уже думалъ объ этомъ; но съ негодованіемъ будетъ сопротивляться этому весьма возможному по законамъ природы явленію. Супруга, однако же, не соглашается давать вечера съ такою цѣлью, хотя ей и нравится мысль о нихъ: «Какъ же это моего мужа будутъ приносить ко мнѣ въ ящикъ?» говоритъ она. Къ тому же и положеніе какъ бы вдовы ей все болѣе и болѣе нравится. Она входитъ во вкусъ; въ ней берутъ участіе. Къ ней ѣздитъ начальникъ ея мужа и играетъ съ ней въ свои козыри... Вотъ первая часть этого шутовскаго разсказа — онъ не доконченъ. Когда нибудь непременно докончу, хоть я уже и забылъ о немъ и теперь долженъ былъ перечитать, чтобы припомнить.

Вотъ что, однако же, сдѣлали изъ этой маленькой вещицы. Едва только разсказъ появился въ журналѣ «Эпоха» (въ 1865 г.), какъ вдругъ «Голосъ», въ фельетонѣ, сдѣлалъ странную замѣтку. Не помню буквально, да и слишкомъ далеко справляться, но смыслъ былъ въ родѣ того: «Напрасно, дескать, авторъ «Крокодила» вступаетъ на такой путь; это не принесетъ ему ни чести, ни ожидаемой выгоды» и пр. и пр. Затѣмъ, нѣсколько самыхъ туманныхъ и непріязненныхъ колкостей. Я прочелъ мелькомъ, ничего не понялъ, видѣлъ только, что много яду, но не зналъ за что. Этотъ туманный фельетонный отзывъ, самъ по себѣ, разумѣется, не могъ повредить мнѣ; изъ читателей все равно никто бы его не понялъ, также какъ и я; но вдругъ недѣлю спустя, Н. Н. С. сказалъ мнѣ: «Знаете, что тамъ думаютъ? Тамъ увѣрены, что вашъ «Крокодилъ» — аллегорія, исторія ссылки Чернышевскаго, и что вы хотѣли выставить и осмѣять Чернышевскаго». Я хоть и удивился, но не очень обезпокоился; мало ли какихъ не бываетъ догадокъ? Мнѣніе это показалось мнѣ слишкомъ единичнымъ и натянутымъ, чтобы оно возымѣло ходъ и я почелъ совершенно не нужнымъ протестовать. Никогда не прощу себѣ этого, ибо мнѣніе укрѣпилось и возымѣло ходъ. *Salomniez, il en restera toujours quelque chose.*¹

Я, впрочемъ, убѣжденъ и теперь, что тутъ вовсе и не было клеветы, — да и за что, для чего? Я почти ни съ кѣмъ въ литературѣ не поссорился, по крайней мѣрѣ очень не ссорился. Теперь, въ эту минуту, я всего во второй разъ, въ двадцать семь лѣтъ моей литературной дѣятельности, говорю о себѣ лично. Просто тутъ была тупость, угрюмая, мнительная тупость, засѣвшая въ какую нибудь голову «съ направленіемъ». Я убѣжденъ, что эта многодумная голова совершенно увѣрена

¹ Клеветите, всегда что-нибудь да останется (франц.).

до сихъ поръ, что не ошиблась и что я непременно глумился надъ несчастнымъ Чернышевскимъ. Убѣжденъ даже, что никакими объясненіями и извиненіями не измѣню взгляда ея въ свою пользу даже и теперь. Но вѣдь за то она и многодумная голова. (Я, разумѣется, не объ Андреѣ Александровичѣ говорю; въ качествѣ редактора и издателя своей газеты, онъ тутъ какъ и всегда въ сторонѣ).

Въ чемъ же аллегорія? Ну, конечно — крокодилъ изображаетъ собою Сибирь; самонадѣянный и легкомысленный чиновникъ — Чернышевскаго. Онъ попалъ въ крокодила и все еще питаетъ надежду поучать весь міръ. Безхарактерный другъ его, котораго онъ деспотируетъ — это все здѣшніе друзья Чернышевскаго. Хорошенькая, но глупенькая жена чиновника, радующаяся своему положенію «какъ бы вдовы» — это... Но тутъ уже такъ грязно, что я не хочу мараться и продолжать разъясненіе аллегоріи. (А между тѣмъ вѣдь она укрѣпилась и именно можетъ—быть послѣдній то намекъ и укрѣпился; я имѣю несомнѣнныя доказательства).

Значитъ предположили, что я, самъ бывший ссыльный и каторжный, обрадовался ссылкѣ другаго «несчастливаго»; мало того — написалъ на этотъ случай радостный пашквиль. Но гдѣ же тому доказательства; въ аллегоріи? Но принесите мнѣ что хотите: «Записки сумасшедшаго», оду «Богъ», «Юрія Милославскаго», стихи Фета — что хотите — и я берусь вамъ вывести тотчасъ же изъ первыхъ десяти строкъ вами указанныхъ, что тутъ именно аллегорія о франко—прусской войнѣ или пашквиль на актера Горбунова, однимъ словомъ на кого угодно, на кого прикажете. Вспомните какъ въ старину, въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ на примѣръ, цензора разсматривали рукописи и транспаранты: не было строчки, не было точки, въ которыхъ бы не подозрѣвалось чего—нибудь, какойнибудь аллегоріи. Пусть лучше представляютъ хоть что—нибудь изъ всей моей жизни для доказательства, что я похожъ на злаго, безсердечнаго пашквильянта, и что отъ меня можно ожидать такихъ аллегорій.

Именно поспѣшность и торопливость подобныхъ бездоказательныхъ выводовъ и свидѣтельствуетъ, напротивъ, о нѣкоторой неизменности духа самихъ обвинителей, о грубости и негуманности взгляда ихъ. Тутъ даже самое простодушіе догадки не извинительно; чтожъ? Можно быть и простодушно неизменнымъ, и только.

Можетъ быть я ненавиждѣлъ Чернышевскаго лично? Чтобы предупредить это обвиненіе я нарочно рассказалъ выше о нашемъ краткомъ и радушномъ знакомствѣ. Скажутъ, — этого мало и что я питалъ затаенную ненависть. Но пусть же выставятъ и предлоги къ этой ненависти, если имѣютъ что выставить. Ихъ не было. Съ другой стороны я убѣ-

жденъ, что самъ Чернышевскій подтвердитъ точность моего разсказа о нашей встрѣчѣ, если когданибудь прочтетъ его. И дай Богъ чтобы онъ получилъ возможность это сдѣлать. Я также тепло и горячо желаю того какъ искренно сожалѣлъ и сожалѣю о его несчастіи.

Но ненависть изъ за убѣжденій быть можетъ?

Почему же? Чернышевскій никогда не обижалъ меня своими убѣжденіями. Можно очень уважать человѣка, расходясь съ нимъ въ мнѣніяхъ радикально. Тутъ, впрочемъ, я могу говорить не совсѣмъ голословно и имѣю даже маленькое доказательство. Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ №№ прекратившагося въ то время журнала «Эпоха» (чуть ли не въ самомъ послѣднемъ) была помѣщена большая критическая статья о «знаменитомъ» романѣ Чернышевскаго «Кто виноватъ». Эта статья замѣчательная и принадлежитъ извѣстному перу. И чтоже? Въ ней именно отдается все должное уму и таланту Чернышевскаго. Собственно объ романѣ его было даже очень горячо сказано. Въ замѣчательномъ же умѣ его никто и никогда не сомнѣвался. Сказано было только въ статьѣ нашей объ особенностяхъ и уклоненіяхъ этого ума, но уже самая серьезность статьи свидѣтельствовала и о надлежащемъ уваженіи нашего критика къ достоинствамъ разбираемаго имъ автора. Теперь согласитесь: если бы была во мнѣ ненависть изъ за убѣжденій, я—бы, конечно, не допустилъ въ журналѣ статьи, въ которой говорилось о Чернышевскомъ съ надлежащимъ уваженіемъ; на самомъ дѣлѣ вѣдь я былъ редакторомъ «Эпохи», а не кто другой.

Можетъ быть я, печатая ядовитую аллегорію, надѣялся выиграть гдѣнибудь *en haut lieu*?¹ Но когда и кто можетъ сказать про меня что я заигрывалъ или выигрывалъ въ этомъ смыслѣ въ какомъ—нибудь *lieu* т. е. продавалъ свое перо. Я думаю даже что самъ авторъ догадки не имѣлъ такой мысли не смотря на все свое простодушіе. Да и не укрѣпилась бы она ни за что въ литературномъ мірѣ, если бы только въ этомъ состояло обвиненіе.

Что же касается до возможности обвиненія въ пашквильной аллегоріи на счетъ иныхъ какихънибудь домашнихъ обстоятельствъ Николая Гавриловича, то опять таки повторю что не хочу даже и прикасаться съ этой точки къ моему «оправданію» чтобы не вымараться...

Мнѣ очень досадно что на этотъ разъ я заговорилъ о себѣ. Вотъ что значитъ писать литературныя воспоминанія; никогда не напишу ихъ. Весьма сожалѣю что несомнѣнно надоѣлъ читателю; но я пишу дневникъ, дневникъ отчасти личныхъ моихъ впечатлѣній, а какъ разъ недав-

---

¹ в высших сферах (франц.).

но я вынесъ одно «литературное» впечатлѣніе, косвенно вдругъ напомнившее мнѣ и этотъ забытый анекдотъ о забытомъ моемъ «Крокодилѣ».

На дняхъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ мною людей, мнѣніемъ котораго я высоко дорожу, сказалъ мнѣ:

Я только что прочелъ статью вашу о «Средѣ» и о приговорахъ нашихъ присяжныхъ («Гражданинъ» № 2). Я съ вами совершенно согласенъ, но статья ваша можетъ произвести непріятное недоумѣніе. Подумаютъ что вы за отмѣну суда присяжныхъ и за новое вмѣшательство административной опеки...

Я былъ горестно изумленъ. Это былъ голосъ чловѣка въ высшей степени безпристрастнаго и стоящаго внѣ всякихъ литературныхъ партій и «аллегорій».

— Неужели такъ можно истолковать мою статью! Послѣ этого ни объ чемъ нельзя говорить. Экономическое и нравственное состояніе народа по освобожденіи отъ крѣпостнаго ига — ужасно. Несомнѣнные и въ высшей степени тревожные факты о томъ свидѣтельствуютъ поминутно. Паденіе нравственности, дешовка, жида-кабатчики, воровство и дневной разбой — все это несомнѣнные факты и все растеть, растеть. Ну чтожь? Если кто нибудь, тревожась духомъ и сердцемъ, возьметъ перо и напишетъ, — что же, неужели закричать что онъ крѣпостникъ и стоитъ за обратное закрѣпощеніе крестьянъ?

— Во всякомъ случаѣ надо желать чтобы народъ имѣлъ полную свободу самъ выйти изъ грустнаго своего положенія, безо всякой опеки и поворотовъ назадъ.

Да непремѣнно же такъ, и это именно моя мысль! И еслибы даже отъ упадка народнаго (сами же они, оглядываясь иногда на себя, говорятъ теперь по мѣстамъ: «Ослабѣли, ослабѣли!») — еслибы даже, говорю я, произошло какое нибудь уже настоящее, несомнѣнное несчастіе народное, какое нибудь огромное паденіе, большая бѣда — то и тутъ народъ спасетъ себя самъ, себя и насъ, какъ уже неоднократно бывало съ нимъ, о чемъ свидѣтельствуеетъ вся его исторія. Вотъ моя мысль. Именно — довольно вмѣшательствъ!.. Но какъ однакоже могутъ быть поняты и перетолкованы слова. Пожалуй и еще натолкнешься на аллегорію!

V. Власъ.

Помните—ли вы Власа? Онъ что—то мнѣ вспоминается.

«Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
«Съ обнаженной головой,
«Медленно проходитъ городомъ
«Дядя Власъ — старикъ сѣдой.
«На груди икона мѣдная:
«Просить онъ на Божіи храмъ...»

У этого Власа, какъ извѣстно, прежде «Бога не было»

. . . . . побоями
Въ гробъ жену свою загналъ,
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ.

Даже и конокрадовъ, — пугаетъ насъ поэтъ, впадая въ тонъ набожной старушки. Ухъ, вѣдь какіе грѣхи! Ну, и грянулъ же громъ. Заболѣлъ Власъ и видѣлъ видѣніе, послѣ котораго поклялся пойти по міру и собирать на храмъ. Видѣлъ онъ адъ—съ, ни мало ни меньше:

«Видѣлъ свѣта преставленіе,
«Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:
«Мучать бѣсы ихъ проворные,
«Жалить вѣдьма—егоза.
«Ефіопы — видомъ черные
«И какъ угліе глаза.
. . . . .
«Тѣ на длинный шесть нанизаны,
«Тѣ горячій лижутъ поль...

Однимъ словомъ невообразимые ужасы, такъ даже что страшно читать. «Но всего не описать» — продолжаетъ поэтъ,

«Богомолки, бабы умныя,
«Могутъ лучше рассказать.

О, поэтъ! (къ несчастію, истинный поэтъ нашъ) если бы вы не под-
ходили къ народу съ вашими восторгами, про которые

«Богомолки, бабы умныя,
«Могутъ лучше рассказать

то не оскорбили бы и насъ выводомъ, что вотъ изъ за такихъ то, въ кон-
цѣ концовъ, бабьихъ пустяковъ

«Вырастаютъ храмы Божіи
«По лицу земли родной.

Но хоть и по «глупости» своей ходитъ съ котомкою Власъ, но се-
рьезность его страданія вы все—таки поняли; все же васъ поразила вели-
чавая фигура его. (Да вѣдь и поэтъ же вы; не могло быть иначе.)

«Сила вся души великая
«Въ дѣло Божіе ушла

великолѣпно говорите вы. Хочу, впрочемъ, вѣрить, что вы вставили
вашу насмѣшку невольно, страха ради либеральнаго, ибо эта страшная,
пугающая даже сила смиренія Власова, эта потребность самоспасенія,
эта страстная жажда страданія поразила и васъ, общечеловѣка и русска-
го *gentilhomme*'а, и величавый образъ народный вырвалъ восторгъ и ува-
женіе и изъ вашей высоко — либеральной души!

«Роздалъ Власъ свое имѣніе,
«Самъ остался босъ и голъ
«И собирать на построение
«Храма Божьяго пошолъ.
«Съ той поры мужикъ скитается
«Вотъ ужъ скоро *тридцать* лѣтъ,
«Подаяніемъ питается —
«Строго держитъ свой обѣтъ
· · · · ·
«Полонъ скорбью неутѣшною
«*Смуглолицъ, высокъ и прямъ*

(Чудо какъ хорошо!)

*«Ходитъ онъ стопой неслышною
«По селеньямъ, городамъ. —
. . . . .
«Ходить съ образомъ и съ книгою,
«Самъ съ собой все говоритъ
«И желѣзною веригою
«Тихо на ходу звенитъ.»*

Чудо, чудо какъ хорошо! Даже такъ хорошо, что точно и не вы писали; точно это не вы, а другой кто замѣсто васъ кривлялся потомъ «на Волгѣ», въ великолѣпныхъ тоже стихахъ, про бурлацкія пѣсни. А впрочемъ — не кривлялись вы и «на Волгѣ», развѣ только немножко: вы и на Волгѣ любили общечеловѣка въ бурлакѣ и дѣйствительно страдали по немъ, то есть, не по бурлакѣ собственно, а такъ сказать по обще-бурлакѣ. Видите ли-съ, любить общечеловѣка значитъ навѣрно ужъ презирать, а подчасъ и ненавидѣть стоящаго подлѣ себя настоящаго человѣка. Я нарочно подчеркнулъ неизмѣримо прекрасные стихи въ этомъ шутовскомъ (въ его цѣломъ, ужъ извините меня) стихотвореніи вашемъ.

Я потому припомнилъ этого стихотворнаго Власа, что слышалъ на дняхъ одинъ удивительно фантастическій рассказъ про другаго Власа, даже про двухъ, но уже совершенно особенныхъ, даже неслыханныхъ доселѣ Власовъ. Происшествіе это истинное и уже по одной своей необыкновенности замѣчательное.

На Руси, по монастырямъ, есть, говорятъ, и теперь иные схимники, монахи-исповѣдники и совѣтодатели. Хорошо или дурно это, нужно ли монаховъ или не нужно ихъ, — про это въ данную минуту не хочу разсуждать и не для того взялъ перо. Но такъ какъ мы живемъ въ данной дѣйствительности, то вѣдь нельзя же выпихнуть изъ рассказа хотя бы даже и монаха, если на немъ зиждется рассказъ. Эти монахи-совѣтодатели бываютъ иногда, будто бы, великаго образованія и ума. Такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуютъ о нихъ; я ничего не знаю. Говорятъ, что встрѣчаются нѣкоторые съ удивительнымъ, будто бы, даромъ проникновенія въ душу человѣческую и умѣнія совладать съ нею. Нѣсколько такихъ лицъ извѣстны, говорятъ, всей Россіи, т. е. въ сущности тѣмъ, кому надо. Живетъ этотъ старецъ, положимъ, въ Херсонской губерніи, а къ нему ѣдутъ или даже идутъ пѣшкомъ изъ Петербурга, изъ Архангельска, съ Кавказа и изъ Сибири. Идутъ, разумѣется, съ раздавленною отчаяніемъ душою, которая уже и не ждетъ себѣ исцѣленія, или съ такимъ страшнымъ бременемъ на сердцѣ, что грѣшникъ уже и не говоритъ

о немъ своему священнику—духовнику, — не отъ страха или недовѣрія, а просто въ совершенномъ отчаяніи за спасеніе свое. А прослышитъ вдругъ про какого нибудь такого монаха—совѣтодателя, и пойдетъ къ нему.

И вотъ, говорилъ одинъ изъ такихъ старцевъ однажды, въ дружеской бесѣдѣ наединѣ съ однимъ слушателемъ, — выслушиваю я людей двадцать лѣтъ и вѣрите ли, ужъ сколько казалось бы въ двадцать лѣтъ знакомства моего съ самыми потаенными и сложными болѣзнями души человѣческой; но и черезъ двадцать лѣтъ приходишь иногда въ содроганіе и въ негодованіе, слушая иныя тайны. Теряешь необходимое спокойствіе духа для поданія утѣшенія и самъ вынужденъ себя же укрѣплять въ смиреніи и безмятежности...

«И тутъ—то онъ и рассказалъ ту удивительную повѣсть изъ народнаго быта, о которой я выше упомянулъ.

«Вижу, вползаетъ ко мнѣ разъ мужикъ на колѣняхъ. Я еще изъ окна видѣлъ какъ онъ ползъ по землѣ. Первымъ словомъ ко мнѣ:

— Нѣтъ мнѣ спасенія; проклять! И что бы ты ни сказалъ — все одно проклять!

Я его кое—какъ успокоилъ; вижу за страданіемъ приползъ чловѣкъ; издалека.

«Собрались мы въ деревнѣ нѣсколько парней, началъ онъ говорить, и стали промежду себя спорить: «кто кого дерзостнѣе сдѣлаетъ?» Я по гордости вызвался передъ всѣми. Другой парень отвелъ меня и говоритъ мнѣ съ глазу на глазъ:

— Это никакъ невозможно тебѣ, чтобы ты сдѣлалъ какъ говоришь. Хвастаешь.

Я ему сталъ клятву давать.

— Нѣтъ, стой, поклянись, говоритъ, своимъ спасеніемъ на томъ свѣтѣ, что все сдѣлаешь какъ я тебѣ укажу.

Поклялся.

— Теперь скоро постъ, говоритъ, стань говѣть. Когда пойдешь къ причастію — причастіе прими, но не проглоти. Отойдешь — вынь рукой и сохрани. А тамъ я тебѣ укажу.

Такъ я и сдѣлалъ. Прямо изъ церкви повелъ меня въ огородъ. Взялъ жердь, воткнулъ въ землю и говоритъ: положи! Я положилъ на жердь.

— Теперь, говоритъ, принеси ружье.

Я принесъ.

— Заряди.

Зарядилъ.

— Подыми и выстрѣли.

Я поднялъ руку и намѣтился. И вотъ только бы выстрѣлить, вдругъ предо мною, какъ есть, крестъ, а на немъ Распятый. Тутъ я и упалъ съ ружьемъ въ безчувствіи».

Происходило это еще за нѣсколько лѣтъ до прихода къ старцу. Кто былъ этотъ Власъ, откуда и какъ его имя — старецъ, разумѣется, не открылъ, равно какъ и покаяніе, которое наложилъ на него. Должно быть обременилъ душу страшнымъ трудомъ, даже не по силамъ человѣческимъ, разсуждая, что чѣмъ больше, тѣмъ тутъ и лучше: «Самъ за страданіемъ приползъ». Не правда ли, что происшествіе даже весьма характерное съ одной стороны, на многое намекающее, такъ что, пожалуй, и стоитъ двухъ—трехъ минутъ особеннаго разбора. Я все того мнѣнія, что вѣдь послѣднее слово скажутъ они же, вотъ эти самые разные «Власы», кающіеся и не кающіеся; они скажутъ и укажутъ намъ новую дорогу и новый исходъ изъ всѣхъ, казалось бы, безъисходныхъ затрудненій нашихъ. Не Петербургъ же разрѣшитъ окончательно судьбу русскую. А потому всякая даже малѣйшая *новая* черта объ этихъ, теперь уже «новыхъ людяхъ», можетъ быть достойна вниманія нашего.

Во первыхъ, мнѣ именно удивительно — удивительно всего болѣе — самое начало дѣла, то есть возможность такого спора и состязанія въ русской деревнѣ: «Кто кого дерзостнѣе сдѣлаетъ»? Ужасно на многое намекающій фактъ, а для меня почти совсѣмъ даже и неожиданный; а я видывалъ таки довольно народу, да еще самага характернаго. Замѣчу тоже, что кажущаяся исключительность факта тѣмъ самымъ однако и свидѣтельствуетъ о его достовѣрности: когда лгутъ, то изобрѣтаютъ что—нибудь гораздо болѣе обыкновенное и къ обыденному подходящее, чтобы всѣ повѣрили.

Затѣмъ замѣчательна собственно медицинская часть факта. Галюцинація есть преимущественно явленіе болѣзненное, и болѣзнь эта весьма рѣдкая. Возможность внезапной галюцинаціи хотя и у крайне возбужденнаго, но все же совершенно здороваго человѣка, — можетъ быть случай еще неслыханный. Но это дѣло медицинское, а я въ немъ мало знаю.

Другое дѣло психологическая часть факта. Тутъ являются передъ нами два народные типа, — въ высшей степени изображающіе намъ весь русскій народъ въ его цѣломъ. Это прежде всего — забвеніе всякой мѣрки во всемъ (и замѣтьте всегда почти временное и преходящее, являю-

щееся какъ бы какимъ—то навожденіемъ). Это — потребность хватить черезъ край, потребность въ замирающемъ ощущеніи, дойдя до пропасти, свѣситься въ нее на половину, заглянуть въ самую бездну и, — въ частныхъ случаяхъ, но весьма не рѣдкихъ —броситься въ нее какъ ошалѣлому, внизъ головой. Это — потребность отрицанія въ человѣкѣ иногда самомъ не отрицающемъ и благоговѣющемъ, отрицанія всего, самой главной святыни сердца своего, самаго полного идеала своего, всей народной святыни во всей ея полнотѣ, передъ которой сейчасъ лишь благоговѣлъ и которая вдругъ какъ будто стала ему невыносимымъ какимъ—то бременемъ. Особенно поражаетъ та торопливость, стремительность, съ которою русскій человѣкъ спѣшитъ иногда заявить себя, въ инья характерныя минуты своей или народной жизни, заявить себя въ хорошемъ или въ поганомъ. Иногда тутъ просто нѣтъ удержу. Любовь—ли, вино—ли, разгулъ самолюбія, зависть — тутъ иной русскій человѣкъ отдается почти беззавѣтно, готовъ порвать все, отречься отъ всего, отъ семьи, обычая, Бога. Иной добрѣйшій человѣкъ какъ—то вдругъ можетъ сдѣлаться омерзительнымъ безобразникомъ и преступникомъ, — стоитъ только попасть ему въ этотъ вихрь, роковой для насъ круговоротъ судорожнаго и моментальнаго самоотрицанія и саморазрушенія, такъ свойственный русскому народному характеру въ инья роковыя минуты его жизни. Но зато съ такою же силою, съ такою же стремительностью, съ такою же жаждою самосохраненія и покаянія русскій человѣкъ, равно какъ и весь народъ и спасаетъ себя самъ и обыкновенно когда дойдетъ до послѣдней черты, т. е. когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то что обратный толчокъ, толчокъ возстановленія и самоспасенія, всегда бываетъ серьезнѣе прежняго порыва, — порыва отрицанія и саморазрушенія. То есть, то бываетъ всегда на счету какъ—бы мелкаго малодушія; тогда какъ въ возстановленіе свое русскій человѣкъ уходитъ съ самымъ огромнымъ и серьезнымъ усиліемъ, а на отрицательное прежнее движеніе свое смотритъ съ презрѣніемъ къ самому себѣ.

Я думаю самая главная, самая коренная духовная потребность русскаго народа — есть потребность страданія, всегдашняго и неутолимаго, вездѣ и во всемъ. Этою жаждою страданія онъ, кажется, зараженъ искони вѣковъ. Страдальческая струя проходитъ черезъ всю его исторію, не отъ внѣшнихъ только несчастій и бѣдствій, а бьетъ ключемъ изъ самаго сердца народнаго. У русскаго народа даже въ счастья непремѣнно есть часть страданія, иначе счастье его для него не полно. Никогда, даже въ самыя торжественныя минуты его исторіи, не имѣетъ онъ гордаго и торжествующаго вида, а лишь умиленный до страданія видъ; онъ воздыха-

еть и относить славу свою къ милости Господа. Страданіемъ своимъ русскій народъ какъ бы наслаждается. Чтò въ цѣломъ народѣ, то и въ отдѣльныхъ типахъ, говоря, впрочемъ, лишь вообще. Вглядитесь, напр., въ многочисленные типы русскаго безобразника. Тутъ не одинъ лишь разгуль черезъ край, иногда удивляющій дерзостью своихъ предѣловъ и мерзостью паденія души человѣческой. Безобразникъ этотъ прежде всего самъ страдалецъ. Наивно торжественнаго довольства собою въ русскомъ человѣкѣ совсѣмъ даже нѣтъ, даже въ глупомъ. Возьмите русскаго пьяницу и напимѣрь хоть нѣмецкаго пьяницу: русскій пакостнѣе нѣмецкаго, но пьяный нѣмецъ несомнѣнно глупѣе и смѣшнѣе русскаго. Нѣмцы — народъ по преимуществу самодовольный и гордый собою. Въ пьяномъ же нѣмцѣ эти основныя черты народныя, выростають въ размѣрахъ выпитаго пива. Пьяный нѣмецъ несомнѣнно счастливый человѣкъ и никогда не плачетъ; онъ поетъ самохвальныя пѣсни и гордится собою. Приходитъ домой пьяный какъ стелька, но гордый собою. Русскій пьяница любитъ пить съ горя и плакать. Если же куражится, то не торжествуетъ, а лишь буянить. Всегда вспомнить какую нибудь обиду и упрекаетъ обидчика, тутъ ли онъ нѣтъ ли. Онъ дерзостно, пожалуй, доказываетъ, что онъ чуть ли не генераль, горько ругается, если ему не вѣрятъ и, чтобы увѣрить, въ концѣ концовъ всегда зоветъ «карауль». Но вѣдь потому онъ такъ и безобразенъ, потому и зоветъ «карауль», что въ тайникахъ пьяной души своей навѣрно самъ убѣжденъ что онъ вовсе не «генераль», а только гадкій пьяница и opakостился ниже всякой скотины. Чтò въ микроскопическомъ примѣрѣ, то и въ крупномъ. Самый крупный безобразникъ, самый даже красивый своею дерзостью и изящными пороками, такъ что ему даже подражаютъ глупцы, все таки слышитъ какимъ—то чутьемъ, въ тайникахъ безобразной души своей, что въ концѣ концовъ онъ лишь негодяй и только. Онъ недоволенъ собою; въ сердцѣ его нарастаетъ попрекъ и онъ мститъ за него окружающимъ; бѣснуется и мечется на всѣхъ и тутъ—то вотъ и доходитъ до края, борясь съ накапливающимся ежеминутно въ сердцѣ страданіемъ своимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ бы упиваясь имъ съ наслажденіемъ. Если онъ способенъ возстать изъ своего униженія, то мститъ себѣ за прошлое паденіе ужасно, даже больнѣе, чѣмъ вымѣщаль на другихъ, въ чаду безобразія, свои тайныя муки отъ собственнаго недовольства собою.

Кто натолкнулъ обоихъ парней на споръ о томъ: «кто сдѣлаеть дерзостнѣе?», и какими причинами сложилась возможность подобнаго состязанія — осталось неизвѣстнымъ, но несомнѣнно, что оба страдали — одинъ принимая вызовъ, другой предлагая его. Конечно, тутъ было что нибудь предварительно: или затаенная ненависть между ними, или нена-

висть съ дѣтства, и даже неизвѣстная имъ самимъ, и вдругъ проявившаяся въ минуту спора и вызова. Последнее вѣроятнѣе; и вѣроятно, они были друзьями до сей минуты и жили въ согласіи, которое становилось, чѣмъ далѣе, тѣмъ невыносимѣе; но въ моментъ вызова напряженіе взаимной ненависти и зависти жертвы къ своему Мефистофелю уже было необыкновенное.

— Не побоюсь ничего, сдѣлаю все что укажешь; погибай душа, а осрамлю тебя!

— Хвастаешь, убѣжишь какъ мышь въ подполье, насмѣюсь надъ тобой, погибай душа!

Можно было выбрать для состязанія чтонибудь очень дерзкое и другаго рода, — разбой, убійство, открытое буйство противъ могущественнаго человѣка. Вѣдь поклялся же парень что на все пойдетъ и искуситель его зналъ что на этотъ разъ серьезно говорено, впрямь пойдетъ.

Нѣтъ. Самыя страшныя «дерзости» кажутся искусителю слишкомъ обыкновенными. Онъ придумываетъ неслыханную дерзость, небывалую и невыносимую, и въ ея выборѣ выразилось цѣлое міровоззрѣніе народное.

Невыносимую? А между тѣмъ одно уже то, что онъ именно остановился на ней показываетъ что онъ уже можетъ быть и мыслилъ о ней. Можетъ быть давно уже, съ дѣтства, эта мечта заползала въ душу его, потрясала ея ужасомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мучительнымъ наслажденіемъ. Что придумалъ онъ все давно уже, и ружье и огородъ, и держалъ только въ страшной тайнѣ — въ этомъ почти нѣтъ сомнѣнія. Придумалъ, разумѣется, не для того чтобы исполнить, да и не посмѣлъ бы можетъ быть одинъ никогда. Просто нравилось ему это видѣніе, пронизало его душу изрѣдка, манило его, а онъ робко подавался, и отступалъ, холодѣя отъ ужаса. Одинъ моментъ такой неслыханной дерзости, а тамъ хоть все пропадай! И ужъ, конечно, онъ вѣровалъ, что за это ему вѣчная гибель; но — «былъ же и я на такомъ верху!...»

Можно многое не сознавать, а лишь чувствовать. Можно очень много знать безсознательно. Но, неправда—ли, любопытная душа, и, главное, изъ этого быта. Въ этомъ все вѣдь и дѣло. Хорошо—бы тоже узнать какъ онъ считалъ себя: виновнѣе или нѣтъ своей жертвы? Судя по кажущемуся его развитію надо полагать что считалъ виновнѣе, или по крайней мѣрѣ равнымъ по винѣ; такъ что вызывая жертву на «дерзость» вызывалъ и себя.

Говорятъ русскій народъ плохо знаетъ Евангеліе, не знаетъ основныхъ правилъ вѣры. Конечно такъ, но Христа онъ знаетъ и носитъ его

въ своемъ сердцѣ искони. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Какъ возможно истинное представленіе Христа безъ ученія о вѣрѣ? — Это другой вопросъ. Но сердечное знаніе Христа и истинное представленіе о немъ существуетъ вполнѣ. Оно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и слилось съ сердцами людей. Можетъ быть единственная любовь народа русскаго есть Христосъ и онъ любитъ образъ Его по своему, то есть до страданія. Названіемъ же православнаго, то есть истиннѣе всѣхъ исповѣдующаго Христа, онъ гордится болѣе всего. Повторю: можно очень много знать безсознательно.

И вотъ, надругаться надъ такой святыней народною, разорвать тѣмъ со всею землей, разрушить себя самого во вѣки вѣковъ для одной лишь минуты торжества отрицаньемъ и гордостью — ничего не могъ выдумать русскій Мефистофель дерзостнѣе! Возможность такого напряженія страсти, возможность такихъ мрачныхъ и сложныхъ ощущеній въ душѣ простолюдина поражаетъ! И замѣтите все это возрасло почти до сознательной идеи.

Жертва однако же не сдается, не смиряется, не пугается. По крайней мѣрѣ дѣлаетъ видъ что не пугается. Парень принимаетъ вызовъ. Проходятъ дни и онъ стоитъ на своемъ. Наступаетъ уже не мечта, а самое дѣло: онъ ходитъ въ церковь, слышитъ ежедневно слова Христовы и не отстываетъ. Бываютъ страшные убійцы, не смущающіеся даже при видѣ убитой ими жертвы. Одинъ изъ такихъ убійць, явный и уличенный на мѣстѣ, не сознавался до конца и продолжалъ лгать передъ слѣдователемъ. Когда-же тотъ всталъ и велѣлъ его отвести въ острогъ, то онъ, съ умиленнымъ видомъ, попросилъ какъ милости проститься съ лежавшею тутъ же убитою (его бывшею любовницею, которую онъ убилъ изъ ревности). Онъ нагнулся, поцаловалъ ее съ умиленіемъ, заплакалъ и не вставая съ колѣнъ еще разъ повторилъ надъ нею, простирая руку, что онъ не виновенъ. Я только хочу замѣтить до какой звѣрской степени можетъ доходить въ человѣкѣ безчувственность.

Но здѣсь была совсѣмъ не безчувственность. Сверхъ того было еще нѣчто совсѣмъ особенное — мистическій ужасъ, самая огромная сила надъ душой человѣческой. Онъ несомнѣнно былъ, судя по крайней мѣрѣ по развязкѣ дѣла. Но сильная душа парня съ этимъ ужасомъ еще могла вступить въ борьбу; онъ доказалъ это. Сила-ли это, впрочемъ, или въ послѣдней степени малодушіе? Вѣроятно и то и другое вмѣстѣ, въ соприкосновеніи противоположностей. Тѣмъ не менѣе этотъ мистическій ужасъ не только не порвалъ, но еще продлилъ борьбу и навѣрно онъ то и способствовалъ привести ее къ окончанію, именно тѣмъ что удалялъ отъ сердца грѣшника всякое чувство умиленія, и чѣмъ сильнѣе подав-

лялъ его, тѣмъ невозможнѣе оно становилось. Ощущеніе ужаса есть чувство жесткое, сушить и каменить сердце для всякаго умиленія и высокаго чувства. Вотъ почему преступникъ выдержалъ и моментъ передъ чашей, хотя можетъ быть и цѣпенѣя отъ страху до изнеможенія. Я думаю тоже что взаимная ненависть между жертвой и ея мучителемъ упала въ эти дни совершенно. Порывами искушаемый могъ съ болѣзненною злостью ненавидѣть себя, окружающихъ, молящихся въ церкви, но всего менѣе своего Мефистофеля. Оба они чувствовали что взаимно другъ въ другѣ нуждаются, чтобы сообща кончить дѣло. Каждый навѣрно считалъ себя безсильнымъ его кончить одинъ. Для чего же они продолжали его, для чего же приняли столько муки? Они и не могли, впрочемъ, разорвать союзъ. Еслибъ ихъ контрактъ былъ нарушенъ, то тотчасъ же возгорѣлась бы взаимная ненависть въ десять разъ сильнѣе прежняго и навѣрно произошло бы убійство: мученикъ убилъ бы своего мучителя.

Пусть и это. Даже и это бы ничего передъ вынесеннымъ жертвою ужасомъ. То то и есть, что тутъ должно было быть непремѣнно, на днѣ души, и у того и у другаго, нѣкоторое адское наслажденіе собственной гибелью, захватывающая дыханіе потребность нагнуться надъ пропастью и заглянуть въ нее, потрясающее восхищеніе передъ собственной дерзостью. Почти невозможно чтобы дѣло было доведено до конца безъ этихъ возбуждающихъ и страстныхъ ощущеній. Не простые же были это баловники, мальчишки тупые и глупые, — начиная съ состязанія о «дерзости» и кончая отчаяніемъ передъ старцемъ.

Замѣтьте еще что искуситель не открылъ своей жертвѣ всей тайны: она еще не знала выходя изъ церкви что должна будетъ сдѣлать съ святыней, до самаго того момента какъ онъ велѣлъ принести ружье. Столько дней такой мистической неизвѣстности опять свидѣтельствуя объ ужасномъ упорствѣ грѣшника. Съ другой стороны и деревенскій Мефистофель выказываетъ себя большимъ психологомъ.

Но можетъ быть придя въ огородъ оба они уже не помнили себя? Парень помнилъ однако какъ заряжалъ ружье и наводилъ. Можетъ быть дѣйствовалъ лишь машинально, хотя и въ полной памяти, какъ дѣйствительно бываетъ иногда въ состояніи ужаса? Не думаю: еслибы онъ обратился въ одну лишь машину, продолжающую дѣйствовать по одной лишь инерціи, то навѣрно не имѣлъ бы потомъ видѣнія; просто упалъ бы безъ чувствъ, когда бы истощилъ весь запасъ инерціи — и не *до*, а ужъ послѣ выстрѣла. Нѣтъ, вѣроятнѣе всего что сознаніе сохранялось все время въ чрезвычайной ясности, несмотря на смертельный ужасъ все нарастающей съ каждымъ мгновеніемъ прогрессивно. И уже потому что жертва выдер-

жала такое давленіе ужаса, нараставшаго прогрессивно, повторю опять, она была несомнѣнно одарена огромною душевною силой.

Обратимъ вниманіе на то что заряданіе ружья есть операція во всякомъ случаѣ требующая нѣкотораго вниманія. Самое труднѣйшее и невыносимое дѣло въ подобную минуту, по моему, есть способность оторваться отъ своего ужаса, отъ подавляющей собою идеи. Обыкновенно до послѣдней степени пораженные ужасомъ уже не могутъ оторваться отъ его созерцанія, отъ предмета или идеи ихъ поразившихъ: они стоятъ передъ ними какъ вкопанные и своему ужасу смотрятъ прямо въ глаза какъ очарованные. Но парень зарядилъ ружье внимательно, онъ это помнилъ; онъ помнилъ какъ потомъ сталъ наводить, помнилъ все до послѣдняго момента. Могло быть и то что процессъ заряданія ружья былъ ему облегченіемъ, исходомъ страждущей души его и онъ радъ былъ сосредоточить на себя хотя бы одно только мгновеніе на какомъ нибудь исходномъ внѣшнемъ предметѣ. Такъ бываетъ на гильотинѣ съ тѣми которыми рубятъ голову. Дюбарри кричала палачу: «Encore un, moment monsieur le bourreau, encore un moment!»¹ Въ двадцать разъ она бы страдала больше въ эту даровую минуту, еслибъ ей ее подарили, а все таки кричала и молила о ней. Но если предположить что заряданіе ружья было для нашего грѣшника въ родѣ какъ у Дюбарри «encore un moment», то ужъ, конечно, онъ бы не могъ послѣ такого момента опять обратиться къ своему ужасу, отъ котораго разъ оторвался, и продолжать дѣло, наводить и стрѣлять. Тутъ просто—бы онѣмѣли руки и перестали—бы слушаться, ружье—бы вывалилось изъ нихъ само собою, не смотря даже на сохранившіяся сознаніе и волю.

И вотъ въ самый послѣдній моментъ — вся ложь, вся низость поступка, все малодушіе принимаемое за силу, весь срамъ паденія, все это вырвалось вдругъ въ одно мгновеніе изъ его сердца и стало передъ нимъ въ грозномъ обличеніи. Неимовѣрное видѣніе предстало ему... все кончилось.

Судь прогремѣлъ изъ его сердца, конечно. Почему прогремѣлъ не сознательно, не внезапнымъ проясненіемъ ума и совѣсти, почему проявился въ образѣ, какъ бы совершенно внѣшнимъ, независимымъ отъ его духа фактомъ? Въ этомъ огромная психологическая задача и дѣло Господа. Для него, для преступника, безъ сомнѣнія было дѣломъ Господнимъ. Власъ пошелъ по міру и потребовалъ страданія.

Ну, а другой—то Власъ, оставшійся, искунитель? Легенда не говоритъ что онъ поползъ за покаяніемъ, не упоминаетъ о немъ ничего. Можетъ поползъ и онъ, а можетъ и остался въ деревнѣ и живетъ себѣ до

¹ «Еще минуточку, господин палач, еще минуточку!» (франц.). - ImWerden

сихъ поръ, опять пьеть и зубоскалить по праздникамъ: вѣдь не онъ же видѣлъ видѣніе. Такъ—ли впрочемъ? Очень бы желательно узнать и его исторію, для свѣдѣнія, для этюда.

Вотъ почему еще желательно—бы: что если это и впрямь настоящій нигилистъ деревенскій, доморощенный отрицатель и мыслитель, не вѣрующій, съ высокоумною насмѣшкой выбравшій предметъ состязанія, не страдавшій, не трепетавшій вмѣстѣ съ своею жертвою, какъ предположили мы въ нашемъ этюдѣ, а съ холоднымъ любопытствомъ слѣдившій за ея трепетаніями и корчами, изъ одной лишь потребности чужаго страданія, человѣческаго униженія, — чортъ знаетъ, можетъ быть изъ ученаго наблюденія?

Если ужъ есть и такія черты даже и въ народномъ характерѣ (а въ настоящее время все возможно предположить) да еще въ нашей деревнѣ, — то это уже новое откровеніе, нѣсколько даже и неожиданное. Что—то не слыхано было прежде о подобныхъ чертахъ. Искуситель у г. Островскаго въ прекрасной комедіи «Не такъ живи какъ хочется» вышелъ даже очень плоховать. Жаль что тутъ нельзя узнать ничего достовернаго.

Конечно, интересъ разсказанной исторіи — если только въ ней есть интересъ, — лишь въ томъ что она истинная. Но заглядывать въ душу современнаго Власа иногда дѣло не лишнее. Современный Власъ быстро измѣняется. Тамъ внизу у него такое же кипѣніе какъ и сверху у насъ, начиная съ 19 февраля. Богатырь проснулся и расправляетъ члены; можетъ захочетъ кутнуть, махнуть черезъ край. Говорятъ ужъ закутилъ. Разсказываютъ и печатаютъ ужасы: пьянство, разбой, пьяныя дѣти, пьяныя матери, цинизмъ, нищета, безчестность, безбожіе. Соображаютъ иные, серьезные, но нѣсколько торопливые люди, и соображаютъ по фактамъ, что если продолжится такой «кутежъ» еще хоть только на десять лѣтъ, то и представить нельзя послѣдствій, хотя бы только съ экономической точки зрѣнія. Но вспомнимъ «Власа» и успокоимся: въ послѣдній моментъ вся ложь, если только есть ложь, выскочитъ изъ сердца народнаго и станетъ передъ нимъ съ неимовѣрною силою обличенія. Очнется Власъ и возьмется за дѣло Божіе. Во всякомъ случаѣ спасетъ себя самъ еслибы и впрямь дошло до бѣды. Себя и насъ спасетъ, ибо опять таки — свѣтъ и спасеніе возсіяютъ снизу (въ совершенно можетъ быть неожиданномъ видѣ для нашихъ либераловъ и въ этомъ будетъ много комическаго). Есть даже намеки на эту неожиданность, наклеиваются и теперь даже факты... Впрочемъ, объ этомъ можно и послѣ поговорить. Во всякомъ случаѣ наша несостоятельность какъ «птенцовъ гнѣзда Петрова» въ настоящій моментъ несомнѣнна. Да вѣдь девятнадцатымъ

февралемъ и закончился по настоящему Петровскій періодъ русской исторіи, такъ что мы давно уже вступили въ полнѣйшую неизвѣстность.

VI. Бобокъ.

На этотъ разъ помѣщаю «Записки одного лица». Это не я; это совсѣмъ другое лицо. Я думаю, болѣе не надо никакого предисловія.

Записки одного лица.

Семень Ардальоновичъ третьяго дня мнѣ какъ разъ:

— Да будешь-ли ты, Иванъ Ивановичъ, когда нибудь трезвъ, скажи на милость?

Странное требованіе. Я не обижаюсь, я человѣкъ робкій; но однако же вотъ меня и сумасшедшимъ сдѣлали. Списалъ съ меня живописецъ портретъ изъ случайности: «все-таки ты, говоритъ, литераторъ». Я дался, онъ и выставилъ. Читаю: «Ступайте смотрѣть на это болѣзненное, близкое къ помѣшательству лицо».

Оно пусть, но вѣдь какъ же однако такъ прямо въ печати? Въ печати надо все благородное; идеаловъ надо, а тутъ...

Скажи по крайней мѣрѣ косвенно, на то тебѣ слогъ. Нѣтъ, онъ косвенно уже не хочетъ. Нынѣ юморъ и хорошій слогъ исчезаютъ и ругательства за мѣсто остроты принимаются. Я не обижаюсь: не Богъ знаетъ какой литераторъ чтобы съ ума сойти. Написалъ повѣсть — не напечатали. Написалъ фельетонъ — отказали. Этихъ фельетоновъ я много по разнымъ редакціямъ носилъ, вездѣ отказывали: соли, говорятъ, у васъ нѣтъ.

— Какой же тебѣ соли, спрашиваю съ насмѣшкою: аттической?

Даже и не понимаетъ. Перевожу больше книгопродавцамъ съ французскаго. Пишу и объявленія купцамъ: «Рѣдкость! Красненькій, дескать, чай съ собственныхъ плантацій»... За панегирикъ его превосходительству покойному Петру Матвѣевичу большой кушъ хватилъ. «Искусство нравится дамамъ» по заказу книгопродавца составилъ. Вотъ этакихъ книжекъ я штукъ шесть въ моей жизни пустилъ. Вольтеровы бонмо хочу собрать, да боюсь не прѣсно-ли нашимъ покажется. Какой теперь Вольтеръ; нынче дубина, а не Вольтеръ! Послѣдніе зубы другъ

другу повыбили! Ну вотъ и вся моя литературная дѣятельность. Развѣ что безмездно письма по редакціямъ разсылаю, за моею полною подписью. Все увѣщанія и совѣты даю, критикую и путь указую. Въ одну редакцію на прошлой недѣлѣ сороковое письмо за два года послалъ; четыре рубля на однѣ почтовыя марки истратилъ. Характеръ у меня скверенъ, вотъ что.

Думаю что живописецъ списалъ меня не литературы ради, а ради двухъ моихъ симметрическихъ бородавокъ на лбу: феноменъ дескать. Идеи—то нѣтъ, такъ они теперь на феноменахъ выѣзжаютъ. Ну и какъ же у него на портретѣ удалась мои бородавки, — живыя! Это они реализмомъ зовутъ.

А на счетъ помѣшательства, такъ у насъ прошлаго года многихъ въ сумасшедшіе записали. И какимъ слогомъ: «При такомъ дескать самобытномъ талантѣ... и вотъ что подъ самый конецъ оказалось... впрочемъ давно уже надо было предвидѣть»... Это еще довольно хитро; такъ что съ точки чистаго искусства даже и похвалить можно. Ну, а тѣ вдругъ еще умнѣй воротились. То—то, свести—то съ ума у насъ сведутъ, а умнѣй то еще никого не сдѣлали.

Всѣхъ умнѣй по моему тотъ, кто хоть разъ въ мѣсяцъ самого себя дуракомъ назоветъ, — способность нынѣ неслыханная! Прежде, по крайности, дуракъ хоть разъ въ годъ зналъ про себя что онъ дуракъ, ну а теперь ни—ни. И до того замѣшали дѣла что дурака отъ умнаго не отличишь. Это они нарочно сдѣлали.

Припоминается мнѣ испанская острота когда французы, два съ половиною вѣка назадъ, выстроили у себя первый сумасшедшій домъ: «Они заперли всѣхъ своихъ дураковъ въ особенный домъ, чтобы увѣрить что сами они люди умные». Оно и впрямь: тѣмъ что другаго запрешь въ сумасшедшій своего ума не докажешь. «К. съ ума сошелъ, значитъ теперь мы умные». Нѣтъ, еще не значитъ.

Впрочемъ, чортъ... и что я съ своимъ умомъ развозился: брюзжу, брюзжу. Даже служанкѣ надоѣлъ. Вчера заходилъ пріятель: У тебя, говоритъ, слогъ мѣняется, рубленый. Рубишь, рубишь — и вводное предложеніе, потомъ къ вводному еще вводное, потомъ въ скобкахъ еще что—нибудь вставишь, а потомъ опять зарубишь, зарубишь»...

Пріятель правъ. Со мной что—то странное происходитъ. И характеръ мѣняется, и голова болитъ. Я начинаю видѣть и слышать какія—то странныя вещи. Не то чтобы голоса, а такъ какъ будто кто подлѣ: «бобокъ, бобокъ, бобокъ»!

Какой такой бобокъ? Надо развлечься.

Ходилъ развлекаться, попалъ на похороны. Дальній родственникъ. Коллежскій, однако, совѣтникъ. Вдова, пять дочерей, всѣ дѣвицы. Вѣдь это только по башмакамъ, такъ во что обойдется! Покойникъ добывалъ, ну а теперь — пенсіониска. Подождутъ хвосты. Меня принимали всегда нерадушно. Да и не пошелъ бы я и теперь, еслибы не экстренный такой случай. Провожалъ до кладбища въ числѣ другихъ; сторонятся отъ меня и гордятся. Вицмундиръ мой дѣйствительно плоховать. Лѣтъ двадцать пять, я думаю, не бывалъ на кладбищѣ; вотъ еще мѣстечко!

Вопервыхъ духъ. Мертвецовъ пятнадцать наѣхало. Покровы разныхъ цѣнъ; даже было два катафалка: одному генералу и одной какой-то барынѣ. Много скорбныхъ лицъ, много и притворной скорби, а много и откровенной веселости. Причту нельзя пожаловаться: доходы. Но духъ, духъ. Не желалъ бы быть здѣшнимъ духовнымъ лицомъ.

Въ лица мертвецовъ заглядывалъ съ осторожностью, не надѣясь на мою впечатлительность. Есть выраженія мягкія, есть и непріятныя. Вообще улыбки не хороши, а у иныхъ даже очень. Не люблю; снятся.

За обѣдней вышелъ изъ церкви на воздухъ: день былъ сѣроватъ, но сухъ. Тоже и холодно; ну, да вѣдь и октябрь же. Походилъ по могилкамъ. Разные разряды. Третій разрядъ въ тридцать рублей: и прилично и не такъ дорого. Первые два въ церкви и подъ папертью; ну, это кусается. Въ третьемъ разрядѣ за этотъ разъ хоронили человекъ шесть, въ томъ числѣ генерала и барыню.

Заглянулъ въ могилки — ужасно: вода и какая вода! Совершенно зеленая и... ну, да ужъ что! Поминутно могильщикъ выкачивалъ черпакомъ. Вышелъ, пока служба, побродить за врата. Тутъ сейчасъ богадѣльня, а немного подальше и ресторанъ. И такъ себѣ не дурной ресторанчикъ: и закусить и все. Набилось много и изъ провожатыхъ. Много замѣтилъ веселости и одушевленія искренняго. Закусилъ и выпилъ.

Затѣмъ участвовалъ собственноручно въ отнесеніи гроба изъ церкви къ могилѣ. Отчего это мертвецы въ гробу дѣлаются такъ тяжелы? Говорятъ, по какой-то инерціи, что тѣло будто бы какъ-то уже не управляется самимъ... или какой-то вздоръ въ этомъ родѣ; противорѣчитъ механикѣ и здравому смыслу. Не люблю, когда при одномъ лишь общемъ образованіи суются у насъ разрѣшать специальности; а у насъ это сплошь. Штатскія лица любятъ судить о предметахъ военныхъ

и даже фельдмаршалскихъ, а люди съ инженернымъ образованіемъ судятъ больше о философіи и политической экономіи.

На литію не поѣхалъ. Я гордъ, и если меня принимаютъ только по экстренной необходимости, то чего же таскаться по ихъ обѣдамъ, хотя бы и похороннымъ? Не понимаю только, зачѣмъ остался на кладбищѣ; сѣлъ на памятникъ и соотвѣтственно задумался.

Началъ съ московской выставки, а кончилъ объ удивленіи, говоря вообще какъ о темѣ. Объ «удивленіи» я вотъ что вывелъ:

«Всему удивляться, конечно, глупо, а ничему не удивляться гораздо красивѣе и почему-то признано за хорошій тонъ. Но врядъ ли такъ въ сущности. По моему, ничему не удивляться гораздо глупѣе чѣмъ всему удивляться. Да и кромѣ того: ничему не удивляться почти тоже что ничего и не уважать. Да глупый человѣкъ и не можетъ уважать».

— Да я, прежде всего, желаю уважать. Я *жажду* уважать, — сказалъ мнѣ какъ-то разъ, на дняхъ, одинъ мой знакомый.

— Жаждетъ онъ уважать! И Боже, подумалъ я, что бы съ тобой было еслибъ ты это дерзнулъ теперь напечатать!

Тутъ-то я и забылся. Не люблю читать надгробныхъ надписей; вѣчно тоже. На плитѣ подлѣ меня лежалъ недоѣденный бутербротъ: глупо и не къ мѣсту. Скинулъ его на землю, такъ какъ это не хлѣбъ, а лишь бутербротъ. Впрочемъ, на землю хлѣбъ крошить кажется не грѣшно; это на полъ грѣшно. Справиться въ календаръ Суворина.

Надо полагать, что я долго сидѣлъ, даже слишкомъ; то есть даже прилежъ на длинномъ камнѣ въ видѣ мраморнаго гроба. И какъ это такъ случилось, что вдругъ началъ слышать разныя вещи? Не обратилъ сначала вниманія и отнесся съ презрѣніемъ. Но однако разговоръ продолжался. Слышу, — звуки глухіе, какъ будто рты закрыты подушками; и при всемъ томъ внятные и очень близкіе. Очнулся, присѣлъ и сталъ внимательно вслушиваться.

— Ваше превосходительство, это просто никакъ невозможно-съ. Вы объявили въ червахъ, я вистую и вдругъ у васъ семь въ бубнахъ. Надо было условиться заранѣе насчетъ бубень-съ.

— Чтоже, значить играть наизусть? Гдѣ-же привлекательность?

— Нельзя, ваше превосходительство, безъ гарантіи никакъ нельзя. Надо непременно съ болваномъ, и чтобъ была одна темная сдача.

— Ну, болвана здѣсь не достанешь.

Какія заносчивыя однако слова! И странно и неожиданно. Одинъ такой вѣскій и солидный голосъ, другой какъ-бы мягко услащенный; не повѣрилъ бы еслибъ не слышалъ самъ. На литіи я кажется не былъ. И однако какъ же это здѣсь въ преферансъ, и какой такой генераль? Что

раздавалось изъ подъ могиль въ томъ не было и сомнѣнія. Я нагнулся и прочелъ надпись на памятникѣ:

«Здѣсь покоится тѣло генераль—маіора Первоѣдова... такихъ—то и такихъ орденовъ кавалера. Гмъ. Скончался въ августѣ сего года... пятидесяти семи... Покойся милый прахъ до радостнаго утра! «

Гмъ, чортъ, въ самомъ дѣлѣ генераль! На другой могилкѣ, откуда шелъ льстивый голосъ, еще не было памятника; была только плитка; должно быть изъ новичковъ. По голосу надворный совѣтникъ.

— Охъ—хо—хо—хо! слышался совсѣмъ уже новый голосъ, саженьяхъ въ пяти отъ генеральскаго мѣста и уже совсѣмъ изъ подъ свѣжей могилки, — голосъ мужской и престонародный, но разслабленный на благоговѣйно—умиленный манеръ.

— Охъ—хо—хо—хо!

— Ахъ, опять онъ икаетъ! раздался вдругъ брезгливый и высокомерный голосъ раздраженной дамы, какъ бы высшаго свѣта. Наказаніе мнѣ подлѣ этого лавочника!

— Ничего я не икалъ, да и пици не принималъ, а одно лишь это мое естество. — И все то вы, барыня, отъ вашихъ здѣшнихъ капризовъ никакъ не можете успокоиться.

— Такъ зачѣмъ вы сюда легли?

— Положили меня, положили супруга и малыя дѣтки, а не самъ я возлегу. Смерти таинство! И не легъ—бы я подлѣ васъ ни за что, ни за какое злато; а лежу по собственному капиталу, судя по цѣнѣ—съ. Ибо это мы всегда можемъ чтобы за могилку нашу по третьему разряду внести.

— Накопилъ; людей обсчитывалъ?

— Чѣмъ васъ обсчитываешь—то коли съ января почитай никакой вашей уплаты къ намъ не было. Счетецъ на васъ въ лавкѣ имѣется.

— Ну, ужъ это глупо; здѣсь по моему долги розыскивать очень глупо! Ступайте на верхъ. Спрашивайте у племянницы; она наслѣдница.

— Да ужъ гдѣ теперь спрашивать и куда пойдешь. Оба достигли предѣла и предъ Судомъ Божиимъ во грѣсѣхъ равны.

— Во грѣсѣхъ! презрительно передразнила покойница. И не смѣйте совсѣмъ со мной говорить!

— Охъ—хо—хо—хо!

— Однако лавочникъ—то барыни слушается, ваше превосходительство.

— Почему—же бы ему не слушаться?

— Ну да извѣстно, ваше превосходительство, такъ какъ здѣсь новый порядокъ.

— Какой-же это новый порядокъ?

— Да вѣдь мы, такъ сказать, умерли, ваше превосходительство.

— Ахъ да! Ну все-же порядокъ...

Ну, одолжили; нечего сказать утѣшили! Если ужъ здѣсь до того дошло, то чего же спрашивать въ верхнемъ-то этажѣ? Какія однако же штуки! Продолжалъ однако выслушивать, хотя и съ чрезмѣрнымъ негодованіемъ.

— »Нѣтъ, я-бы пожилъ! Нѣтъ... я, знаете... я-бы пожилъ!» раздался вдругъ чей-то новый голосъ, гдѣ-то въ промежуткѣ между генераломъ и раздражительной барыней.

— Слышите, ваше превосходительство, нашъ опять за то же. По три дня молчитъ — молчитъ и вдругъ: «Я-бы пожилъ, нѣтъ, я-бы пожилъ!» И съ такимъ, знаете, аппетитомъ, хи-хи!

— И съ легкомысліемъ.

— Пронимаетъ его, ваше превосходительство, и, знаете, засыпаетъ, совсѣмъ уже засыпаетъ, съ апрѣля вѣдь здѣсь, и вдругъ: «Я-бы пожилъ!»

— Скучновато однако, замѣтилъ его превосходительство.

— Скучновато, ваше превосходительство, развѣ Авдотью Игнатьевну опять пораздразнить, хи-хи?

— Нѣтъ ужъ прошу уволить. Терпѣть не могу этой задорной криксы.

— А я напротивъ васъ обоихъ терпѣть не могу, брезгливо откликнулась крикса. Оба вы самые прескучные и ничего не умѣете рассказать идеальнаго. Я про васъ, ваше превосходительство, — не чваньтесь пожалуйста, — одну исторію знаю, какъ васъ изъ подъ одной супружеской кровати по утру лакей щеткой вымелъ.

— Скверная женщина! сквозь зубы проворчалъ генераль.

— Матушка, Авдотья Игнатьевна, возопилъ вдругъ опять лавочникъ, — барынька ты моя, скажи ты мнѣ, зла не помня, чтожъ я по мытарствамъ это хожу али что иное дѣется?..

— Ахъ, онъ опять за то же, такъ я и предчувствовала, потому слышу духъ отъ него, духъ, а это онъ ворочается!

— Не ворочаюсь я, матушка, и нѣтъ отъ меня никакого такого особаго духу, потому еще въ полномъ нашемъ тѣлѣ какъ есть сохранилъ себя, а вотъ вы, барынька, такъ ужъ тронулись — потому духъ дѣйстви-

тельно нестерпимый, даже и по здѣшнему мѣсту. Изъ вѣжливости только молчу.

— Ахъ, скверный обидчикъ! Отъ самого такъ и разить, а онъ на меня.

— Охъ—хо—хо—хо! Хоша бы сороковинки наши скорѣе пристигли: слезные гласы ихъ надъ собою услышу, супруги вопль и дѣтей тихій плачь!..

— Ну, вотъ объ чемъ плачетъ: нажрутся кутьи и уѣдутъ. Ахъ, хоть бы кто проснулся!

— Авдотья Игнатъевна, заговорилъ льстивый чиновникъ. Подождите капельку, новенькіе заговаряютъ.

— А молодые люди есть между ними?

— И молодые есть, Авдотья Игнатъевна. Юноши даже есть.

— Ахъ какъ бы кстати!

— А что не начинали еще? освѣдомился его превосходительство.

— Даже и третьеводнишніе еще не очнулись, ваше превосходительство, сами изволите знать иной разъ по недѣлѣ молчать. Хорошо что ихъ вчера, третьяго дня и сегодня какъ то разомъ вдругъ навезли. А то вѣдь кругомъ сажень на десять почти все у насъ прошлогодніе.

— Да, интересно.

— Вотъ, ваше превосходительство, сегодня дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Тарасевича схоронили. Я по голосамъ узналъ. Племянникъ его мнѣ знакомъ, давеча гробъ опускалъ.

— Гмъ, гдѣ же онъ тутъ?

— Да шагахъ въ пяти отъ васъ, ваше превосходительство, влѣво. Почти въ самыхъ вашихъ ногахъ—съ... Вотъ бы вамъ, ваше превосходительство, познакомиться.

— Гмъ, нѣтъ — ужъ... мнѣ что—же первому.

— Да онъ самъ начнетъ, ваше превосходительство. Онъ будетъ даже польщенъ, поручите мнѣ, ваше превосходительство, и я...

— Ахъ, ахъ... ахъ, что—же это со мной? закрихтѣлъ вдругъ чей—то испуганный новенькій голосокъ.

— Новенькій, ваше превосходительство, новенькій, слава Богу, и какъ вѣдь скоро! Другой разъ по недѣлѣ молчать.

— Ахъ, кажется молодой человекъ! взвизгнула Авдотья Игнатъевна.

— Я... я... я отъ осложненія и такъ внезапно! залепеталъ опять юноша. Мнѣ Шульцъ еще наканунѣ: у васъ, говоритъ, осложненіе, а я вдругъ къ утру и померъ. Ахъ! Ахъ!

— Ну, нечего дѣлать, молодой человекъ, милостиво и очевидно радуясь новичку замѣтилъ генераль, — надо утѣшиться! Милости просимъ въ нашу такъ сказать долину Иосафатову. Люди мы добрые, узнаете и оцѣните. Генераль—маіоръ Василій Васильевъ Первоѣдовъ, къ вашимъ услугамъ.

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ, нѣтъ, это я никакъ! Я у Шульца; у меня, знаете, осложненіе вышло, сначала грудь захватило и кашель, а потомъ простудился: грудь и гриппъ... и вотъ вдругъ совсѣмъ неожиданно... главное совсѣмъ неожиданно.

— Вы говорите сначала грудь, мягко ввязался чиновникъ, какъ бы желая ободрить новичка.

— Да, грудь и мокрота, а потомъ вдругъ нѣтъ мокроты и грудь, и дышать не могу... и знаете...

— Знаю, знаю. Но если грудь, вамъ—бы скорѣе къ Эку, а не къ Шульцу.

— А я, знаете, все собирался къ Боткину... и вдругъ...

— Ну, Боткинъ кусается, замѣтилъ генераль.

— Ахъ нѣтъ, онъ совсѣмъ не кусается; я слышалъ онъ такой внимательный и все предскажетъ впередъ.

— Его превосходительство замѣтилъ на счетъ цѣны, поправилъ чиновникъ.

— Ахъ, что вы, всего три цѣлковыхъ, и онъ такъ осматриваетъ, и рецептъ... и я непременно хотѣлъ потому что мнѣ говорили... Что же, господа, какъ же мнѣ, къ Эку или къ Боткину?

— Что? Куда? пріятно хохоча заколыхался трупъ генерала. Чиновникъ вторилъ ему фистулой.

— Милый мальчикъ, милый, радостный мальчикъ, какъ я тебя люблю! восторженно взвизгнула Авдотья Игнатьевна. — Вотъ если—бъ этакаго подлѣ положили!

Нѣтъ, этого ужъ я не могу допустить! и это современный мертвецъ! Однако послушать еще и не спѣшить заключеніями. Этотъ соплякъ—новичекъ, — я его давеча въ гробу помню, — выраженіе перепуганнаго цыпленка, наипротивнѣйшее въ мірѣ! Однако чтò далѣе.

Но далѣе началась такая катавасія что я всего и не удержалъ въ памяти, ибо очень многіе разомъ проснулись: проснулся чиновникъ, изъ статскихъ совѣтниковъ, и началъ съ генераломъ тотчасъ же и немедленно о проектѣ новой подкомиссіи въ министерствѣ — дѣлъ и о вѣроят-

номъ, сопряженномъ съ подкомиссіей, перемѣщеніи должностныхъ лицъ, — чѣмъ весьма и весьма развлекъ генерала. Признаюсь я и самъ узналъ много новаго, такъ что подивился путямъ, которыми можно иногда узнавать въ сей столицѣ административныя новости. Затѣмъ полупроснулся одинъ инженеръ, но долго еще бормоталъ совершенный вздоръ, такъ что наши и не приставали къ нему, а оставили до времени вылежаться. Наконецъ обнаружила признаки могильнаго воодушевленія схороненная по утру подъ катафалкомъ знатная барыня. Лебезятниковъ (ибо льстивый и ненавидимый мною надворный совѣтникъ, помѣщавшійся подлѣ генерала Первоѣдова, по имени оказался Лебезятниковымъ) очень суетился и удивлялся что такъ скоро на этотъ разъ всѣ просыпаются. Признаюсь удивился и я; впрочемъ нѣкоторые изъ проснувшихся были схоронены еще третьяго дня, какъ на примѣръ одна молоденькая очень дѣвица, лѣтъ шестнадцати, но все хихикавшая... мерзко и плотно-одно хихикавшая.

— Ваше превосходительство, тайный совѣтникъ Тарасевичъ просыпаются! возвѣстилъ вдругъ Лебезятниковъ съ необычайною торопливостью.

— А? что? брезгливо и сюсюкающимъ голосомъ прошамкалъ вдругъ очнувшійся тайный совѣтникъ. Въ звукахъ голоса было нѣчто капризно—повелительное. Я съ любопытствомъ прислушался, ибо въ послѣдніе дни нѣчто слышалъ о семъ Тарасевичѣ, — соблазнительное и тревожное въ высшей степени.

— Это я—съ, ваше превосходительство, покамѣстъ всего только я—съ.

— Чего просите и что вамъ угодно?

— Единственно освѣдомиться о здоровьи вашего превосходительства; съ непривычки здѣсь каждый съ перваго разу чувствуетъ себя какъ—бы въ тѣснотѣ—съ... Генераль Первоѣдовъ желалъ бы имѣть честь знакомства съ вашимъ превосходительствомъ и надѣются...

— Не слыхалъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, генераль Первоѣдовъ, Василій Васильевичъ...

— Вы генераль Первоѣдовъ?

— Нѣтъ—съ, ваше превосходительство, я всего только надворный совѣтникъ Лебезятниковъ—съ къ вашимъ услугамъ, а генераль Первоѣдовъ...

— Вздоръ! И прошу васъ оставить меня въ покоѣ.

— Оставьте, съ достоинствомъ остановилъ наконецъ самъ генераль Первоѣдовъ гнусную торопливость могильнаго своего кліента.

— Не проснулись еще, ваше превосходительство, надо имѣть въ виду—съ; это они съ непривычки—съ: проснутся и тогда примутъ иначе—съ...

— Оставьте, повторилъ генераль.

— Василій Васильевичъ! Эй вы, ваше превосходительство! вдругъ громко и азартно прокричалъ подлѣ самой Авдотьи Игнатьевны одинъ совсѣмъ новый голосъ, — голосъ барскій и дерзкій, съ утомленнымъ по модѣ выговоромъ и съ нахальною его скандировкою; — я васъ всѣхъ уже два часа наблюдаю; я вѣдь три дня лежу; вы помните меня, Василій Васильевичъ? Клиневичъ, у Волоконскихъ встрѣчались, куда васъ не знаю почему тоже пускали.

— Какъ, графъ Петръ Петровичъ... да неужели же вы... и въ такихъ молодыхъ годахъ... Какъ сожалѣю!

— Да я и самъ сожалѣю, но только мнѣ все равно, и я хочу отвсюду извлечь все возможное. И не графъ, а баронъ, всего только баронъ. Мы какіе—то шелудивые баронишки, изъ лакеевъ, да и не знаю почему, наплевать. Я только негодяй псевдо—высшаго свѣта и считаюсь «милымъ полисономъ». Отецъ мой какой—то генералишка, а мать была когда—то принята en haut lieu¹. Я съ Зифелемъ жидомъ на пятьдесятъ тысячъ прошлаго года фальшивыхъ бумажекъ провелъ, да на него и донесъ, а деньги всѣ съ собой Юлька Charpentier de—Lusignan увезла въ Бордо. И представьте я уже совсѣмъ былъ помолвленъ — Щевалевская, трехъ мѣсяцевъ до шестнадцати не доставало, еще въ институтѣ, за ней тысячь девяносто даютъ. Авдотья Игнатьевна, помните какъ вы меня лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я еще былъ четырнадцатилѣтнимъ пажемъ, развратили?..

— Ахъ, это ты, негодяй, ну хоть тебя Богъ послалъ, а то здѣсь...

— Вы напрасно вашего сосѣда негоціанта заподозрили въ дурномъ запахѣ... Я только молчалъ да смѣялся. Вѣдь это отъ меня; меня такъ въ заколоченномъ гробѣ и хоронили.

— Ахъ какой, мерзкій! Только я все таки рада; вы не повѣрите, Клиневичъ, не повѣрите какое здѣсь отсутствіе жизни и остроумія.

— Ну да, ну да, и я намѣренъ завести здѣсь нѣчто оригинальное. Ваше превосходительство, — я не васъ, Первоѣдовъ, — ваше превосходительство, другой, господинъ Тарасевичъ, тайный совѣтникъ! Отклик-

---

¹ в высших сферах (франц.).

нитесь! Клиневичъ, который васъ къ m—lle Фюри постомъ возилъ, слышите?

— Я васъ слышу, Клиневичъ, и очень радъ, и повѣрьте...

— Ни на грошъ не вѣрю и наплевать. Я васъ, милый старецъ, просто расцаловать хочу, да слава Богу не могу. Знаете вы, господа, что этотъ grand—père¹ сочинилъ? Онъ третьяго дня аль четвертаго померъ и, можете себѣ представить, цѣлыхъ четыреста тысячъ казеннаго недочету оставилъ? Сумма на вдовъ и сиротъ и онъ одинъ почему—то хозяйничалъ, такъ что его, подконецъ, лѣтъ восемь не ревизовали. Воображаю какія тамъ у всѣхъ теперь длинныя лица и чѣмъ они его поминаютъ! Не правда—ли сладострастная мысль! Я весь послѣдній годъ удивлялся какъ у такого семидесятилѣтняго старикашки, подагрика и хирагрика, уцѣлѣло еще столько силъ на развратъ и — и вотъ теперь и разгадка! Эти вдовы и сироты — да одна уже мысль о нихъ должна была раскалять его!.. Я про это давно уже зналъ, одинъ только я и зналъ, мнѣ Charpentier передала, и какъ я узналъ тутъ—то я на него, на Святой, и налегъ по пріятельски: «Подавай двадцать пять тысячъ не то завтра обривизуютъ»; такъ, представьте, у него только тринадцать тысячъ тогда нашлось, такъ что онъ кажется теперь очень кстати померъ. Grand—père, grand—père, слышите?

— Chèr Клиневичъ, я совершенно съ вами согласенъ и напрасно вы... пускались въ такія подробности. Въ жизни столько страданій, истязаній и такъ мало возмездія... я пожелалъ наконецъ успокоиться, и сколько вижу надѣюсь извлечь и отсюда все....

— Бьюсь объ закладъ что онъ уже пронюхалъ Катишь Берестову!

— Какую?.. Какую Катишь? плотоядно задрожалъ голосъ старца.

— А—а, какую Катишь? А вотъ здѣсь налѣво въ пяти шагахъ отъ меня, отъ васъ въ десяти. Она ужъ здѣсь пятый день и еслибъ вы знали, grand—père, что это за мерзавочка... хорошаго дома, воспитана и — монстръ, монстръ до послѣдней степени! Я тамъ ее никому не показывалъ, одинъ я и зналъ... Катишь, откликнись!

— Хи—хи—хи! откликнулся надтреснутый звукъ дѣвичьяго голоска, но въ немъ слышалось нѣчто въ родѣ укола иголки. Хи—хи—хи!

— И блон—ди—ночка? обрывисто въ три звука пролепеталъ grand—père.

— Хи—хи—хи!

— Мнѣ... мнѣ давно уже, залепеталъ задыхаясь старецъ, — нрави—лась мечта о блондиночкѣ... лѣтъ пятнадцати... и именно при такой обстановкѣ...

---

¹ дедушка (франц.).

— Ахъ, чудовище! воскликнула Авдотья Игнатьевна.

— Довольно! порѣшилъ Клиневичъ, — я вижу что матеріаль пресвосходный. Мы здѣсь немедленно устроимся къ лучшему. Главное чтобы весело провести остальное время; но какое время? Эй, вы, чиновникъ какой—то, Лебезятниковъ что—ли, я слышалъ что васъ такъ звали!

— Лебезятниковъ, надворный совѣтникъ, Семень Евсѣичъ, къ вашимъ услугамъ, и очень—очень—очень радъ.

— Наплевать что вы рады, а только вы кажется здѣсь все знаете. Скажите во первыхъ (я еще со вчерашняго дня удивляюсь) какимъ это образомъ мы здѣсь говоримъ? Вѣдь мы умерли, а между тѣмъ говоримъ; какъ будто и движемся, а между тѣмъ и не говоримъ и не движемся? Что за фокусы?

— Это, если—бъ вы пожелали, баронъ, могъ бы вамъ лучше меня Платонъ Николаевичъ объяснить.

— Какой такой Платонъ Николаевичъ? Не мямлите, къ дѣлу.

— Платонъ Николаевичъ, нашъ доморощенный здѣшній философъ, естественникъ и магистръ. Онъ нѣсколько философскихъ книжекъ пустилъ, но вотъ три мѣсяца и совсѣмъ засыпаетъ, такъ что уже здѣсь его невозможно теперь раскатать. Разъ въ недѣлю бормочетъ по нѣсколько словъ, не идущихъ къ дѣлу.

— Къ дѣлу, къ дѣлу!..

— Онъ объясняетъ все это самымъ простымъ фактомъ, именно тѣмъ, что на верху, когда еще мы жили, то считали ошибочно тамошнюю смерть за смерть. Тѣло здѣсь еще разъ какъ будто оживаетъ, остатки жизни сосредоточиваются, но только въ сознаниі. Это — не умѣю вамъ выразить — продолжается жизнь какъ бы по инерціи. Все сосредоточено, по мнѣнію его, гдѣ—то въ сознаниі и продолжается еще мѣсяца два или три... иногда даже полгода... Есть, напримѣръ, здѣсь одинъ такой, который почти совсѣмъ разложился, но разъ, недѣль въ шесть, онъ все еще вдругъ пробормочетъ одно словцо, конечно, бессмысленное, про какой—то бобокъ: «Бобокъ, бобокъ», — но и въ немъ, значитъ, жизнь все еще теплится незамѣтною искрой...

— Довольно глупо. Ну, а какъ же вотъ я не имѣю обонянія, а слышу вонь?

— Это... хе—хе... Ну, ужъ тутъ нашъ философъ пустился въ туманъ. Онъ именно про обоняніе замѣтилъ, что тутъ вонь слышится, такъ сказать, нравственная — хе—хе! вонь будто бы души, чтобы въ два—три этихъ мѣсяца успѣть спохватиться... и что это, такъ сказать, послѣднее милосердіе... Только мнѣ кажется, баронъ, все это уже мистическій бредъ, весьма извинительный въ его положеніи...

— Довольно и далѣе я увѣренъ все вздоръ. Главное, два или три мѣсяца жизни и въ концѣ концовъ — бобокъ. Я предлагаю всѣмъ провести эти два мѣсяца какъ можно пріятнѣе и для того всѣмъ устроиться на иныхъ основаніяхъ. Господа! я предлагаю ничего не стыдиться!

— Ахъ, давайте, давайте ничего не стыдиться! слышались многіе голоса, и странно, слышались даже совсѣмъ новые голоса, значить тѣмъ временемъ вновь проснувшихся. Съ особенною готовностью прогремѣлъ басомъ свое согласіе совсѣмъ уже очнувшійся инженеръ. Дѣвочка Катись радостно захихикала.

— Ахъ, какъ я хочу ничего не стыдиться! съ восторгомъ воскликнула Авдотья Игнатьевна.

— Слышите, ужъ коли Авдотья Игнатьевна хочетъ ничего не стыдиться...

— Нѣтъ—нѣтъ—нѣтъ, Клиневичъ, я стыдилась, я все таки тамъ стыдилась, а здѣсь я ужасно, ужасно хочу ничего не стыдиться!

— Я понимаю, Клиневичъ, пробасилъ инженеръ, что вы предлагаете устроить здѣшнюю, такъ сказать, жизнь на новыхъ и уже разумныхъ началахъ.

— Ну, это мнѣ наплевать! На этотъ счетъ подождемъ Кудеярова, вчера принесли. Проснется и вамъ все объяснить. Это такое лицо, такое великанское лицо! Завтра, кажется, притащутъ еще одного естественника, одного офицера навѣрно и, если не ошибаюсь, дня черезъ три—четыре одного фельетониста, и кажется вмѣстѣ съ редакторомъ. Впрочемъ, чортъ съ ними, но только насъ соберется своя кучка и у насъ все само собою устроится. Но пока я хочу чтобъ не лгать. Я только этого и хочу, потому что это главное. На землѣ жить и не лгать невозможно, ибо жизнь и ложь синонимы; ну а здѣсь мы для смѣху будемъ не лгать. Чортъ возьми, вѣдь значить же что нибудь могила! Мы всѣ будемъ вслухъ рассказывать наши исторіи и уже ничего не стыдиться. Я прежде всѣхъ про себя расскажу. Я, знаете, изъ плотоядныхъ. Все это тамъ вверху было связано гнилыми веревками. Долой веревки и проживемъ эти два мѣсяца въ самой безстыдной правдѣ! Заголимся и обнажимся!

— Обнажимся, обнажимся! закричали во всѣ голоса.

— Я ужасно, ужасно хочу обнажиться! взвизгивала Авдотья Игнатьевна.

— Ахъ... ахъ... Ахъ я вижу что здѣсь будетъ весело; я не хочу къ Эку!

— Нѣтъ, я бы пожилъ, нѣтъ, знаете, я бы пожилъ!

— Хи—хи—хи! хихикала Катись.

— Главное, что никто не можетъ намъ запретить и хотъ Первоѣдовъ, я вижу, и сердится, а рукой онъ меня все-таки не достанетъ. Grand-père, вы согласны?

— Я совершенно, совершенно согласенъ и съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ, но съ тѣмъ что Катись начнетъ первая свою біо-графію.

— Протестую! протестую изо всѣхъ силъ, съ твердостью произнесъ генераль Первоѣдовъ.

— Ваше превосходительство! въ торопливомъ волненіи и понизивъ голосъ лепеталъ и убѣждалъ негодяй Лебезятниковъ, — ваше превосходительство, вѣдь это намъ даже выйднѣе, если мы согласимся. Тутъ, знаете эта дѣвочка... и наконецъ всѣ эти разныя штучки...

— Положимъ дѣвочка, но...

— Выйднѣе, ваше превосходительство, ей-Богу-бы выйднѣе! Ну хотъ для примѣрчика, ну хотъ попробуемъ...

— Даже и въ могилѣ не дадутъ успокоиться!

— Вовпервыхъ, генераль, вы въ могилѣ въ преферансъ играете, а вовторыхъ, намъ на васъ на-пле-вать, — проскандировалъ Клиневичъ.

— Милостивый государь, прошу однако не забываться.

— Что? Да вѣдь вы меня не достанете, а я васъ могу отсюда дразнить какъ Юлькину болонку. И во-первыхъ, господа, какой онъ здѣсь генераль? Это тамъ онъ былъ генераль, а здѣсь пшикъ!

— Нѣтъ не пшикъ... я и здѣсь...

— Здѣсь вы сгніете въ гробу и отъ васъ останется шесть мѣдныхъ пуговиць.

— Bravo, Клиневичъ, ха-ха-ха! заревѣли голоса.

— Я служилъ государю моему... я имѣю шпагу...

— Шпагой вашей мышей колотъ и къ тому же вы ее никогда не вынимали.

— Все равно-съ; я составлялъ часть цѣлаго.

— Мало-ли какія есть части цѣлаго.

— Bravo, Клиневичъ, bravo, ха-ха-ха!

— Я не понимаю что такое шпага, провозгласилъ инженеръ.

— Мы отъ пруссаковъ убѣжимъ какъ мыши, растреплютъ въ пухъ! прокричалъ отдаленный и неизвѣстный мнѣ голосъ, но, буквально, захлебывавшійся отъ восторга.

— Шпага, сударь, есть честь! крикнулъ было генераль, но только я его и слышалъ. Поднялся долгій и неистовый ревъ, бунтъ и гамъ, и лишь слышались нетерпѣливые до истерики взвизги Авдотьи Игнатъевны:

— Да поскорѣе же, поскорѣй! Ахъ, когда же мы начнемъ ничего не стыдиться!

— Охъ—хо—хо! во истину душа по мытарствамъ ходитъ! раздался было голосъ простолюдина, и...

И тутъ я вдругъ чихнулъ. Произошло внезапно и ненамѣренно, но эффектъ вышелъ поразительный: все смолкло точно на кладбищѣ, исчезло какъ сонъ. Настала истинно—могильная тишина. Не думаю, чтобы они меня устыдились: рѣшились же ничего не стыдиться! Я прождалъ минутъ съ пять и — ни слова, ни звука. Нельзя тоже предположить, чтобы испугались доноса въ полицію; ибо что можетъ тутъ сдѣлать полиція? Заключаю невольно, что все таки у нихъ должна быть какая—то тайна, неизвѣстная смертному, и которую они тщательно скрываютъ отъ всякаго смертнаго.

«Ну, подумалъ, миленькіе, я еще васъ навѣщу» и съ симъ словомъ оставилъ кладбище.

Нѣтъ, этого я не могу допустить; нѣтъ, во истину нѣтъ! Бобокъ меня не смущаетъ (вотъ онъ бобокъ—то и оказался!).

Развратъ въ такомъ мѣстѣ, развратъ послѣднихъ упованій, развратъ дряблыхъ и гніющихъ труповъ и — даже не щадя послѣднихъ мгновений сознанія! имъ даны, подарены эти мгновения и... А главное, главное въ такомъ мѣстѣ! Нѣтъ, этого я не могу допустить...

Побываю въ другихъ разрядахъ, послушаю вездѣ. То—то и есть, что надо послушать вездѣ, а не съ одного лишь краю, чтобы составить понятіе. Авось наткнуся и на утѣшительное.

А къ тѣмъ непременно вернусь. Обѣщали свои біографіи и разные анекдоты. Тьфу! Но пойду, непременно пойду; дѣло совѣсти!

Снесу въ «Гражданинъ»; тамъ одного редактора портретъ тоже выставили. Авось напечатаетъ.

VII.

«Смятенный видъ».

Я кое—что прочелъ изъ текущей литературы и чувствую что «Гражданинъ» обязанъ упомянуть о ней на своихъ страницахъ. Но — какой я критикъ? Я дѣйствительно хотѣлъ—было писать критическую статью,

но кажется я могу сказать кое—что лишь «по поводу». Всего я прочелъ: «Запечатлѣннаго Ангела» г. Лѣскова, поэму Некрасова и статью г. Щедрина. Прочелъ я тоже статьи гг. Скабичевскаго и Н. М. въ «Отечественныхъ Запискахъ». Обѣ эти статьи въ нѣкоторомъ смыслѣ были для меня какъ—бы новымъ откровеніемъ; когда—нибудь непременно надо поговорить о нихъ. А теперь начну сначала, т. е. въ томъ порядкѣ какъ читалъ, именно съ «Запечатлѣннаго Ангела».

Это разсказъ г. Лѣскова въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Извѣстно, что сочиненіе это многимъ понравилось здѣсь въ Петербургѣ и что очень многіе его прочли. Дѣйствительно оно того стоитъ: и характерно и занимательно. Это повѣсть разсказанная однимъ бывшимъ раскольникѣмъ на станціи въ рождественскую ночь о томъ, какъ всѣ они, раскольники, челоуѣкъ сто пятьдесятъ, цѣлою артелью перешли въ православіе, вслѣдствіе чуда. Эта артель работниковъ строила мостъ въ одномъ большомъ русскомъ городѣ и года три жила въ отдѣльныхъ баракахъ на берегу рѣки. Была у нихъ своя часовня, а въ ней множество древнихъ образовъ, освященныхъ еще до временъ патріарха Никона. Очень занимательно разсказано, какъ одному господину, не совершенно маловажному чиновнику, захотѣлось сорвать съ артели взятку, тысячъ въ пятнадцать. Наѣхавъ вдругъ въ часовню со властью, онъ потребовалъ по ста рублей съ иконы выкупа. Дать не могли. Тогда онъ арестовалъ образа. Въ нихъ просверлили дырѣя, нанизали ихъ на желѣзныя спицы какъ бублики и унесли куда—то въ подвалъ. Но тутъ была икона Ангела, древняя и особливо уважаемая, считаемая артелью за чудотворную. Чтобы поразить, отмстить и оскорбить, чиновникъ, раздраженный упорствомъ неплатящихъ раскольниковъ, взялъ сургучъ и въ виду всего собранія накапалъ его на ликъ образа и приложилъ казенную печать. Мѣстный архіерей, увидавъ запечатлѣнный ликъ святыни, изрекъ: «Смятенный видъ», и распорядился поставить поруганную икону въ соборѣ на окно. Г. Лѣсковъ увѣряетъ, что слова архіерея и распоряженіе отнести поруганную икону въ соборѣ, а не въ подвалъ, будто бы очень понравились раскольникамъ.

Затѣмъ началась запутанная и занимательная исторія о томъ какъ былъ украденъ этотъ «Ангель» изъ собора. Съ раскольниками связался англичанинъ, баринъ и кажется подрядчикъ по строящемуся мосту, любилъ ихъ и такъ какъ съ нимъ они были откровенны — то взялся имъ помогать. Особенно выдаются въ разсказѣ бесѣды раскольниковъ съ англичаниномъ объ иконной живописи. Это мѣсто серьезно хорошо, лучшее во всемъ разсказѣ. Все кончается тѣмъ, что за всенощной икону наконецъ выкрали изъ собора, ангела распечатлѣли, подмѣнили иконою

новою, еще не освященною, которую взялась «запечатлѣть», на подобіе первой, жена англичанина. И вотъ въ критическую минуту случилось чудо: отъ новой запечатлѣнной иконы видѣли свѣтъ (правда, видѣлъ одинъ только человѣкъ), а икона, когда ее принесли, оказалась незапечатлѣнною, т. е. безъ сургуча на ликѣ. Это такъ поразило принесшаго ее раскольника, что онъ тутъ-же отправился въ соборъ къ архіерею и во всемъ ему покаялся, причемъ владыко простилъ и изрекъ:

«Это тебѣ должно быть внушительно теперъ гдѣ вѣра дѣйствительна: вы, говоритъ, плутовствомъ съ своего Ангела печать свели, а нашъ самъ съ себя ее снялъ и тебя сюда привелъ».

Чудо такъ поразило раскольниковъ что они всею артелью, сто пятьдесятъ или около человѣкъ, перешли въ православіе.

Но тутъ авторъ не удержался и кончилъ повѣсть довольно неловко. (Къ этимъ неловкостямъ г. Лѣсковъ способенъ; вспомнимъ только конецъ діакона Ахиллы въ его «Соборяхъ»). Онъ, кажется, испугался что его обвинять въ наклонности къ предразсудкамъ и поспѣшилъ разъяснить чудо. Самъ же рассказчикъ, т. е. мужичокъ, бывшій раскольникъ «весело» у него сознается, что на другой день послѣ ихъ обращенія въ православіе доискались почему распечатлѣлся Ангелъ. Англичанка не осмѣлилась закапать ликъ хотя и не освященной иконы, а сдѣлала печать на бумажкѣ и подвела ее подъ края оклада. Въ дорогѣ бумажка, конечно, соскользнула и Ангелъ распечатлѣлся. Такимъ образомъ отчасти и не понятно почему раскольники остались въ православіи, не смотря на разъясненіе чуда? Конечно, отъ умиленія и отъ ласки простившаго ихъ архіерея? Но взявъ въ соображеніе твердость и чистоту ихъ прежнихъ вѣрованій, взявъ въ соображеніе посрамленіе ихъ святыни и надруганіе надъ святынею ихъ собственныхъ чувствъ, взявъ въ соображеніе, наконецъ, вообще характеръ нашего раскола, врядъ-ли можно объяснить обращеніе раскольниковъ однимъ умиленіемъ, — да и къ чему, къ кому? Въ благодарность за одно только *прощеніе* архіерея? Вѣдь понимали же они — даже лучше другихъ — что именно на самомъ дѣлѣ должна бы означать власть архіерея въ церкви, а потому и не могли бы умилиться чувствомъ къ той церкви, гдѣ архіерей, послѣ такого неслыханнаго, всенародно-безстыднаго и самоуправнаго святотатства, которое позволилъ себѣ взяточникъ-чиновникъ, касающагося какъ раскольниковъ, такъ равно и *всѣхъ православныхъ*, ограничивается лишь тѣмъ, что говоритъ съ воздыханіемъ: «Смятенный видъ! « и не въ силахъ остановить даже второстепеннаго чиновника отъ такихъ звѣрскихъ и ругательныхъ для религіи дѣйствій.

И вообще въ этомъ смыслѣ повѣсть г. Лѣскова оставила во мнѣ впечатлѣніе болѣзненное и нѣкоторое недовѣріе къ правдѣ описаннаго. Она, конечно, отлично рассказана и заслуживаетъ многихъ похвалъ, но вопросъ: неужели это все правда? Неужели это все у насъ могло произойти? То-то и есть что рассказъ, говорятъ, основанъ на дѣйствительномъ фактѣ. Вообразимъ только такой случай: положимъ, гдѣнибудь теперь, въ какойнибудь православной церкви, находится древняя чудотворная икона, повсемѣстно чтимая всѣмъ Православіемъ. Представимъ, что какаянибудь артель раскольниковъ цѣлымъ скопомъ выкрадываетъ эту икону изъ собора, собственно чтобы имѣть эту древнюю святыню у себя, въ своей моленной. Все это, конечно, могло бы случиться. Представимъ, что лѣтъ черезъ десять какойнибудь чиновникъ находитъ эту икону, торгуется съ раскольниками чтобы добыть знатную взятку; они такой суммы дать не въ силахъ и вотъ онъ беретъ сургучъ и капааетъ его на ликъ святыни съ приложеніемъ казенной печати. Неужели отъ того только, что икона побыла нѣкоторое время въ рукахъ раскольниковъ, она потеряла свою святыню? Вѣдь и икона «Ангела», о которой рассказываетъ г. Лѣсковъ, была древле освященною православною иконою, чтимою до раскола всѣмъ Православіемъ? И неужели при семъ мѣстный архіерей не могъ и не имѣлъ бы права поднять хоть палецъ въ защиту святыни, а лишь съ вздыханіемъ проговорилъ: «Смятенный видъ». Мои *тревожные* вопросы могутъ показаться нашимъ образованнымъ людямъ мелкими и предразсудочными; но я того убѣжденія, что оскорбленіе народнаго чувства во всемъ что для него есть святаго — есть страшное насиліе и чрезвычайная безчеловѣчность. Неужели раскольникамъ не пришла въ голову мысль: «Чтоже, какъ бы сей православный владыко защитилъ церковь, еслибы обидчикомъ было еще болѣе важное лицо?» Могли ли они съ почтеніемъ отнестись къ той церкви, въ которой высшая духовная власть, какъ описано въ повѣсти, такъ мало имѣетъ власти? Ибо чѣмъ же объяснить поступокъ архіерея какъ не малою властью его? Неужели равнодушіемъ и лѣнностью и неслышаннымъ предположеніемъ что онъ, забывъ обязанность своего сана, обратился въ чиновника отъ правительства? Вѣдь если ужъ такая нелѣпость зайдетъ въ головы духовныхъ чадъ его, то ужъ это всего хуже: православныя дѣти его постепенно теряютъ всякую энергію въ дѣлѣ вѣры, умиленіе и преданность къ церкви, а расколъ будетъ смотрѣть на православную церковь съ презрѣніемъ. Вѣдь значитъ же чтонибудь пастьеръ? Вѣдь понимаютъ же это раскольники?

Итакъ, вотъ какія мысли приходятъ въ голову послѣ чтенія прекраснаго рассказа г. Лѣскова; такъ что мы, повторяемъ, наклонны счи-

татъ этотъ разсказъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, почти неправдоподобнымъ. Между тѣмъ, въ одномъ изъ недавнихъ №№ «Голоса» прочель я слѣдующее извѣстіе:

«Одинъ изъ деревенскихъ священниковъ Орловской губерніи пишетъ въ газету «Современность»: «Занимаясь обученіемъ дѣтей своихъ прихожанъ грамотѣ почти съ самаго уничтоженія крѣпостнаго права, я оставилъ эту обязанность только тогда, когда наше д-ское земство приняло на себя вознагражденіе и пожелало имѣть свободныхъ отъ другихъ занятій наставниковъ. Но въ началѣ нынѣшняго 1872—73 учебнаго года оказался недостатокъ народныхъ учителей въ нашемъ уѣздѣ. Я, не желая закрытія училища въ своемъ селѣ, рѣшилъ изъяснить свое желаніе занять должность наставника и обратился въ училищный совѣтъ съ прошеніемъ объ утвержденіи меня въ этой должности. Совѣтъ отвѣтилъ мнѣ, что «я тогда буду утвержденъ въ должности наставника, когда на то изъяснить свое согласіе общество». Общество пожелало и составило о томъ приговоръ. Обращаюсь въ волостное правленіе для засвидѣтельствованія приговора, какъ требовалъ того училищный совѣтъ. Волостное правленіе, имѣя во главѣ невѣжественнаго писаря М. С. и во всемъ послушнаго ему старшину, не восхотѣло засвидѣтельствовать приговора, ссылаясь на то, что мнѣ учить некогда, но въ душѣ руководясь другими побужденіями. Я обращаюсь къ мировому посреднику. Посредникъ П. высказалъ мнѣ въ глаза слѣдующія достопримѣчательныя слова: «правительство вообще не расположено къ тому, чтобы народное образованіе было въ рукахъ духовенства». Почему бы такъ? — спрашиваю я. «Потому, отвѣчаетъ посредникъ, что духовенство проводитъ суевѣріе»».

Какъ вамъ нравится, господа, это сообщеніе? Вѣдь оно, конечно, въ косвенномъ смыслѣ, почти возстановляетъ правдоподобность разсказа г. Лѣскова, въ которой мы такъ усумнились и упорно продолжаемъ сомнѣваться. Тутъ важно не то, что случился такой посредникъ: что за нужда, что какойнибудь глупецъ скажетъ съ вѣтру глупое слово? И какое намъ дѣло до его убѣжденій? Тутъ важно то, что это такъ откровенно и со властью высказано; съ такою сознательною властью, съ такою безбеспокоющеюся безцеремонностью. Онъ высказываетъ свое премудрое убѣжденіе уже прямо и не обинуясь *въ глаза* и, кромѣ того, имѣетъ дерзость навязывать такія убѣжденія правительству и говорить *отъ лица* правительства.

Ну, осмѣлился бы это сказать не то что какой-то посредникъ, а въ десять разъ высшее его по власти лицо какомунибудь хотъ, напимѣръ, остзейскому пастору? Господи, какой бы этотъ пасторъ затѣялъ крикъ и какой бы въ самомъ дѣлѣ поднялся крикъ! У насъ священникъ смиренно обличаетъ дерзкаго путемъ гласности. Но приходитъ мысль: если бы это лицо было повыше посредника (что вѣдь очень можетъ быть, потому что у насъ все можетъ случиться), то вѣдь можетъ быть пастырѣ добрый и не

сталъ бы совсѣмъ обличать его, зная, что изъ этого выйдетъ одинъ лишь «смятенный видъ» и ничего болѣе. Да и нельзя же требовать отъ него энергіи первыхъ вѣковъ христіанства, хотя бы и желалось того. Мы вообще наклонны обвинять наше духовенство въ равнодушіи къ святому дѣлу; но какъ же и быть ему при иныхъ обстоятельствахъ? А между тѣмъ помощь духовенства народу никогда еще не была такъ настоятельно необходима. Мы переживаемъ самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую минуту можетъ быть изъ всей исторіи русскаго народа.

Очень странное явленіе случилось недавно въ одномъ углу Россіи — нѣмецкое протестантство въ средѣ православія, новая секта штундистовъ. «Гражданинъ» о ней сообщалъ своевременно. Явленіе почти уродливое, но въ немъ какъ-бы слышится нѣчто пророческое.

Въ Херсонской губерніи какой-то пасторъ Бонекетбергъ пожалѣлъ отъ добраго сердца тамошній русскій народъ, видя его непросвѣщеннымъ и духовно-оставленнымъ, и сталъ проповѣдывать ему христіанскую вѣру, но держась православія, и самъ уговаривая его отъ православія не отступать. Но случилось иначе: проповѣдь имѣла полный успѣхъ, но новые христіане тотчасъ же начали тѣмъ, что отстали отъ православія, поставили себѣ это первымъ и непремѣннымъ условіемъ, отвернулись отъ обрядовъ, иконъ, стали собираться по лютерански и пѣть псалмы по книжкѣ; иные выучились даже нѣмецкому языку. Секта распространяется съ фанатическою быстротой, переходитъ въ другіе уѣзды и губерніи. Сектанты измѣнили образъ жизни, не пьянствуютъ. Они такъ, на примѣръ, разсуждаютъ:

— У нихъ (то есть у нѣмецкихъ, лютеранскихъ штундистовъ), — у нихъ потому хорошо, и потому они такъ честно и благообразно живутъ, что нѣтъ постовъ...

Логика мизерная, но какой-то есть смыслъ, какъ хотите, особенно если смотрѣть на постъ какъ на одинъ лишь обрядъ. А откудава бѣдный человѣкъ могъ-бы узнать спасительную, глубокую цѣль поста? Да онъ и всю свою прежнюю вѣру зналъ какъ одинъ лишь обрядъ.

Значитъ противъ обряда и протестовалъ.

Это, положимъ, понятно. Но почему онъ такъ вдругъ схватился протестовать? Гдѣ причина его подвигнувшая?

Причина можетъ быть очень общая — та, что возсіялъ ему свѣтъ новой жизни съ 19 февраля. Онъ могъ споткнуться и упасть съ первыхъ

шаговъ на новомъ пути; но очнуться надо было непременно, а очнувшись, онъ вдругъ увидалъ какъ онъ «жалокъ и бѣденъ, и слѣпъ, и нищъ, и нагъ». Главное, — правды захотѣлось, правды во что бы ни стало, даже жертвуя всѣмъ, что было до сихъ поръ ему свято. Потому что никакимъ развратомъ, никакимъ давленіемъ и никакимъ униженіемъ не истребишь, не замртишь и не искоренишь въ сердцѣ народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Онъ можетъ страшно упасть; но въ моменты самага полнаго своего безобразія онъ всегда будетъ помнить, что онъ всего только безобразникъ и болѣе ничего; но что есть гдѣ то высшая правда и что эта правда выше всего.

Вотъ явленіе. Явленіе это можетъ быть пока единичное, съ краю, но врядъ—ли случайное. Оно можетъ затихнуть и зачерствѣть въ самомъ началѣ и опять таки преобразиться въ какую нибудь обрядность, подобно большинству русскихъ сектъ, особенно если ихъ не трогать. Но, какъ хотите, въ явленіи этомъ, повторяю, можетъ все таки заключаться какъ бы нѣчто пророческое. Въ настоящее время, когда все будущее такъ загадочно, позволительно иногда даже вѣрить въ пророчества.

Ну, что если нѣчто подобное развернется уже по всей Руси? Не это самое, не штундисты (тѣмъ болѣе, что, говорятъ, уже приняты надлежащія мѣры), а только нѣчто подобное? Что если весь народъ вдругъ скажетъ себѣ, дойдя до краевъ своего безобразія и разглядѣвъ свою нищету: «Не хочу безобразія, не хочу пить вина, а хочу правды и страха Божьяго, а главное правды, правды прежде всего».

Что возжаждетъ онъ правды — въ томъ, конечно, явленіе отрадное. А между тѣмъ вмѣсто правды можетъ выйти чрезвычайная ложь, какъ и у штундистовъ.

Ну какой въ самомъ дѣлѣ нашъ народъ протестантъ и какой онъ нѣмецъ? и къ чѣму ему учиться по нѣмецки чтобы пѣть псалмы? И не заключается ли все, все чего ищетъ онъ — въ православіи? Не въ немъ ли одномъ и правда и спасеніе народа русскаго, а въ будущихъ вѣкахъ и для всего человѣчества? Не въ православіи ли одномъ сохранился божественный ликъ Христа во всей чистотѣ? И можетъ быть главнѣйшее предъизбранное назначеніе народа русскаго въ судьбахъ всего человѣчества и состоитъ лишь въ томъ, чтобъ сохранить у себя этотъ божественный образъ Христа во всей чистотѣ, а когда придетъ время, — явить этотъ образъ міру, потерявшему пути свои!

Да, но покаместъ это все сбудется, пасторъ то вотъ всталъ пораньше, съ первыми птицами, да и пришелъ къ народу, чтобы сказать ему правду — православную правду, онъ былъ очень совѣстливъ. Но народъ пошелъ за нимъ, а не за православіемъ, — не изъ благодарности только,

а за то что отъ него первую правду увидѣлъ. Ну, и вышло, что «у него потому хорошо, что постовъ нѣтъ». Заключение очень понятное коли замѣшалась личность.

Ну, а кстатѣ: чтоже наши священники? Что объ нихъ—то слышно?

А наши священники тоже, говорятъ, просыпаются. Духовное наше сословіе, говорятъ, давно уже начало обнаруживать признаки жизни. Съ умилениемъ читаемъ мы назиданія владыкъ по церквамъ своимъ о проповѣдничествѣ и благообразномъ житіи. Наши пастыри, по всеѣмъ извѣстіямъ, рѣшительно принимаются за сочиненіе проповѣдей и готовятся произнести ихъ.

Поспѣютъ—ли только во время? Поспѣютъ ли проснуться съ первыми птицами? Пасторъ все—таки птица иная, залетная, да и гарантированъ иначе. Ну, да и служба всеѣмъ другая, начальство и проч. Такъ то такъ, да вѣдь не чиновникъ же въ самомъ дѣлѣ и нашъ священникъ! И не проповѣдникъ—ли онъ единой великой Истины, имѣющей обновить весь міръ?

Пасторъ поспѣлъ раньше него, это все правда; но что же и дѣлать однако было священнику, въ случаѣ, на примѣръ, хотъ штундистовъ? Мы вотъ все склонны обвинять нашихъ священниковъ, а вникнемъ однако: неужели ограничиться лишь доносомъ начальству? О, конечно нѣтъ, добрыхъ пастырей у насъ много, — можетъ быть болѣе даже чѣмъ мы можемъ надѣяться, или сами того заслуживаемъ. Но все—таки, чтò—же онъ сталъ—бы тутъ проповѣдывать? — (приходитъ мнѣ иногда въ голову какъ свѣтскому человѣку, съ дѣломъ незнакомому) — О преимуществѣ православія передъ лютеранствомъ? Но вѣдь мужики люди темные: ничего не поймутъ и пожалуй не убѣдятся. Доброе поведеніе и добрые нравы, говоря вообще и не слишкомъ пускаясь въ подробности? Но какіе—же тутъ «добрые нравы», когда народъ пьянъ съ утра до вечера. Воздержаніе отъ вина въ такомъ случаѣ, чтобы истребить зло въ самомъ корнѣ? Безъ сомнѣнія такъ, хотя тоже не слишкомъ пускаясь въ подробности, ибо... ибо все—таки надо имѣть въ соображеніи величіе Россіи какъ великой державы, которое такъ дорого стоитъ... Ну, а вѣдь ужъ это въ нѣкоторомъ родѣ почти тоже, что и «смятенный видъ—съ». Остается стало быть проповѣдывать, чтобы народъ пилъ *немножко только поменьше...*

Ну, а пастору какое дѣло до величія Россіи какъ великой европейской державы? И не боится онъ никакого «смятеннаго вида», и служба у него всеѣмъ другая. А потому дѣло и осталось за нимъ.

VIII.

Полписьма «одного лица».

Ниже я помѣщаю письмо, или лучше сказать полписьма «одного лица» въ редакцію «Гражданина»; все письмо напечатать было никакъ невозможно. Это все тоже «лицо», вотъ тотъ самый, который уже отличился разъ въ «Гражданинѣ» насчетъ «могилокъ». Признаюсь, печатаю единственно чтобы отъ него отвязаться. Редакція буквально задавлена его статьями. Во первыхъ, это «лицо» рѣшительно выступаетъ моимъ защитникомъ противъ литературныхъ «враговъ» моихъ. Онъ написалъ уже за меня и въ пользу мою три «антикритики», двѣ «замѣтки», три «случайныя замѣтки», одно «по поводу» и наконецъ «наставленіе какъ вести себя». Въ этомъ послѣднемъ полемическомъ сочиненіи своемъ, онъ, подъ видомъ наставленія «врагамъ» моимъ, нападаетъ уже на меня самого и нападаетъ въ такомъ даже тонѣ, что я ничего подобнаго, по энергіи и ярости, не встрѣчалъ даже и у «враговъ» моихъ. Онъ хочетъ чтобы я это все напечаталъ! Я рѣшительно заявилъ ему, что, во первыхъ, «враговъ моихъ» никакихъ не имѣю, и что все это только такъ и призраки; во вторыхъ, что и время уже прошло, ибо весь этотъ гамъ журналистовъ, раздавшійся съ появленія перваго № «Гражданина» сего 1873 года съ такою неслыханною литературною яростью, безпардонностью и простодушіемъ пріемовъ атаки, теперь, недѣли двѣ, даже три тому назадъ, вдругъ и неизвѣстно почему прекратился, точно также какъ неизвѣстно почему и начался. Наконецъ, что если бы я и вздумалъ кому отвѣчать, то сумѣлъ бы это сдѣлать самъ, безъ его помощи.

Онъ разсердился и поссорясь со мною вышелъ. Я даже былъ радъ тому. Это человѣкъ болѣзненный... Онъ въ напечатанной у насъ еще прежде статьѣ уже сообщилъ, отчасти, нѣкоторыя черты изъ своей біографіи: человѣкъ огорченный и ежедневно себя «огорчающій». Но главное, меня пугаетъ эта непомѣрная сила «гражданской энергіи» сего сотрудника. Представьте, онъ съ первыхъ словъ заявилъ мнѣ, что не требуетъ ни малѣйшаго гонорарія, а пишетъ единственно изъ «гражданскаго долга». Даже признался мнѣ, съ гордою, но вредящею себѣ откровенностью, что писалъ вовсе не для того чтобы защищать меня, а единственно чтобы провести при семъ случаѣ свои мысли, такъ какъ ихъ ни въ одной редакціи не принимаютъ. Онъ просто за просто питалъ сладкую надежду отмежевать себѣ, хоть задаромъ, постоянный уголокъ въ нашемъ журналѣ чтобы имѣть возможность постоянно излагать свои мысли. Какія же это мысли? Пишетъ онъ обо всемъ, отзывается на все,

съ горечью, съ яростью, съ ядомъ и со «слезой умиленія». «Девяносто процентовъ на ядъ и одинъ процентъ на слезу умиленія!» объявляетъ онъ самъ въ одной своей рукописи. Начнется новый журналъ или новая газета, и онъ уже немедленно тутъ: поучаетъ и даетъ наставленія. Это совершенная правда что, въ одну газету онъ отослалъ до сорока писемъ съ наставленіями, то есть какъ издавать, какъ вести себя, объ чемъ писать и на что обращать вниманіе. Въ нашей редакціи накопилось его писемъ, въ два съ половиною мѣсяца, до двадцати осьми штукъ. Пишетъ онъ всегда за своею полною подписью, такъ что его вездѣ уже знаютъ, и мало того что тратитъ послѣднія копѣйки на франкировку, но еще въ письма же вкладываетъ свѣжія марки, предполагая, что добьется таки своего и затѣетъ гражданскую переписку съ редакціями. Всего болѣе удивляетъ меня, что я никакъ не могъ, даже изъ двадцати восьми его писемъ, открыть какого онъ направленія и чего собственно такъ добивается? Это какой-то сумбуръ... Рядомъ съ грубостью пріемовъ, съ цинизмомъ краснаго носа и «огорченнаго» запаха, изступленнаго слога и разорванныхъ сапоговъ, мелькаетъ какая то скрытая жажда нѣжности, чего то идеальнаго, вѣра въ красоту, Sehnsucht¹ по чему то утраченному, и все это выходитъ какъ-то до крайности въ немъ отвратительно. И вообще онъ мнѣ надоѣлъ. Правда, онъ грубитъ открыто и денегъ за это не требуетъ, стало быть отчасти лицо благородное; но Богъ съ нимъ и съ его благородствомъ! Не далѣе какъ три дня послѣ нашей ссоры онъ явился опять, съ «послѣднею уже попыткой», и принесъ вотъ это «Письмо одного лица». Нечего дѣлать я взялъ и долженъ теперь напечатать.

Первую половину письма рѣшительно нельзя напечатать. Это — однѣ только личности и ругательства чуть не всѣмъ петербургскимъ и московскимъ изданіямъ, выходящія изъ всякой мѣрки. Ни одно изъ упрекаемыхъ имъ изданій не возвышалось до такого цинизма въ ругательствахъ. И главное, самъ-то онъ ихъ ругаетъ единственно за цинизмъ и за дурной тонъ ихъ полемики. Я просто отрѣзалъ ножницами всю первую часть письма и возвратилъ ему. Заключительную же часть печатаю лишь потому, что тутъ, такъ сказать, тема общая: это нѣкое увѣщаніе какому-то воображаемому фельетонисту, — увѣщаніе даже пригодное для фельетонистовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, до того оно общее. Слогъ возвышенный, причемъ сила слога равняется лишь наивности изложенныхъ мыслей. Обращаясь съ увѣщаніемъ къ фельетонисту, онъ говоритъ ему *ты*, какъ въ одахъ стараго времени. Онъ ни за что не хотѣлъ чтобы я началъ съ точки и настоялъ на томъ чтобы печатаніе полуписьма его началось съ полуфразы, именно такъ какъ отрѣзалось ножницами:

¹ томление, тоска (нем.).

«пусть, дескать, увидятъ какъ меня исказили!» Онъ же отстоялъ и заглавіе: я хотѣлъ все—таки написать: «Письмо одного лица»; онъ непремѣнно потребовалъ чтобы озаглавлено было: «Полписьма одного лица».

Итакъ вотъ эти полписьма...

«Полписьма одного лица».

...и неужели въ словѣ «свинья» заключается столь магическій и заманчивый смыслъ, что ты тотчасъ же и несомнѣнно принимаешь его на свой счетъ? Я давно уже сталъ замѣчать, что въ русской литературѣ это словцо постоянно имѣетъ нѣкоторый особенный и даже какъ бы мистическій смыслъ. Даже дѣдушка Крыловъ, понимая это, употреблялъ съ особою любовью «свинью» въ своихъ апологахъ. Читающій литераторъ, даже въ уединеніи и про себя, встрѣтившись съ словомъ симъ, немедленно вздрагиваетъ и тотчасъ же начинаетъ задумываться: «Не я—ли это? Не про меня ли написано?» Согласенъ, что словцо энергическое, но зачѣмъ же подразумѣвать непремѣнно себя и даже себя одного? Есть и другіе кромѣ тебя. Ужъ не имѣешь ли тайныхъ причинъ къ сему? Ибо чѣмъ иначе могу объяснить твою мнительность?¹

Второе, что замѣчу тебѣ, о другъ мой фельетонистъ, это то, что ты неводерженъ въ планировкѣ своихъ фельетоновъ. Ты напихиваешь въ столбцы свои столько генераловъ, акціонеровъ, князей, въ тебѣ и въ острыхъ словахъ твоихъ имѣющихъ нужду, что поневолѣ заключаю, читая, что за обиліемъ многихъ не имѣешь ни одного. Здѣсь ты присутствуешь на значительномъ засѣданіи совѣта и изрекаешь бонмо, свысока и небрежно, но тѣмъ бросаешь лучъ свѣта и совѣтъ немедленно и торопливо перемѣняется къ лучшему. Тамъ въ глаза осмѣялъ одного богатаго князя, за чтò онъ немедленно зоветъ тебя на обѣдъ, но ты проходишь мимо и гордо, но либерально отъ обѣда отказываешься. Тамъ заѣзжему милорду, въ интимномъ разговорѣ, въ салонѣ, въ шутку открываешь всю

---

¹ Это несомнѣнно преувеличено, но отчасти и вѣрно. Тутъ намекъ собственно на то, что въ первомъ № «Гражданина» я имѣлъ несчастье привести одну древнѣйшую индійскую басню о дуэли льва и свиньи, причѣмъ ловко отклонилъ даже самую возможность предположенія, что слово левъ нескромно отношу на свой счетъ. И чтò же? Дѣйствительно многіе выказали чрезвычайную и поспѣшную мнительность. Даже было нѣчто въ родѣ феномена: въ редакцію пришло письмо одного подписчика изъ одной далекой окраины Россіи; подписчикъ дерзко и азартно укоряетъ редакцію за то, что подъ словомъ свинья она, будто—бы, несомнѣнно подразумѣваетъ своихъ подписчиковъ — предположеніе до того нелѣпое, что даже иные и петербургскіе фельетонисты не рѣшились имъ воспользоваться въ своихъ обвиненіяхъ... а это уже мѣра всему.

тайную подкладку Россіи: онъ, въ страхѣ и въ восхищеніи, тутъ же телеграфируетъ въ Лондонъ и на другой же день министерство Викторіи падаетъ. Тамъ, на Невскомъ, на прогулкѣ отъ двухъ до четырехъ, ты разрѣшаешь государственную задачу тремъ отставнымъ, но бѣгущимъ за тобою министрамъ; встрѣчаешь проигравшагося гвардейскаго ротмистра и бросаешь ему двѣсти рублей займы; съ нимъ ѣдешь къ Фифинѣ для благороднаго (будто бы?) негодованія... Однимъ словомъ, ты тутъ, ты тамъ, ты вездѣ; ты разсыпанъ въ обществѣ, тебя рвутъ на расхватъ; глотаешь трюфели, ѣшь конфекты, разъѣзжаешь на извозчикахъ, въ дружбѣ съ половыми у Палкина, — словомъ, безъ тебя ничего. Столь высокая обстановка твоя является наконецъ подозрительною. Тихій читатель провинціи сочтетъ тебя можетъ быть и вправду за обойденнаго наградой или по крайней мѣрѣ за отставнаго министра, желающаго вновь путемъ свободной, но оппозиціонной печати возвратить свою должность. Но опытный житель обѣихъ столицъ знаетъ иное: ибо знаетъ онъ, что ты не болѣе, какъ нанятой борзописецъ у антрепренера-издателя; ты нанятъ и обязанъ его защищать. Онъ же (но никто другой) натравливаетъ тебя на кого ему вздумается.

Итакъ, весь этотъ гнѣвъ и азартъ въ тебѣ, весь этотъ лай твой, — все это лишь наемное и натравленное чужою рукой. И добро бы ты самъ за себя стоялъ! Напротивъ, чему всего болѣе удивляюсь въ тебѣ — это тому, что ты, наконецъ, горячишься дѣйствительно, принимаешь къ сердцу какъ будто въ самомъ дѣлѣ свое, ругаешься съ фельетонистомъ-соперникомъ какъ бы изъ-за какой-то любимой идеи, изъ-за дорогаго тебѣ убѣжденія. Между тѣмъ, знаешь самъ, что своихъ идей не имѣешь, а убѣжденій и подавно. Или можетъ быть, вслѣдствіе многолѣтней горячки и упоенія смраднымъ успѣхомъ своимъ, ты возмечталъ, наконецъ, что у тебя есть идея, что и ты способенъ имѣть убѣжденіе? Если такъ, то какъ же считаешь послѣ сего на мое уваженіе?

Нѣкогда ты былъ честнымъ и благообразнымъ юношей... О, вспомни у Пушкина, если не ошибаюсь съ персидскаго: почтенный старецъ говоритъ рвущемуся сразиться юношѣ:

Я боюсь среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелестъ нѣги и стыда.

Увы, ты все это и давно уже навсегда утратилъ! Смотри самъ, какъ ты споришь съ фельетоннымъ врагомъ твоимъ и пойми до чего вы, нако-

нець, доругались! Ибо вовсе вы уже не такъ подлы, какъ другъ друга рисуете. Вспомни, что въ дѣтскомъ возрастѣ дѣти дерутся наиболѣе потому, что не научились еще разумно излагать свои мысли. Ты же, сѣдое дитя, за неимѣніемъ мыслей, бранишься всѣми словами разомъ, — худой приѣмъ! Именно за неимѣніемъ убѣжденій и настоящей учености, ты стараешься болѣе вникнуть въ частную жизнь своего соперника; съ жадностью узнаешь проступки его, искажаешь ихъ и предаешь ихъ благодѣтельной гласности. Не жалѣешь жены и дѣтей его. Предполагая другъ друга умершими, пишете каждый и обоюдно одинъ другому, въ видѣ пашквиля, по надгробному слову. Скажи же, кто повѣритъ тебѣ наконецъ? Читая фельетонъ твой, обрызганный слюной и чернилами, я невольно наклоненъ подумать, что ты неправъ, что въ фельетонѣ твоёмъ особый и секретный смыслъ, что вы вѣрно гдѣ нибудь подрались на дачѣ и не можете позабыть сего. Невольно заключаю въ пользу твоего соперника и эффектъ твой манкированъ. А къ тому ли стремился ты?

И какая дѣтская неумѣлость въ тебѣ! Обругавъ соперника, ты заключаешь свой фельетонъ словами: «Вижу васъ, господинъ NN, какъ вы, прочитавъ эти строки, бѣгаете внѣ себя по комнатѣ, рвете ваши волосы, кричите на вбѣжавшую въ испугъ жену свою, гоните прочь дѣтей и, скрежеща зубами, колотите въ стѣну кулакомъ отъ безсильнаго бѣшенства»...

Другъ мой, простодушный, но изступленный страдалецъ своего фиктивного, напускнаго въ пользу антрепренера бѣшенства, о другъ мой фельетонистъ! Скажи: прочитавъ въ твоёмъ фельетонѣ подобныя строки будто бы о твоёмъ соперникѣ, неужели я не догадаюсь, что это ты, ты самъ, а не соперникъ твой, бѣгаешь по своей комнатѣ, рвешь свои волосы, бьешь вбѣжавшаго въ испугъ лакея, если онъ есть у тебя и съ 19 февраля еще не утратилъ первобытной невинности; съ визгомъ и скрежетомъ кидаешься ты на стѣну и отбиваешь въ кровь кулаки свои! Ибо кто повѣритъ, что можно послать такія строки сопернику не отбивъ въ кровь своихъ собственныхъ кулаковъ предварительно? Такимъ образомъ, самъ выдаешь себя.

Очнись же и приобрѣти стыдъ. Приобрѣтя стыдъ, приобрѣтешь и умѣнье писать фельетоны, — вотъ выгода.

Представлю тебѣ аллегорію. Ты вдругъ публикуешь въ афишкѣ, что на будущей недѣлѣ въ четвергъ или въ пятницу (словомъ, представь себѣ день, въ который пишешь свои фельетоны) въ театрѣ Берга или въ особо устроенномъ для того помѣщеніи, будешь показывать себя нагишомъ и даже въ совершенной подробности. Вѣрю, что найдутся любители; такія зрѣлища особенно привлекаютъ современное общество. Вѣрю,

что съѣдутся и даже во множествѣ, но для того ли, чтобы уважать тебя? А если такъ, то въ чемъ же твое торжество?

Теперь разсуди если можешь: не то ли самое изображаютъ твои фельетоны? Не выходишь ли каждую недѣлю, въ такой—то именно день, нагишомъ и со всѣми подробностями передъ публику? И для чего, для кого ты стараешься?

Тутъ смѣшнѣе всего, что вся публика знаетъ весь секретъ войны вашей, знаетъ и знать не хочетъ, проходить мимо васъ равнодушно; вы же рветесь изъ себя и думаете, что всѣ берутъ въ васъ участіе. Человѣкъ простодушный! Публикѣ слишкомъ извѣстно, что антрепренеръ столичной газеты, когда, по примѣру его, основалась другая газета, въ испугѣ сказалъ себѣ, схватясь за карманъ: «Эта новооснованная негодница можетъ лишить меня двухъ или двухъ съ половиною тысячъ подписчиковъ. Найму же кудлашку и натравлю на соперницу». Кудлашка — вѣдь это ты!

Антрепренеръ тобою доволенъ; онъ гладитъ свои бакенбарды и, послѣ завтрака, съ улыбкою думаетъ: «Какъ я однако же натравилъ его!»

Помнишь—ли ты Антропку въ Тургеневѣ? Сія вещь любимаго писателя публики — по истинѣ гениальная. Антропка есть провинціальная мальчишка или вѣрнѣе братъ другаго провинціального мальчишки, и уже Антропки, (а первый положимъ Нефедь), скрывшагося изъ избы въ темную лѣтнюю ночь, по поводу сдѣланной шалости. Строгий отецъ послалъ старшаго мальчика привести нашалившаго братишку домой. И вотъ надъ обрывомъ оврага раздаются раздирательные вопли:

— Антропка! Антропка!

Долго не откликается виноватый шалунъ, но наконецъ «какъ бы съ того свѣта» раздается дрожащій и робкій голосенокъ его, съ другой стороны оврага.

— Чиво—о?

— А тебя тятенька выси—ичь хочи—ить! съ злобною и торопливою радостью подхватываетъ старшій братишка.

Голосъ «съ того свѣта» разумѣется затихаетъ. Но вотъ съ надрывомъ и съ безсильнымъ, самоскребущимъ озлобленіемъ все еще слышатся въ темную ночь безконечные, но безсильные вопли:

— Антропка—а! Антропка—а—а!

Сей гениальный возгласъ къ Антропкѣ и — что главное — безсильный, но злобный надрывъ его, можетъ повториться не только среди провинціальныхъ мальчишекъ, но и между взрослыми, дошедшими до почтенныхъ сѣдинъ, членами современнаго, но взволнованнаго реформами общества. И не напоминаетъ—ли тебѣ хотя бы что либо сихъ Антропокъ

въ столицѣ? Ибо между сими двумя антрепренерами столичныхъ изданій не замѣчаешь ли нѣчто антропичное? Ты и соперникъ твой — не высланы—ли вы оба своими хозяевами для отысканія Антропокъ? Антропки — не тѣ—ли это изъ предполагаемыхъ вами новыхъ подписчиковъ, которые могли—бы повѣрить вашей невинности? Вы знаете оба, что вся ваша ярость, весь надрывъ и старанія ваши останутся втунѣ, что не отзовется Антропка, что не отобьете вы другъ у друга ни одного подписчика, что у каждаго будетъ довольно и безъ того; но вы уже такъ вѣѣлись въ игру сію и такъ нравится вамъ этотъ скребущій сердца ваши до крови фельетонный безсильный надрывъ, что вы уже не можете удержаться! И вотъ, еженедѣльно и въ извѣстные дни, среди темной ночи объявшею нашу литературу, съ надрывомъ и съ яростью раздается: Антропка—а! Антропка—а! И мы это слушаемъ.

Позволю себѣ и еще аллегорію.

Представь, что тебя пригласили въ порядочное общество; ибо предполагаю, что ѣздишь и ты въ порядочные круги общества. Ты прибылъ на званую вечеринку къ статскому даже совѣтнику, въ день его именинъ. Гости уже заранѣе предувѣдомлены хозяиномъ о твоёмъ остроуміи. Ты входишь съ приличіемъ, одѣтъ хорошо, расшаркиваешься съ хозяйкою и говоришь ей любезности. Съ удовольствіемъ ощущаешь, что на тебя смотрятъ и готовишься отличиться. И вдругъ, о ужасъ! замѣчаешь въ углу залы литературнаго твоего соперника, прибывшаго раньше тебя и котораго даже и знакомымъ въ семь мѣстѣ не предполагалъ до послѣдней минуты. Ты измѣнился въ лицѣ; но хозяинъ, относя сіе къ минутному твоему нездоровью, спѣшитъ, по наивности, познакомить тебя съ литературнымъ врагомъ твоимъ. Вы мычите и тотчасъ же повертываетесь другъ къ другу спинами. Хозяинъ въ смущеніи, но ободряется, полагая, что это лишь новый литературный приѣмъ, неизвѣстный ему за дѣлами службы. Между тѣмъ спѣшаютъ картами, и хозяйка приглашаетъ тебя въ ералашъ, съ свойственною ей любезностію. Чтобъ избавиться отъ соперника, ты берешь карту съ радостію; новый ужасъ: оказывается, что вы за однимъ столомъ. Отказаться уже нельзя, ибо причиною тому обѣ развязныя и любезныя свѣтскія дамы, ваши партнерки. Обѣ садятся спѣша, а кругомъ ихъ нѣсколько родственницъ и знакомыхъ и всѣ жаждутъ слушать двухъ литераторовъ, всѣ смотрятъ на ваши рты, всѣ ловятъ ваше первое слово, не спуская съ васъ глазъ своихъ. Соперникъ твой обращается къ дамѣ съ спокойствіемъ и говоритъ ей: «Кажется, сдача за вами, сударыня». Всѣ улыбаются, всѣ переглядываются, остроумное слово получаетъ успѣхъ и сердце твое сжимается завистью. Но слѣдуетъ сдача. Открываешь свои карты: тройки, двойки, шестерки и

самая старшая — валеть. Ты скрежещешь зубами, а соперникъ твой улыбается. Къ нему пришли карты и онъ съ гордостью объявляетъ коронку. Взоръ твой тускнѣетъ. Схватываешь бронзовый вѣскій фамильный подевѣчникъ, которымъ гордится хозяинъ, хранящійся весь годъ у хозяйки въ шкафу и выставлемый на видъ лишь единственно въ дни ангеловъ — схватываешь и стремительно пускаешь его въ лобъ своему сопернику. Крикъ и недоумѣніе! Всѣ вскакиваютъ, но вы уже бросились и съ пѣной ярости вцѣпились другъ другу въ волосы.¹ Ибо судя по твоему нетерпѣнію въ литературѣ и неумѣнію сдержать себя имѣю право заключить и о нетерпѣніи твоёмъ въ частныхъ обществахъ. Партнерка твоя, молодая дама, ожидавшая отъ тебя столько остроумія, съ крикомъ спасается подъ крыло своего супруга, значительнаго инженеръ—подполковника. Тотъ, указывая на васъ, обоихъ, крутящихся за волосы, говоритъ ей: «Я предварялъ тебя, миленькая, чего можно ожидать отъ современной беллетристики!» Но васъ уже стащили вонъ съ лѣстницы и выпихнули на улицу. Именинникъ хозяинъ, чувствуя вину свою передъ созваннымъ обществомъ, проситъ у всѣхъ извиненія, рекомендуя забыть о русской литературѣ и продолжать ералашъ. Ты же лишилъ себя свѣтскаго вечера, пріятныхъ, хотя и невинныхъ минутъ съ петербургскою дамой и ужина. Но вамъ обоимъ не до того: вы схватываете по легковому извозчику и несетесь по зловоннымъ петербургскимъ улицамъ каждый въ квартиру свою, чтобы тотчасъ же сѣсть за фельетонъ. Ты погоняешь извозчика, мимоходомъ завидуя его невинности, но уже обдумываешь статью свою. Ты прилетѣлъ, схватываешь перо свое и рассказываешь точь въ точь и въ малѣйшей подробности все что случилось съ тобой у совѣтника!

Ты обличаешь именинника, ты обличаешь жену его, угощеніе ихъ, возстаешь противъ обычая именинъ, противъ инженеръ—подполковника, противъ дамы своей партнерки и наконецъ—то добираешься до соперника. О, тутъ уже все до послѣдней подробности, по извѣстной нынѣшней общей манерѣ вашей выставлать подноготную. Ты рассказываешь какъ онъ билъ тебя и какъ ты его билъ, обѣщаешь что будешь бить и какъ онъ обѣщался бить. Ты хочешь приложить къ статьѣ своей пачку вырванныхъ у него волосъ. Но вотъ уже утро... Ты бѣгаешь по комнатѣ и ждешь редакціоннаго часа. Являешься къ редактору и вдругъ тотъ, съ спокойнымъ видомъ, объявляетъ тебѣ, что еще наканунѣ, примирился съ антрепренеромъ—соперникомъ, прекратившимъ изданіе и сдавшимъ ему подписчиковъ, самъ же запилъ съ нимъ миръ у Дюссота бутылкой шам-

---

¹ Редакція находитъ эту картину немного преувеличенною.

панскаго. Затѣмъ благодарить тебя за услуги и объявляетъ, что ты ему больше не нуженъ. Скажи, каково положеніе твое!

Всего болѣе не люблю я послѣднихъ дней масляницы, когда черный народъ допивается до послѣдней степени своего безобразія. Отупѣлыя рожки пьяницъ, въ рваныхъ халатахъ и сюртучишкахъ, толпятся у кабаковъ. Вотъ двое остановились на улицѣ: одинъ увѣряетъ, что онъ генераль, а другой ему: врешь! Тотъ бѣсится и ругается, а этотъ: вр—решь! Тотъ еще пуще, а этотъ все тоже: вр—решь! и такъ далѣе, до двухсотъ даже разъ! Оба именно находятъ красоту въ бессильномъ и въ безконечномъ повтореніи одного и того же слова, такъ сказать погрязая въ услажденіи безсиліемъ своего униженія.

Читая фельетоны твои, невольно воображаю себѣ слишкомъ уже долго продолжающуюся въ литературѣ нашей какую—то безконечную, пьяную, безтолковую масляницу. Ибо не тоже ли и у васъ какъ и у этихъ двухъ остановившихся у перекрестка безтолковыхъ, пьяныхъ халатниковъ? Не увѣряетъ—ли твой соперникъ въ каждомъ фельетонѣ своемъ, что онъ генераль, и не отвѣчаешь—ли ты ему какъ халатникъ на перекресткѣ: «Вр—решь!» И все это такое безконечное число разъ, безъ малѣйшаго даже предчувствія какъ все это наконецъ надоѣло. Воображаю васъ именно какъ на масляницѣ, обезумѣвшихъ и упившихся, въ послѣдній (прощеный!) день; воображаю какъ вы валяетесь каждый передъ окнами своей редакціи и копошась въ грязномъ, столичномъ, буромъ снѣгу, кричите изо всей мочи, другъ на друга, сиплыми голосами:

— Карауль! кар—рауль! кар—рауль!

Но молчу и поспѣшаю мимо...

Молчаливый наблюдатель.

НВ. «Молчаливый наблюдатель» — это псевдонимъ «Одного лица»; я забылъ о томъ предупредить.

ІХ.

По поводу выставки.

Я заходилъ на выставку. На вѣнскую всемірную выставку отправляется довольно много картинъ нашихъ русскихъ художниковъ. Это уже не въ первый разъ и русскихъ современныхъ художниковъ начинаютъ знать въ Европѣ. Но все—таки приходитъ на мысль: возможно—ли тамъ понять нашихъ художниковъ и съ какой точки зрѣнія ихъ тамъ будутъ

цѣнить? По моему, переведите комедію г. Островскаго, — ну «Свои люди сочтемся», или даже любую, и переведите по возможности лучше, на нѣмецкій или французскій языкъ, и поставьте гдѣнибудь на европейской сценѣ, — и я право не знаю что выйдетъ. Чтонибудь, конечно, поймутъ, и, кто знаетъ, можетъ быть даже найдутъ нѣкоторое удовольствіе, но по крайней мѣрѣ три четверти комедіи останутся совершенно недоступны европейскому пониманію. Я помню, въ моей молодости, какъ ужасно заинтересовало меня извѣстіе, что г. Віардо (мужъ знаменитой пѣвицы, пѣвшей у насъ тогда въ итальянской оперѣ) французъ, не знающій ничего по русски, переводитъ нашего Гоголя подъ руководствомъ г. Тургенева. У Віардо, конечно, была художественно-критическая способность и сверхъ того чуткость въ пониманіи поэзіи чужихъ національностей, что онъ и доказалъ превосходнымъ своимъ переводомъ «Донъ—Кихота» на французскій языкъ. Господинъ же Тургеневъ понималъ Гоголя конечно до тонкости; какъ всѣ тогда, полагаю, любилъ его до восторга и сверхъ того самъ былъ поэтъ, хотя тогда почти не начиналъ еще своего поэтического поприща (NB. Онъ написалъ только нѣсколько стиховъ, забылъ какихъ, и сверхъ того повѣсть «Три портрета» — произведеніе уже значительное.) Такимъ образомъ могло бы чтонибудь и выйти. Замѣчу что г. Тургеневъ должно быть превосходно знаетъ французскій языкъ. И что же? Вышла изъ этого перевода такая странность, что я, хоть и предчувствовалъ заранѣе, что Гоголя нельзя передать по французски, все-таки никакъ не ожидалъ такого исхода. Этотъ переводъ можно достать и теперь — посмотрите что это такое. Гоголь исчезъ буквально. Весь юморъ, все комическое, всѣ отдѣльныя детали и главные моменты развязокъ, отъ которыхъ и теперь, вспоминая ихъ иногда нечаянно, наединѣ (и часто въ самые не литературные моменты жизни) заляешься вдругъ самымъ неудержимымъ смѣхомъ про себя, — все это пропало, какъ не бывало вовсе. Я не понимаю, что могли заключать тогда французы о Гоголѣ судя по этому переводу; впрочемъ, кажется ничего не заключили. «Пиковая дама», «Капитанская дочка», которыя тоже были переведены тогда по французски, безъ сомнѣнія тоже исчезли на половину, хотя въ нихъ гораздо болѣе можно было понять чѣмъ въ Гоголѣ. Словомъ, все характерное, все наше національное по преимуществу (а стало быть все истинно художественное) по моему мнѣнію для Европы неузнаваемо. Переведите повѣсть «Рудинъ» Тургенева (я потому говорю о г. Тургеневѣ, что онъ наиболѣе переведенъ изъ русскихъ писателей, а о повѣсти «Рудинъ» потому, что она наиболѣе изъ всѣхъ произведеній г. Тургенева подходитъ къ чему-то нѣмецкому) — на какой хотите европейскій языкъ — и даже ея не поймутъ.

Главная суть дѣла останется совсѣмъ даже не подозрѣваемой. «Записки же охотника» точно также не поймутъ какъ и Пушкина, какъ и Гоголя. Такъ что всѣмъ нашимъ крупнымъ талантамъ, мнѣ кажется, суждено на долго можетъ быть остаться для Европы совсѣмъ неизвѣстными; и даже такъ, что чѣмъ крупнѣе и своеобразнѣе талантъ, тѣмъ онъ будетъ и неузнаваемѣе. Между тѣмъ мы на русскомъ языкѣ понимаемъ Диккенса, я увѣренъ, почти также какъ и англичане, даже можетъ быть со всѣми отгнѣнками; даже можетъ быть любимъ его не меньше его соотечественниковъ. А однако какъ типиченъ, своеобразенъ и націоналенъ Диккенсъ! Что-же изъ этого заключить? Есть-ли такое пониманіе чужихъ національностей особый даръ русскихъ предъ европейцами? Даръ особенный можетъ быть и есть, и если есть этотъ даръ (равно какъ и даръ говорить на чужихъ языкахъ, дѣйствительно сильнѣйшій чѣмъ у всѣхъ европейцевъ), то даръ этотъ чрезвычайно значителенъ и сулитъ много въ будущемъ, на многое русскихъ предназначаетъ, — хотя и не знаю: вполнѣ-ли это хорошій даръ, или есть тутъ что-нибудь и дурное... Вѣрнѣе же (скажутъ многіе), что европейцы мало знаютъ Россію и русскую жизнь, потому что не имѣли до сихъ поръ еще и нужды ее узнавать въ слишкомъ большой подробности. Правда; дѣйствительно въ Европѣ до сихъ поръ не было никакой особенной надобности слишкомъ подробно насъ узнавать. Но все-таки кажется несомнѣннымъ, что европейцу, какой-бы онъ ни былъ національности, всегда легче выучиться другому европейскому языку и вникнуть въ душу всякой другой европейской національности, чѣмъ научиться русскому языку и понять нашу русскую суть. Даже нарочно изучавшіе насъ европейцы, для какихъ-нибудь цѣлей (а таковыя были), и положившіе на это большой трудъ, несомнѣнно уѣзжали отъ насъ, хотя и много изучивъ, но все-таки до конца не понимая иныхъ фактовъ и даже можно сказать — долго еще не будутъ понимать, въ современныхъ и ближайшихъ поколѣніяхъ по крайней мѣрѣ. Все это намекаетъ на долгую еще можетъ быть и печальную нашу уединенность въ европейской семьѣ народовъ; на долгія еще въ будущемъ ошибки европейцевъ въ сужденіяхъ о Россіи; на ихъ видимую наклонность судить насъ всегда къ худшему и — можетъ быть объясняетъ и ту постоянную, всеобщую, основанную на какомъ-то сильнѣйшемъ непосредственномъ и гадливомъ ощущеніи, враждебность къ намъ Европы; отвращеніе ея отъ насъ какъ отъ чего-то противнаго, отчасти даже нѣкоторый суевѣрный страхъ ея передъ нами и — вѣчный, извѣстный, давнишній приговоръ ея о насъ: что мы вовсе не европейцы.... Мы разумѣется обижаемся и изо всѣхъ силъ таращимся доказать, что мы европейцы...

Я конечно не говорю, что въ Европѣ не поймутъ нашихъ, напримѣръ, пейзажистовъ: виды Крыма, Кавказа, даже нашихъ степей будутъ конечно и тамъ любопытны. Но за то нашъ русскій, по преимуществу національный пейзажъ, то—есть сѣверной и средней полосы нашей европейской Россіи, я думаю, тоже не произведетъ въ Вѣнѣ большаго эффекта. «Эта скудная природа», вся характерность которой состоитъ, такъ сказать, въ ея безхарактерности, намъ мила однако и дорога. Ну, а нѣмцамъ что до чувствъ нашихъ? Вотъ, напримѣръ, эти двѣ березки въ пейзажѣ г. Куинджи («Видъ на Валаамъ»): на первомъ планѣ болото и болотная поросль, на заднемъ — лѣсъ; оттуда — туча не туча, но мгла, сырость; сыростью васъ какъ будто пронизываетъ всего, вы почти ее чувствуете, и на срединѣ, между лѣсомъ и вами, двѣ бѣлыя березки, яркія, твердыя — самая сильная точка въ картинѣ. Ну, что тутъ особеннаго? Что тутъ характернаго, а между тѣмъ какъ это хорошо!... Можетъ быть я ошибаюсь, но нѣмцу это не можетъ такъ понравиться.

Про историческій родъ и говорить нечего; въ чисто—историческомъ родѣ мы давно уже не блистаемъ, а стало быть Европу и не удивимъ; даже батальнымъ родомъ не очень удивимъ; даже переселеніе черкесовъ (огромная пестрая картина, можетъ быть съ большими достоинствами — не могу судить) не произведетъ, по моему, за границею слишкомъ сильнаго впечатлѣнія. Но жанръ, нашъ жанръ — въ немъ—то что поймутъ? А вѣдь у насъ онъ, вотъ уже столько лѣтъ, почти исключительно царствуетъ; и если есть намъ чѣмъ—нибудь погордиться и что—нибудь показать, то ужъ конечно изъ нашего жанра. Вотъ напримѣръ небольшая картинка (Маковского) «Любители соловьиного пѣнія» кажется, не знаю какъ она названа. Посмотрите: комнатка у мѣщанина, аль у какого—то отставнаго солдата, торговца пѣвчими птицами и должно быть тоже и птицелова. Видно нѣсколько птичьихъ клѣтокъ; скамейки, столъ, на столѣ самоваръ, а за самоваромъ сидятъ гости, два купца или лавочника, любители соловьиного пѣнія. Соловей виситъ у окна въ клѣткѣ и должно быть свиститъ, заливается, щелкаетъ, а гости слушаютъ. Оба они видимо люди серьезные, тугіе лавочники и барышники, уже въ лѣтахъ, можетъ быть и безобразники въ домашнемъ быту (какъ—то уже это принято, что все это «темное царство» непременно составлено изъ безобразниковъ и должно безобразничать въ домашнемъ быту), а между тѣмъ оба они видимо уже раскисли отъ наслажденія, — самаго невиннаго, почти трогательнаго. Тутъ происходитъ что—то трогательное до глупости. Сидящій у окна немного потупилъ голову, одну руку приподнялъ и держитъ на вѣсу, вслушивается, таетъ, въ лицѣ блаженная улыбка; онъ дослушиваетъ трель... Онъ хочетъ что—то ухватить, боится что—то

потерять. Другой сидитъ за столомъ, за чаемъ, къ намъ почти спиной, но вы знаете, что онъ «страдаетъ» не менѣе своего товарища. Передъ ними хозяинъ зазвавшій ихъ слушать и конечно имъ же продать соловья. Это довольно сухощавый и высокій паренъ лѣтъ сорока слишкомъ, въ домашнемъ, довольно безцеремонномъ костюмѣ, (да и что тутъ теперь церемониться); онъ что-то говоритъ купцамъ и вы чувствуете, что онъ со властью говоритъ. Передъ этими лавочниками онъ, по социальному положенію своему, т. е. по карману, конечно личность ничтожная; но теперь у него соловей и хорошій соловей, а потому онъ смотритъ гордо (какъ будто онъ это самъ поетъ), обращается къ купцамъ даже съ какимъ-то нахальствомъ, съ строгостію (нельзя же-съ)... Любопытно, что лавочники непремѣнно сидятъ и думаютъ, что это такъ и должно быть, чтобы онъ ихъ тутъ немножко подраспекъ, потому что «ужь оченно хорошъ у него соловей!» Чай кончится и начнется торгъ... Ну что, спрашивается, пойметъ въ этой картинѣ нѣмецъ или вѣнскій жидъ (Вѣна, какъ и Одесса, говорятъ, вся въ жидахъ)? Можетъ кто и растолкуетъ въ чемъ дѣло и они узнаютъ, что у русскаго купца средней руки двѣ страсти — рысакъ и соловей и что потому это ужасно смѣшно; но что же изъ этого выйдетъ? Это знаніе какое-то отвлеченное и нѣмцу очень трудно будетъ представить почему это такъ смѣшно. Мы же смотримъ на картинку и улыбаемся; вспоминаемъ про нее потомъ и намъ опять почему-то смѣшно и пріятно. Право, и пусть смѣются надо мной, но вотъ въ этихъ маленькихъ картинкахъ, по моему, есть даже любовь къ человѣчеству, не только къ русскому въ особенности, но даже и вообще. Я вѣдь эту картинку только для одного примѣра поставилъ. Но вѣдь что всего досаднѣе — это то, что мы-то подобную картинку у нѣмцевъ, изъ ихъ нѣмецкаго быта, пойдемъ точно также какъ и они сами и даже восхищаться будемъ какъ они сами, почти ихъ же, нѣмецкими, чувствами, а они вотъ у насъ совсѣмъ ничего не поймутъ. Впрочемъ можетъ быть для насъ это въ нѣкоторомъ смыслѣ и выгоднѣе.

Ну, вотъ въ эстонской или лифляндской каютѣ игра въ карты, — это конечно понятно, особенно фигура мальчика, участвующаго въ игрѣ; въ карты всѣ играютъ и гадаютъ, такъ что и «Десятка пикъ» (такъ названа одна картина) будетъ совершенно понятна; но не думаю чтобы поняли напримѣръ Перова «Охотниковъ». Я нарочно назначаю одну изъ понятнѣйшихъ картинъ нашего національнаго жанра. Картина давно уже всѣмъ извѣстна: «Охотники на привалѣ»; одинъ горячо и зазнамо вретъ, другой слушаетъ и изъ всѣхъ силъ вѣрить, а третій ничему не вѣрить, прилегъ тутъ же и смѣется... Что за прелесть! Конечно растолковать — такъ поймутъ и нѣмцы, но вѣдь не поймутъ они, какъ мы,

что это русскій враль и что вретъ онъ по русски. Мы вѣдь почти слышимъ и знаемъ объ чемъ онъ говоритъ, знаемъ весь оборотъ его вранья, его слогъ, его чувства. Я увѣренъ, что если бы г. Перовъ (и онъ навѣрно бы смогъ это сдѣлать) изобразилъ французскихъ или нѣмецкихъ охотниковъ (конечно по другому и въ другихъ лицахъ) то мы, русскіе, поняли бы и нѣмецкое и французское вранье, со всѣми тонкостями, со всѣми національными отличіями, и слогъ и тему вранья, угадали бы все только смотря на картину. Ну, а нѣмецъ какъ ни напрягайся, а нашего русскаго вранья не пойметъ. Конечно, не большой ему въ томъ убытокъ, да и намъ, опять—таки, можетъ быть это и выгодно; но за то и картину не вполнѣ пойметъ а стало быть и не оцѣнитъ какъ слѣдуетъ; ну, а ужъ это жаль, потому что мы ѣдемъ чтобъ насъ похвалили.

Не знаю какъ отнесутся въ Вѣнѣ къ «Псаломщикамъ» Маковского. По моему, это уже не жанръ, а картина историческая. Я пошутилъ, конечно, но присмотритесь однако: больше ничего какъ пѣвчіе, въ нѣкоторомъ родѣ оффиціальнѣй хоръ, исполняющій за обѣдней концертъ. Все это господа въ оффиціальнѣхъ костюмахъ, съ гладко—гладко выбритыми подбородками. Вглядитесь, напримѣръ, въ этого господина съ бакенбардами; ясно, что онъ такъ сказать переряженъ въ этотъ совершенно негармонирующій съ нимъ костюмъ и носить его лишь по службѣ. Правда, и всѣ пѣвчіе надѣваютъ такіе костюмы лишь по службѣ и искони такъ велось, съ патріархальныхъ временъ, но тутъ эта переряженность какъ—то особенно въ глаза бросается. Вы такого благообразнаго чиновника привыкли видѣть лишь въ вицмундирѣ и въ департаментѣ; это скромный и солидный, прилично обстриженный человѣчекъ средняго круга. Онъ тянетъ что—то въ родѣ извѣстнаго «уязвленъ!» но и «уязвленъ» обращается, глядя на него, во что—то оффиціальное. Ничего даже нѣтъ смѣшнѣе какъ предположить, чтобъ этотъ вполнѣ благонамѣренный и успокоенный службою человѣкъ могъ быть «уязвленъ»! Не смотрѣть на нихъ, отвернуться и только слушать и выйдетъ что—нибудь прелестное; ну, а посмотрѣть на эти фигуры и вамъ кажется, что псаломъ поется только такъ... что тутъ что—то вовсе другое...

Я ужасно боюсь «направленія» если оно овладѣваетъ молодымъ художникомъ, особенно при началѣ его поприща; и какъ вы думаете чего именно тутъ боюсь: а вотъ именно того, что цѣль—то направленія не достигнется. Повѣритъ—ли одинъ милый критикъ, котораго я недавно читалъ, но котораго называть теперь не хочу, — повѣритъ—ли онъ, что всякое художественное произведеніе, безъ предвзятаго направленія, исполненное единственно изъ художнической потребности, и даже на сюжетъ совсѣмъ посторонній, совсѣмъ и не намекающій на чтонибудь

«направительное», — повѣритъ—ли этотъ критикъ, что такое произведе-
ніе окажется гораздо полезнѣе для *его же цѣлей*, чѣмъ напримѣръ всѣ
пѣсни о рубашкѣ (не Гуда, а нашихъ писателей), хотя бы съ виду и по-
ходило на то что называютъ «удовлетвореніемъ празднаго
любопытства»? Если даже люди ученые повидимому еще не догадались
объ этомъ, то чтó—же можетъ происходить иногда въ сердцахъ и въ
умахъ нашихъ молодыхъ писателей и художниковъ? Какая бурда по-
нятій и предвзятыхъ ощущеній? Въ угоду общественному давленію мо-
лодой поэтъ давитъ въ себѣ натуральную потребность излиться въ соб-
ственныхъ образахъ, боится что осудятъ за «праздное любопытство»; да-
вить, стираетъ образы, которые сами просятся изъ души его, оставляетъ
ихъ безъ развитія и вниманія и вытягиваетъ изъ себя, съ болѣзненными
судорогами, тему, удовлетворяющую общему, мундирному, либеральному
и соціальному мнѣнію. Какая однако ужасно простая и наивная ошибка,
какая грубая ошибка! Одна изъ самыхъ грубѣйшихъ ошибокъ состоитъ
въ томъ, что обличеніе порока (или то что либерализмомъ принято счи-
тать за порокъ) и возбужденіе къ ненависти и мести считается за
единственный и возможный путь къ достиженію цѣли! Впрочемъ даже и
на этомъ узкомъ пути можно было бы вывернуться сильному дарованію
и не заглохнуть въ началѣ поприща; стоило бы вспоминать лишь по-
чаще о золотомъ правилѣ, что высказанное слово — серебряное, а невы-
сказанное — золотое. Есть очень и очень значительные таланты, кото-
рые такъ много обѣщали, но которыхъ до того заѣло направленіе, что
рѣшительно одѣло ихъ въ какой—то мундиръ. Я читалъ двѣ послѣднія
поэмы Некрасова — рѣшительно этотъ почтенный поэтъ нашъ ходитъ
теперь въ мундиръ. А вѣдь даже и въ этихъ поэмахъ есть нѣсколько хо-
рошаго и намекаетъ на прежній талантъ г. Некрасова. Но чтó дѣлать:
мундирный сюжетъ, мундирность приѣма, мундирность мысли, слога, на-
туральности... да, мундирность даже самой натуральности. Знаетъ—ли
напримѣръ маститый поэтъ нашъ, что никакая женщина, даже преис-
полненная первѣйшими гражданскими чувствами, пріавшая, чтобы
свидѣться съ несчастнымъ мужемъ, столько трудовъ, проѣхавшая шесть
тысячъ верстъ въ телѣгѣ и «узнавшая прелесть телѣги», слетѣвшая,
какъ вы сами увѣряете, «съ высокой вершины Алтая» (что впрочемъ
совсѣмъ уже невозможно) — знаете—ли вы, поэтъ, что эта женщина ни
за что не поцалуетъ сначала цѣпей любимаго человѣка, а поцалуетъ не-
премѣнно сначала его самого, а потомъ уже его цѣпи, если ужъ такъ
сильно и внезапно пробудится въ ней великодушный порывъ гра-
жданскаго чувства, и такъ сдѣлаетъ всякая женщина рѣшительно. Ко-
нечно, замѣчаніе мое пустяшное, да и не стоило—бы приводить, потому

что и поэма—то такъ только написана, ну, напимѣрь, чтобы къ первому января отвязаться... Впрочемъ, г. Некрасовъ все—таки уже громкое литературное имя, почти законченное, и имѣетъ за собою много прекрасныхъ стиховъ. Это поэтъ страданія и почти заслужилъ это имя. Ну, а новенькихъ все—таки жаль: не у всякаго такой сильный талантъ чтобы не подчиниться мундирной мысли въ началѣ поприща, а стало—быть и уберечь себя отъ литературной чахотки и смерти. Что дѣлать: мундиръ—то вѣдь такъ красивъ, съ такимъ шитьемъ, блеститъ... Да и какъ выгоденъ! то есть теперь особенно выгоденъ.

Чуть только я прочелъ въ газетахъ о бурлакахъ г. Рѣпина, то тотчасъ же испугался. Даже самый сюжетъ ужасенъ: у насъ какъ—то принято, что бурлаки всего болѣе способны изображать извѣстную социальную мысль о неоплатномъ долгѣ высшихъ классовъ народу. Я такъ и приготовился ихъ всѣхъ встрѣтить въ мундирахъ, съ извѣстными ярлыками на лбу. И что же? Къ радости моей, весь страхъ мой оказался напраснымъ: бурлаки, настоящіе бурлаки и болѣе ничего. Ни одинъ изъ нихъ не кричитъ съ картины зрителю: «Посмотри какъ я несчастенъ и до какой степени ты задолжалъ народу!» И ужъ это одно можно поставить въ величайшую заслугу художнику. Славныя, знакомыя фигуры: два передовые бурлака почти смѣются, по крайней мѣрѣ вовсе не плачутъ и ужъ отнюдь не думаютъ о социальномъ своемъ положеніи. Солдаты хитритъ и фальшивитъ, хочетъ набить трубочку. Мальчишка серьезничаетъ, кричитъ, даже ссорится — удивительная фигура, почти лучшая въ картинѣ и равна по замыслу съ самымъ заднимъ бурлакомъ, понуреннымъ мужиченкой, плетущимся особо, котораго даже и лица не видно. Невозможно и представить себѣ, чтобы мысль о политико—экономическихъ и социальныхъ долгахъ высшихъ классовъ народу могла хоть когда—нибудь проникнуть въ эту бѣдную, понуренную голову этого забитаго вѣковѣчнымъ горемъ мужиченка... и — и знаете—ли вы, милый критикъ, что вотъ эта—то смиренная невинность мысли этого мужиченки и достигаетъ цѣли несравненно болѣе чѣмъ вы думаете — именно вашей направительной, либеральной цѣли! Вѣдь иной зритель уйдетъ съ нарывомъ въ сердцѣ и любовью (съ какою любовью!) къ этому мужиченкѣ, или къ этому мальчишкѣ, или къ этому плуту—подлецу солдатику! Вѣдь нельзя не полюбить ихъ, этихъ беззащитныхъ, нельзя уйти ихъ не любя. Нельзя не подумать, что долженъ, дѣйствительно долженъ народу... Вѣдь эта бурлацкая «партія» будетъ сниться потомъ во снѣ, черезъ пятнадцать лѣтъ вспомнится! А не были бы они такъ натуральны, невинны и просты — не производили бы такого впечатлѣнія и не составили—бы такой картины. Теперь вѣдь это почти картина! Да и отвратительны всѣ

мундирные воротники, какъ ни расшивай ихъ золотомъ! Впрочемъ что тутъ разглагольствовать; да и картину рассказывать нечего; картины слишкомъ трудно передавать словами. Просто скажу: фигуры Гоголевскія. Слово это большое, но я и не говорю, что г. Рѣпинъ — есть Гоголь въ своемъ родѣ искусства. Нашъ жанръ еще до Гоголя и до Диккенса не доросъ.

Нѣкоторую утрировку можно замѣтить въпрочемъ и у г. Рѣпина: это именно въ костюмахъ, и то только въ двухъ фигурахъ. Такія лохмотья даже и быть не могутъ. Эта рубашка, напримѣръ, нечаянно попала въ корыто, въ которой рубили сѣчкой котлеты. Безъ сомнѣнія бурлаки костюмами не блистаютъ. Всѣмъ извѣстно откуда этотъ народъ: дома въ концѣ зимы, какъ не разъ извѣщали по крайней мѣрѣ, — корой питаются и идутъ по веснѣ къ хозяину тянуть барку, по крайней мѣрѣ иные — изъ за одной только каши, почти безъ всякаго уговора. Примѣры бывали что съ первыхъ дней такъ и умереть у каши бурлакъ, навалившись на нее съ голодухи, задушится, «лопнетъ.» Лѣкаря взрѣзывали, говорятъ, этихъ людей и находили одну только кашу до самага горла. Вотъ это какіе иногда субъекты. Но все же невысказанное слово — золотое, тѣмъ болѣе что такую рубашку и надѣть нельзя если разъ только снять: не влѣзетъ. Впрочемъ, въ сравненіи съ достоинствомъ и независимостью замысла картины, эта крошечная утрировка костюмовъ ничтожна.

Жаль что я ничего не знаю о г. Рѣпинѣ. Любопытно узнать молодой это человѣкъ или нѣтъ? Какъ бы я желалъ чтобъ это былъ очень еще молодой и только что еще начинающій художникъ. Нѣсколько строкъ выше я поспѣшилъ оговориться, что все-таки это не Гоголь. Да, г. Рѣпинъ, до Гоголя еще ужасно какъ высоко; не возгордитесь заслуженнымъ успѣхомъ. Нашъ жанръ на хорошей дорогѣ и таланты есть, но чего то недостаетъ ему чтобы раздвинуться или расшириться. Вѣдь и Диккенсъ — жанръ, не болѣе; но Диккенсъ создалъ «Пиквика», «Оливера Твиста» и «Дѣдушку и внучку» въ романѣ «Лавка древностей»; нѣтъ, нашему жанру до этого далеко; онъ еще стоитъ на «Охотникахъ и Соловьяхъ». «Соловьевъ и Охотниковъ» у Диккенса множество на второстепенныхъ мѣстахъ. Я даже думаю, что нашему жанру, въ настоящую минуту нашего искусства, сколько могу судить по нѣкоторымъ признакамъ, «Пиквикъ» и «Внучка» покажутся даже чѣмъ то идеальнымъ, а сколько я замѣтилъ по разговорамъ съ иными изъ нашихъ крупнѣйшихъ художниковъ — идеальнаго они боятся въ родѣ нечистой силы. Боязнь благородная, безъ сомнѣнія, но предразсудочная и несправедливая. Надо побольше смѣлости нашимъ художникамъ, побольше самостоятельности мысли и можетъ быть побольше образованія. Вотъ почему, я думаю,

страдаетъ и нашъ историческій родъ, который какъ то затихъ. Повидимому, современные наши художники даже боятся историческаго рода живописи и ударились въ жанръ какъ въ единый истинный и законный исходъ всякаго дарованія. Мнѣ кажется, что художникъ какъ будто предчувствуетъ, что (по понятіямъ его) придется ему непременно «идеальничать» въ историческомъ родѣ, а стало быть лгать. «Надо изображать дѣйствительность какъ она есть», говорятъ они, тогда какъ такой дѣйствительности совсѣмъ нѣтъ, да и никогда на землѣ не бывало, потому что сущность вещей человѣку недоступна, а воспринимаетъ онъ природу такъ, какъ отражается она въ его идеѣ, пройдя черезъ его чувства; стало быть надо дать поболѣе ходу идеѣ и не бояться идеальнаго. Портретистъ усаживаетъ, на примѣръ, субъекта, чтобы снять съ него портретъ, готовится, вглядывается. Почему онъ это дѣлаетъ? А потому что онъ знаетъ на практикѣ, что человѣкъ не всегда на себя похожъ, а потому и отыскиваетъ «главную идею его фізіономіи», тотъ моментъ когда субъектъ наиболѣе на себя похожъ. Въ умѣннѣи пріискать и захватить этотъ моментъ и состоитъ даръ портретиста. А стало быть что же дѣлаетъ тутъ художникъ какъ не довѣряется скорѣе своей идеѣ (идеалу) чѣмъ предстоящей дѣйствительности? Идеаль вѣдь тоже дѣйствительность, такая же законная, какъ и текущая дѣйствительность. У насъ какъ будто многіе не знаютъ того. Вотъ на примѣръ «Гимнъ Пифагорейцевъ» Бронникова: иной художникъ — жанристъ (и даже изъ самыхъ талантливыхъ) удивится даже какъ возможно современному художнику хвататься за такія темы. А между тѣмъ такія темы (почти фантастическія) также дѣйствительны и также необходимы искусству и человѣку какъ и текущая дѣйствительность.

Что такое въ сущности жанръ? Жанръ есть искусство изображенія современной, текущей дѣйствительности, которую перечувствовалъ художникъ самъ лично и видѣлъ собственными глазами, въ противоположность исторической на примѣръ дѣйствительности, которую нельзя видѣть собственными глазами и которая изображается не въ текущемъ, а уже въ законченномъ видѣ. («Сдѣлаю *Nota bene*: мы говоримъ: видѣлъ собственными глазами»). Вѣдь Диккенсъ никогда не видѣлъ Пиквика собственными глазами, а замѣтилъ его только въ многообразіи наблюдаемой имъ дѣйствительности, создалъ лицо и представилъ его какъ результатъ своихъ наблюденій. Такимъ образомъ это лицо также точно реально какъ и дѣйствительно существующее, хотя Диккенсъ и взялъ только идеаль дѣйствительности). Между тѣмъ у насъ именно происходитъ смѣшеніе понятій о дѣйствительности. Историческая дѣйствительность, на примѣръ въ искусствѣ, конечно не та что текущая (жанръ) —

именно тѣмъ что она законченная, а не текущая. Спросите какого угодно психолога и онъ объяснитъ вамъ, что если воображать прошедшее событие и особливо давно прошедшее, заверщенное, историческое (а жить и не воображать о прошломъ нельзя), то событие *непрелѣнно* представится въ законченномъ его видѣ, то есть съ прибавкою всего послѣдующаго его развитія, еще и не происходившаго въ тотъ именно историческій моментъ, въ которомъ художникъ старается вообразить лицо или событие. А потому сущность историческаго событія и не можетъ быть представлена у художника точь въ точь такъ какъ оно можетъ быть совершалось въ дѣйствительности. Такимъ образомъ художника объемлетъ какъ-бы суевѣрный страхъ того, что ему можетъ быть по неволѣ придется «идеальничать», что по его понятіямъ значитъ лгать. Чтобъ избѣгнуть мнимой ошибки онъ придумываетъ (случаи бывали) смѣшать обѣ дѣйствительности — историческую и текущую; отъ этой неестественной смѣси происходитъ ложь пуще всякой. По моему взгляду, эта пагубная ошибка замѣчается въ нѣкоторыхъ картинахъ г. Ге. Изъ своей «Тайной вечери» напримѣръ, надѣлавшей когда-то столько шуму, онъ сдѣлалъ совершенный жанръ. Всмотритесь внимательнѣе: это обыкновенная ссора весьма обыкновенныхъ людей. Вотъ сидитъ Христосъ, — но развѣ это Христосъ? Это можетъ быть и очень добрый молодой человекъ, очень огорченный ссорой съ Иудой, который тутъ же стоитъ и одѣвается чтобы идти доносить, но не тотъ Христосъ, котораго мы знаемъ. Къ Учителю бросились его друзья утѣшать его; но спрашивается: гдѣ же и причемъ тутъ послѣдовавшія восемнадцать вѣковъ христіанства? Какъ можно чтобъ изъ этой обыкновенной ссоры такихъ обыкновенныхъ людей, какъ у г. Ге, собравшихся поужинать, произошло нѣчто столь колоссальное?

Тутъ совсѣмъ ничего не объяснено, тутъ нѣтъ исторической правды; тутъ даже и правды жанра нѣтъ, тутъ все фальшивое.

Съ какой бы вы ни захотѣли судить точки зрѣнія, событие это не могло такъ произойти: тутъ же все происходитъ совсѣмъ несоразмѣрно и непропорціонально будущему. Тиціанъ по крайней мѣрѣ придалъ-бы этому Учителю хоть то лицо, съ которымъ изобразилъ Его въ извѣстной картинѣ своей «Кесарево Кесареви»; тогда многое бы стало тотчасъ понятно. Въ картинѣ же г. Ге просто перессорились какіе-то добрые люди; вышла фальшь и предвзятая идея, а всякая фальшь есть ложь и уже во все не реализмъ. Г-нъ Ге гнался за реализмомъ.

Однако я и забылъ о выставкѣ. Впрочемъ... Какой же я репортеръ; я хотѣлъ лишь сдѣлать нѣсколько отмѣтокъ «по поводу». Тѣмъ не менѣе, редакція обѣщаетъ помѣстить подробный отчетъ о картинахъ нашихъ художниковъ, отправляющихся на вѣнскую выставку; или можетъ быть, еще лучше, постарается упомянуть о нихъ уже съ выставки, уже съ отчетомъ о впечатлѣніи, которое они произведутъ, въ свою очередь, на собравшихся иностранцевъ.

Х. Ряженный.

Кто тебя!

Въ «Русскомъ Мірѣ» (№ 103) появилась на меня ругательная замѣтка. Ни на одну ругательную статью я не отвѣчаю; на эту отвѣчу — по нѣкоторымъ соображеніямъ, а по какимъ — выяснится впродолженіе отвѣта.

И, во первыхъ, дѣло въ томъ что ругатель мой духовное лицо, — съ этой стороны менѣе всего ждалъ нападенія. «Замѣтка» подписана: «Свящ. П. Касторскій». Чтò такое: «Свящ.»? Священникъ? Чтò можетъ означать это сокращеніе кромѣ «священникъ»? Тѣмъ болѣе что и рѣчь о церковномъ предметѣ. Въ 15–16 № «Гражданина» напечатана была повѣсть г. Недолина: «Дьячокъ». Ну, вотъ объ ней то и дѣло.

Вотъ эта «замѣтка».

«Холостыя понятія о женатомъ монахѣ».

Священнослужители и церковники весьма нерѣдко въ наше время бываютъ избираемы нашими повѣствователями и романистами въ герои своихъ повѣствованій; еще чаще они появляются тамъ въ качествѣ вводныхъ, такъ—сказать аксесуарныхъ лицъ. Это и прекрасно, что ихъ описываютъ: въ духовномъ быту очень много типич-

ческихъ лицъ и почему ихъ не изображать съ ихъ добрыми и худыми сторонами? Недавній успѣхъ «*Записокъ причетника*» въ «Отечественныхъ Запискахъ» и потомъ еще большій успѣхъ «*Соборянъ*» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» показываютъ, какъ много интереса могутъ возбуждать въ обществѣ художественныя изображенія бытовой среды нашего клира. Оба названныя произведенія представляли нашихъ клировыхъ людей съ разныхъ точекъ зрѣнія и оба они прочитаны со вниманіемъ и съ удовольствіемъ. А почему? — потому что они написаны хорошо, художественно и съ знаніемъ дѣла. Но совсѣмъ не то выходитъ, когда по подражательности или по чемунибудь другому — напимѣрь, по самонадѣянности или по легкомыслію — за это дѣло берутся люди, которые не имѣютъ о немъ никакого понятія. Они только конфузятъ себя и вредятъ дѣлу, устанавливая на него ложныя взгляды, а потому проходить такія вредныя покушенія — карикатурить бытъ нашего духовенства — невозможно, и я вслѣдъ за *псаломщикомъ*, недавно замѣтившимъ въ «Русскомъ Мірѣ» невѣжество писателя Достоевскаго насчетъ пѣвчихъ, не могу промолчать о еще болѣе грубомъ, смѣшномъ и непростительномъ невѣжествѣ, обличенномъ опять въ томъ же журналѣ «Гражданинъ», подъ которымъ подписывается редакторомъ тотъ же г. Достоевскій.

Остановимся пока тутъ. Чтò значить «вслѣдъ за *псаломщикомъ*, обличившимъ въ «Русскомъ Мірѣ» невѣжество писателя Достоевскаго?» Не читаль. (И опять «Русскій Міръ»!) Отыскиваю (№ 87), дѣйствительно есть обличеніе, подписано «Псаломщикъ». Посмотримъ, чтò такое:

О пѣвческой ливреѣ.
(Письмо въ редакцію).

Въ 13 № журнала «Гражданинъ» (26 марта) мнѣ случилось прочесть статью г. О. Достоевскаго по поводу академической художественной выставки. Г. Достоевскій, трактуя въ этой статьѣ о псаломщикахъ, изображенныхъ художникомъ Маковскимъ, написалъ такія строки: «Все это господа въ *официальныхъ костюмахъ* съ гладко—гладко выбритыми подбородками. Правда и *всѣ пѣвчіе надѣваютъ такіе костюмы* лишь по службѣ и *искони надѣваютъ такіе костюмы и искони такъ велось съ патріархальныхъ временъ*»...

Прервемъ на минуту: во первыхъ, такой глупой фразы у меня совсѣмъ нѣтъ. У меня написано: «Правда, и *всѣ пѣвчіе надѣваютъ такіе костюмы* лишь по службѣ и *искони такъ велось, съ патріархальныхъ временъ*»... — а это совсѣмъ другое.

Продолжаемъ выписку:

«Это неосновательно: ни *искони* ни съ *патріархальныхъ* временъ клировые пѣвцы въ русской церкви никогда не надѣвали на себя такихъ костюмовъ, въ какихъ мы видимъ ихъ нынѣ и въ какихъ псаломщики изображены въ картинѣ г. Маковскаго. Эта ливрея есть позднѣйшее позаимствование, взятое съ Запада или, точнѣе сказать, изъ Польши и въ числѣ достопочтенныхъ іерарховъ нашей церкви было и есть не мало такихъ, которые находятъ этотъ ливрейный маскарадъ неумѣстнымъ и пѣвцы состоящихъ при нихъ хоровъ поютъ въ обыкновенныхъ черныхъ сюртукахъ, что конечно гораздо скромнѣе и пристойнѣе польскаго контуша. «Искони» же во времена «патріархальныхъ» пѣвцы пѣли стоя въ длинныхъ черныхъ азямахъ и непремѣнно съ лѣстовками въ рукѣ; также точно стоятъ пѣвцы и нынѣ въ церквахъ единовѣрцевъ и моленныхъ раскольниковъ».

НВ. Выходить пожалуй, что у насъ, въ теперешнихъ православныхъ храмахъ, пѣвчіе поютъ сидя. Свѣдущаго человѣка всегда полезно выслушать.

«Опасаясь (есть чего!) дабы черезъ невѣдующее слово г. Достоевскаго не укрѣплялось неосновательное мнѣніе насчетъ этихъ ливрей (землетрясеніе будетъ отъ этого что—ли?) которыя давно бы пора перекроить на русскій ладъ, я имѣю честь просить редакцію «Русскаго Міра» дать мѣсто этимъ краткимъ строкамъ моимъ.

Псаломщикъ».

Вотъ эта замѣтка псаломщика, на которую ссылается свящ. Касторскій. Прежде чѣмъ будемъ продолжать Касторскаго кончимъ съ «псаломщикомъ.»

Чего вы разсердились, г. псаломщикъ? Вы указываете ошибку и учитесь, а между тѣмъ ошибаетесь сами. Вы говорите: «Это неосновательно: ни *искони*, ни съ *патріархальныхъ* временъ клировые пѣвцы въ русской церкви никогда не надѣвали на себя такихъ костюмовъ»... Какъ такъ? Почему «это неосновательно»? Почему нельзя сказать: *искони* и съ *патріархальныхъ* временъ? Что же они вчера что—ли такъ одѣлись? Вѣдь — по крайней мѣрѣ при пра—пра—прадѣдахъ? Съ насупившимся видомъ глубокаго историка вы являетесь насъ поправлять, а между тѣмъ сами ничего не говорите точнаго. Ждешь что глубокой историкъ съ точностію опредѣлитъ время, годъ, а пожалуй и день, когда клиръ въ первый разъ одѣлся въ эти костюмы, а вы послѣ всего, что натрубили, довольствуетесь вялой догадкой: «Это—де у насъ съ польскаго», — и только! А звону—то, звону—то!

Вы только отвѣтите, г. псаломщикъ, какъ по вашему: польское вліяніе, отразившееся одновременно у насъ на очень многомъ и даже

вотъ на клирѣ — давно оно было, по вашему, или всего только третьяго дня? Такъ почему же, ради всего сколько нибудь толковаго, нельзя выразиться что *искони* такъ велось, съ *патріархальныхъ* временъ? Не только съ патріархальныхъ, но почти съ *патріаршими* временами это соприкасается.

Эти костюмы (или подобные имъ) появились съ Петра Великаго, стало быть почти соприкасались со временами патріаршими, немногаго не достало. Развѣ это недавно? Нельзя что-ли сказать *искони*? или съ «патріархальныхъ временъ»? Если же я, въ статьѣ моей, и самъ не опредѣлилъ съ историческою точностію: съ какого именно времени наши пѣвчіе въ эти костюмы одѣваются, то потому что и намѣренія сего не питалъ, и цѣли такой не имѣлъ, а единственно хотѣлъ выразить, что заведено это очень давно, — такъ давно что всегда можно выразиться «*искони*,» и это всякій пойметъ, кто прочтетъ статью мою. Не про Димитрія Донскаго время я говорилъ и не про Ярославово. Я хотѣлъ сказать что «очень давно» и ничего больше.

Но довольно съ ученымъ псаломщикомъ. Выскочилъ, намахалъ руками, и — ничего не вышло. По крайней мѣрѣ этотъ выразился вѣжливо: «Опасаясь, дескать, дабы черезъ *невѣдующее* слово г. Достоевскаго» и т. д. Но свящ. Касторскій разомъ перескакиваетъ предѣлы, поставленные «псаломщикомъ». Рѣзвый человѣкъ!.. «Невѣжество писателя Достоевскаго насчетъ пѣвчихъ».... «Не могу промолчать о еще болѣе грубомъ, смѣшномъ и непростительномъ невѣжествѣ, обличенномъ опять въ томъ же журналѣ «Гражданинъ», подъ которымъ подписывается редакторомъ тотъ же г. Достоевскій.»

Подумаешь что за страшныя преступленія натворилъ этотъ Достоевскій: *простить* даже невозможно! Духовное лицо, которое, казалось, должно бы быть сама любовь, и то простить не въ состояніи!.. Но однако какое же это «невѣжество»? Въ чемъ дѣло? Нечего дѣлать, выпишемъ всего Касторскаго, угостимъ читателей. Зачѣмъ «хорошаго по немножку»? Чѣмъ больше его тѣмъ лучше, — вотъ моя мысль.

Въ 15—16 № журнала «Гражданинъ», вышедшемъ 16 сего апрѣля, напечатанъ «*Дьячокъ, Разказъ въ пріятельскомъ кругу г. Недолина*». Разказъ этотъ имѣетъ самое ложное и невозможное основаніе: въ немъ представленъ голосистый дьячокъ, котораго *бьетъ* его жена, и *бьетъ* его такъ усердно и жестоко, что онъ отъ ея побоевъ сбѣгаетъ въ монастырь, гдѣ и «обрекъ себя Господу и не долженъ больше ни о чемъ земномъ думать». Онъ остается въ монастырской оградѣ, а долго бывшая его жена его дьячиха стоитъ за оградю; онъ тамъ звонко распѣваетъ переложеніе псалма:

И святъ, о Боже, твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчить,
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ.

А покинутая жена опять «стоитъ у монастырской ограды и, приложивъ свою пылавшую голову къ монастырской стѣнѣ, плачетъ» и проситъ выманить къ ней опредѣлившагося въ монастырь мужа, съ тѣмъ что она «будетъ ему рабой и собакой». Но мужъ не вышелъ и такъ и умеръ въ монастырѣ.

Какая жалкая, невозможная и смѣшная небылица! Кто этотъ г. Недолинъ, мы не знаемъ; но всеконечно это человѣкъ совсѣмъ не знающій ни русскаго законодательства, ни русской жизни, — не знающій ихъ дотога, что онъ полагаетъ, будто въ Россіи можно женатому человѣку опредѣлиться въ монастырь и будто его тамъ станутъ держать; но какъ же не знать этого редактору г. Достоевскому, который недавно такъ пространно заявлялъ, что онъ большой христіанинъ и притомъ православный и православно вѣрующій въ самыя мудренныя чудеса? Развѣ, можетъ быть, онъ и это принятіе въ монастырь женатаго человѣка причисляетъ къ чудесамъ, — тогда это другое дѣло; но всякій мало-мальски знающій законы и уставы своей церкви можетъ легко убѣдить г. Достоевскаго, что даже такое чудо у насъ невозможно, потому что оно строго запрещено и преслѣдуется нашими положительными законами, которыхъ никакое монастырское начальство преступить не можетъ, и человѣка, имѣющаго живую жену, въ монастырь не приметъ.

Крайне бѣдная и неискусно скомпанованная фабула разсказа «Дьячокъ», конечно, все-таки могла бы кое-что выиграть, еслибы ей была дана вѣроподобная развязка, а таковая вполне возможна была для писателя или для редактора, хотя немножечко знакомаго съ бытомъ изображаемой среды. Разсказъ, на примѣръ, могъ быть доведенъ до того весьма знакомаго драматическаго положенія, что дьячокъ, чтобы скрыться отъ сварливой жены, бѣжитъ въ монастыри, но изъ однихъ его выгоняетъ начальство, потому что онъ женатъ, а изъ другихъ сама жена его вытребовываетъ и, пожалуй, опять его бьетъ... Тогда, не видя нигдѣ въ отечествѣ спасенія отъ жены и, въ то же время, стремясь къ монастырской жизни, злополучный дьячокъ могъ бы, на примѣръ, бѣжать на Аѳонъ, гдѣ подъ мусульманскимъ управленіемъ турецкаго султана православная церковь дѣйствуетъ во многомъ самостоятельнѣе, чѣмъ въ Россіи. Тамъ, какъ извѣстно, въ монастыряхъ иногда не боятся принимать и женатыхъ людей, ищущихъ иночества, и тамъ-то немилосердно побиваемый женою русскій дьячокъ могъ бы пріютиться и молиться, и пѣть, но, во всякомъ случаѣ, только пѣть отнюдь не то стихотворное переложеніе, которое поетъ дьячокъ «Гражданина», потому что, *во первыхъ*, какъ основательно извѣстно, это переложеніе у лицъ духовнаго званія вниманіемъ не пользуется; *во вторыхъ*, оно на голосъ не по-

ложено и не поется, а *въ третьихъ* — никакихъ свѣтскихъ стихотворныхъ переложений въ стѣнахъ православныхъ монастырей распѣвать не дозволяется и запрещеніемъ этимъ никто, живущій въ монастырѣ, манкировать не смѣетъ, дабы не нарушать тишины, подобающей мѣсту.

Свящ. П. Касторскій.

Теперь отвѣтимъ по пунктамъ и, во первыхъ, успокоимъ взволнованнаго священника Касторскаго въ самомъ главномъ пунктѣ, объяснивъ ему что повѣсть «*Дьячокъ*» вовсе не бытовая. Почтенному автору ея г. Недолину (не псевдонимъ), часть своей жизни проведенную на самой дѣятельной государственной службѣ, никакого дѣла не было, въ настоящемъ случаѣ, до церковнаго быта. Его герой, «*дьячокъ*», могъ безо всякой потери для себя и для рассказа быть какимъ нибудь, на примѣръ, почтамтскимъ чиновникомъ, и если остался въ рассказѣ дьячкомъ, то единственно потому что происшествіе это истинное. Поэма эта — исключительная, почти фантастическая. Знаете ли вы, священникъ Касторскій, что истинныя происшествія, описанныя со всею исключительностію ихъ случайности, — почти всегда носятъ на себѣ характеръ фантастическій, почти невѣроятный? Задача искусства — не случайности быта, а общая ихъ идея, зорко угаданная и вѣрно снятая со всего многообразія однородныхъ жизненныхъ явленій. Въ рассказѣ г. Недолина обобщено совсѣмъ другое явленіе человѣческаго духа. Если бы, напротивъ, онъ имѣлъ претензію на бытовое изображеніе, то съ этой точки зрѣнія, и съ однимъ своимъ анекдотомъ, непременно бы попалъ въ исключительность. Недавно, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ одномъ изъ нашихъ знатнѣйшихъ монастырей, случилось, говорятъ, что одинъ глупый и злой монахъ убилъ въ школѣ десятилѣтняго мальчика жестокими побоями, да еще при свидѣтеляхъ. Ну, не фантастическое—ли это приключеніе на первый взглядъ? А между тѣмъ оно, кажется, вполне истинное. Ну, опиши его кто нибудь — мигомъ закричатъ, что это невѣроятно, исключительно, изображено съ намѣреніемъ предумышленнымъ — и будутъ правы, если судить съ точки зрѣнія одной бытовой вѣрности изображенія нашихъ монастырей. Вѣрности не было бы и съ однимъ такимъ анекдотомъ; и понынѣ найдется въ монастыряхъ нашихъ ангельское житіе, во славу Божию и церкви, и приключеніе съ злымъ монахомъ останется навсегда исключительнымъ. Но для повѣствователя, для поэта, могутъ быть и другія задачи, кромѣ бытовой стороны; есть общія, вѣчныя и кажется во вѣки неизслѣдимыя глубины духа и характера человѣческаго. А ужъ вамъ такъ и кажется, что ужъ если написано «*дьячокъ*», такъ ужъ непременно

спеціальное описаніе быта; а ужъ коли описаніе быта, такъ ужъ не-премѣнно отмежеванные и патентованные писатели для изображенія его, и не смѣй, дескать, соваться на нашу ниву; это нашъ уголь, наша эксплуатація, наша доходная статья. Не правда—ли, вѣдь это васъ взволновало, священникъ Касторскій? Помилуйте, можно написать перомъ слово «дьячокъ» совсѣмъ безъ намѣренія отбивать что—нибудь у г. Лѣскова. И потому успокойтесь.

Успокоивъ васъ, попрошу васъ обратить вниманіе на заглавіе вашей полемической статьи:

«Холостыя понятія о женатомъ монахѣ».

И мимоходомъ спрошу: къ чему тутъ «холостыя?» На сколько измѣнятся понятія если они будутъ женатыя? И развѣ есть холостыя понятія и женатыя понятія? Ну, да вы не литераторъ и все это вздоръ; вы — взволнованный священникъ Касторскій и съ васъ слогу нечего спрашивать, особенно въ такомъ состояніи. Главное дѣло вотъ въ чемъ: кто вамъ сказалъ что нашъ дьячокъ поступилъ въ монахи? Гдѣ, во всей повѣсти г. Недолина, нашли вы, что онъ постригся? Между тѣмъ это очень важно; озаглавивъ такимъ образомъ, вы читателя, незнакомаго съ повѣстью г. Недолина, прямо вводите въ недоумѣніе: «Да, дѣйствительно, подумаетъ онъ, женатый дьячокъ не могъ поступить въ монахи! Какъ же этого не знаетъ «Гражданинъ»? Такимъ образомъ, отведя словомъ «монахъ» глаза читателю, вы уже побѣдоносно восклицаете въ срединѣ вашей статьи:

«Какая жалкая, невозможная и смѣшная небылица!.... Какъ же не знать этого редактору г. Достоевскому, который» и т. д. ....

А между тѣмъ вы просто за просто подтасовали дѣло и я преспокойно ловлю васъ на плутнѣ. Но вы немножко ошиблись, батюшка, и рассчитали безъ хозяина. Женатаго въ монахи не *постригутъ*, это такъ; но почему «никакое монастырское начальство имѣющаго живую жену въ монастырь не приметъ,» какъ утверждаете вы съ азартомъ? Это откуда-ва почерпнули вы такое извѣстіе? Ктонибудь, напимѣръ, имѣлъ бы намѣреніе поселиться въ монастырѣ (гдѣ есть напимѣръ удобное помѣщеніе), но онъ женатъ, жена его гдѣнибудь въ столицѣ, или за границей и вотъ, потому только что онъ женатъ, его гонятъ вонъ изъ монастыря? Такъ ли это? Не знаете дѣла, батюшка, а еще духовное лицо. Я вамъ даже смогъ бы указать на нѣкоторыя, извѣстныя всему петербургскому обществу лица, памятныя въ обществѣ до сихъ поръ и которыя кончили тѣмъ, что поселились жить подъ конецъ жизни въ монастыряхъ

и вотъ уже живутъ тамъ очень долго, а между тѣмъ женаты и жены ихъ живы до сихъ поръ. Все произошло съ обоюднаго согласія. Такъ точно *поселился жить* въ монастырѣ и дьячекъ г. Недолина. Уничтожьте только подтасовку постриженія въ монахи, съ умысломъ вами придуманную, и чего совсѣмъ нѣтъ во всей повѣсти г. Недолина, и вамъ тотчасъ же все объяснится. Тутъ даже лучше чѣмъ съ «обоюднаго согласія» произошло; тутъ прямо произошло съ соизволенія начальства. Я васъ, батюшка, имѣю средства на этотъ счетъ въ высшей степени успокоить. Предположите что я навелъ справки и вотъ какія получилъ свѣдѣнія:

Во-первыхъ, артистъ-дьячокъ, еще за полгода до *поступленія* въ монастырь, когда, при прощаніи съ помѣщикомъ, открылся ему въ первый разъ что намѣренъ уйти *жить* въ монастырь, уже и тогда зналъ что говорилъ. Именно потому, что уже сообщилъ о намѣреніи своемъ отцу Іоанну, игумену монастыря, который его очень любилъ, то-есть болѣе любилъ его пѣніе, потому что былъ чрезвычайный любитель музыки и Софрону изо всѣхъ силъ покровительствовалъ; даже самъ, кажется, и переманивалъ его *жить* въ монастырѣ. Дьячокъ поколебался на предложеніе помѣщика ѣхать за границу и вотъ почему прождалъ еще съ полгода; но когда кончилось его терпѣніе, ушелъ въ монастырь. Устроить же это было очень легко: отецъ Іоаннъ состоялъ въ тѣснѣйшей дружбѣ съ епархіальнымъ начальникомъ, а когда два такія лица согласились, то и предлоговъ не надо. Но навѣрно былъ отысканъ и предлогъ, по которому дьячокъ былъ такъ сказать «откомандированъ» въ монастырь. Обѣтъ же, данный дьячкомъ, «посвятить себя Господу» (на что вы такъ особенно сердитесь), былъ совершенно свободный, внутренній, не официальный, дѣло его совѣсти, данъ самому себѣ. Мало того, въ рассказѣ г. Недолина есть совершенно ясное указаніе на то, что дьячокъ только *проживалъ* въ монастырѣ, а отнюдь не былъ постриженъ въ монахи, какъ вы съ такою безцеремонностію присочинили, батюшка. Именно: вороватый помѣщикъ все еще уговариваетъ Софрона выйти изъ монастыря и отправиться за границу, и дьячокъ въ первый день переговоровъ даже колеблется. Ну могло ли бы это быть, еслибъ Софронъ былъ уже постриженъ? Не маскируйте, наконецъ, и того, что вѣдь это былъ артистъ неслыханный, по крайней мѣрѣ одаренный неслыханно, и такимъ онъ заявляется въ повѣсти съ самаго начала. А если такъ, то понятно и такое пристрастіе къ нему отца Іоанна, страстнаго любителя музыки....

«Но вѣдь это не объяснено въ повѣсти!» воскликнете вы въ чрезвычайномъ гнѣвѣ. Нѣтъ, отчасти объяснено; очень о многомъ можно догадаться изъ рассказа, хотя онъ быстръ и кратокъ. Но, положимъ, и не все

объяснено, — зачѣмъ объяснять? Было бы только вѣроятно; а уничтожьте подтасовку постриженія въ монахи и все станетъ вѣроятно. Да, разсказъ г. Недолина нѣсколько сжатъ, но знаете, батюшка, вы вотъ человѣкъ не литературный, что и доказали, а между тѣмъ я вамъ прямо скажу, что ужасно много современныхъ повѣстей и романовъ выиграла бы, еслибъ ихъ сократить. Ну что толку, что авторъ тянетъ васъ въ продолженіи тридцати листовъ и вдругъ, на тридцатомъ листѣ, ни съ того, ни съ сего, бросаетъ свой разсказъ въ Петербургъ или въ Москвѣ, а самъ тащитъ васъ куда-нибудь въ Молдо-Валахію, единственно съ тою цѣлью, чтобъ разсказать вамъ о томъ, какъ стая воронъ и совъ слетѣла съ какой-то молдо-валахской крыши, и разсказавъ, вдругъ опять бросаетъ и воронъ и Молдо-Валахію, какъ будто ихъ не бывало вовсе, и уже ни разу болѣе не возвращается къ нимъ въ остальномъ разсказѣ; такъ что читатель остается, наконецъ, въ совершенномъ недоумѣніи. Изъ за денегъ пишутъ, чтобы только больше страницъ написать! Г. Недолинъ написалъ иначе, и хорошо можетъ быть сдѣлалъ.

«Но жена, жена!» восклицаете вы, вращая глазами, «какъ же жена позволила и не жаловалась, какъ «не вытребовала» она его закономъ, силой!» А вотъ тутъ то вы, и именно на женскомъ то этомъ пунктѣ, всего больше и спасовали, батюшка. Вы вѣдь до того разыгрались въ вашей статьѣ, что даже сами принялись сочинять романъ, а именно какъ жена своего дьячка наконецъ воротила и опять начала колотить, какъ онъ «сбѣжалъ» въ другой монастырь, какъ изъ другаго воротила, какъ онъ сбѣжалъ наконецъ на Аѳонъ и тамъ уже успокоился подъ «*мусульманскимъ*» управленіемъ султана (представьте, а вѣдь я до сихъ поръ думалъ что султанъ христіанинъ!).

Шутки въ сторону; знайте, батюшка, что хоть вамъ бы и слѣдовало, уже по одному сану вашему, немножко знать сердце человѣческое, но вы его вовсе не знаете. Вы хоть и плохой сочинитель, но можетъ быть, еслибы взяли за перо, дѣйствительно описали бы бытовую сторону духовенства вѣрнѣе г. Недолина; но въ сердцѣ человѣческомъ г. Недолинъ знаетъ болѣе вашего. Женщина, которая цѣлые дни выстаиваетъ у монастырской стѣны и плачетъ, — не пойдетъ подавать просьбы и не станетъ уже дѣйствовать силой. Довольно силы! У васъ вотъ все битье да битье; въ порывѣ авторскаго увлеченія, вы продолжаете романъ и опять у васъ битье. Нѣтъ ужъ, довольно битья! Помните, батюшка, у Гоголя въ «Женитьбѣ», въ послѣдней сценѣ, послѣ того какъ Подколесинъ выпрыгнулъ въ окошко, Кочкаревъ кричитъ: «воротить его, воротить!» воображая что выпрыгнувшій въ окошко женихъ все еще пригоденъ для сватъбы. Ну вотъ точно также разсуждаете и вы. Кочкарева останавли-

вааетъ сваха словами: «Эхъ, дѣла ты свадебнаго не знаешь; добро бы въ дверь вышелъ; а ужъ коли въ окно махнулъ, такъ ужъ тутъ мое почтеніе». Облагородьте случай съ Подколесинымъ и онъ, какъ разъ, придется къ положенію бѣдной, оставленной мужемъ дьячихи. Нѣтъ, батюшка, битье кончилось! Эта женщина, — этотъ исключительный характеръ, страстное и сильное существо, гораздо высшее, между прочимъ, по душевнымъ силамъ чѣмъ артистъ ея мужъ, — эта женщина, подъ вліяніемъ среды, привычекъ, необразованности, могла дѣйствительно начать битьемъ. Толковому, понимающему человѣку тутъ именно реализмъ событія понравится и г. Недолинъ мастерски поступилъ, что не смягчилъ дѣйствительности. Слишкомъ сильныя духомъ и характеромъ женщины, особенно если страстны, иначе и не могутъ любить какъ депотически и имѣютъ даже особенную наклонность къ такимъ слабымъ, ребяческимъ характерамъ какъ у артиста-дьячка. И за что она такъ полюбила его? развѣ она знаетъ это! Онъ плачетъ, она не можетъ не презирать его слезъ, но плотоядно, сама мучаясь, наслаждается его слезами. Она ревнива: «не смѣй пѣть при господахъ!» Она бы кажется проглотила его живьемъ, изъ любви. Но вотъ онъ бѣжалъ отъ нея и — никогда бы она тому не повѣрила! Она горда и самонадѣянна, она знаетъ что красавица и — странная психологическая задача, — повѣрите-ли, вѣдь она все время была убѣждена, что онъ точно также ее безъ памяти любитъ, какъ и она его, безъ нея жить не можетъ, не смотря на битье! Вѣдь въ этомъ состояла вся ея вѣра; мало того, тутъ и сомнѣній для нея не существовало, и вдругъ ей все открывается: этотъ ребенокъ, артистъ, ея насколько не любитъ, давно уже пересталъ любить, можетъ быть никогда не любилъ и прежде! Она вдругъ смирилась, поникла, раздавлена, а отказаться отъ него все-таки не въ силахъ, безумно любитъ, еще безумнѣе чѣмъ прежде. Но такъ какъ характеръ сильный, благородный и необыкновенный, то и вырастаетъ вдругъ неизмѣримо и надъ прежнимъ бытомъ, и надъ прежней средой своей. Нѣтъ ужъ теперь она его не потребуетъ силой. Силой ей его теперь и даромъ не надо; она все еще неизмѣримо горда, но гордость эта уже другаго рода, уже облагородилась: она скорѣе умретъ съ горя тутъ же, въ травѣ у ограды, а не захочетъ употребить насиліе, писать просьбы, доказывать права свои. Ахъ, батюшка, да вѣдь въ этомъ и вся повѣсть, а вовсе не въ бытовой сторонѣ церковниковъ! Нѣтъ, батюшка, этотъ крошечный рассказикъ гораздо значительнѣе чѣмъ вамъ кажется, и поглубже. Повторяю, вы такъ не напишете, даже не поймете въ чемъ дѣло. У васъ отчасти душа кочкаревская (въ литературномъ отношеніи разумѣется, — далѣе я не иду), какъ и имѣлъ я вамъ честь замѣтить...

Что же касается до сочинительства вашего и до пониманія художественнаго, то къ вамъ, въ этомъ отношеніи, вполнѣ, я думаю, можно приложить извѣстную эпиграму Пушкина:

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
«Вотъ», подбочась, сапожникъ продолжалъ:
«Мнѣ кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишкомъ ли нага.»
Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
«Суди, дружокъ, не свыше сапога!»

. . . . .

Вы, батюшка, точь въ точь какъ этотъ сапожникъ, съ тою только разницею, что даже и въ обуви не съумѣли указать г. Недолину, чтó, надѣюсь, я вамъ и доказалъ основательно. А подтасовкой ничего не возьмете. Тутъ, видите—ли, чтобы понимать что нибудь въ душѣ человѣческой и «судить повыше сапога», надо бы побольше развитія въ другую сторону, поменьше этого цинизма, этого «духовнаго» матеріализма; поменьше этого презрѣнія къ людямъ, поменьше этого неуваженія къ нимъ, этого равнодушія. Поменьше этой плотоядной стяжательности, побольше вѣры, надежды, любви! Посмотрите, напимѣрь, съ какимъ грубымъ цинизмомъ обращаетесь вы со мной лично, съ какимъ, совсѣмъ несвойственнымъ вашему сану неприличіемъ говорите о чудесахъ. Вѣрить не хотѣлъ, когда прочелъ у васъ слѣдующее про себя:

!!... Но какъ же не знать этого редактору г. Достоевскому, который недавно такъ пространно заявлялъ, что онъ большой христіанинъ и притомъ православный и православно вѣрующій въ самыя мудренныя чудеса? Развѣ, можетъ быть, онъ и это принятіе въ монастырь женатаго человѣка причисляетъ къ чудесамъ, — тогда это другое дѣло...

Во—первыхъ, батюшка, вы и тутъ сочинили (экая вѣдь страсть у васъ къ сочинительству!). Никогда и нигдѣ не объявлялъ я о себѣ *лично* ничего о вѣрѣ моей въ чудеса. Все это вы выдумали и я васъ вызываю указать: гдѣ вы это нашли? Позвольте еще: еслибъ я, *Θ. Достоевскій*, гдѣ нибудь и объявилъ это о себѣ (чего не было), то ужъ повѣрьте не отказался бы отъ словъ моихъ ни изъ за какого либеральнаго страха, или страху ради касторскаго. Просто за просто ничего подобнаго не

было и я только констатирую фактъ. Но еслибы и было — что вамъ то до вѣры моей въ чудеса? Чѣмъ они подходятъ къ дѣлу? И что такое мудренныя чудеса и немудренныя? Какъ уживаетесь вы съ подобными раздѣленіями сами? Вообще же желаю чтобы въ этомъ отношеніи вы оставили меня въ покоѣ — уже хоть по тому одному, что приставать ко мнѣ съ этимъ вовсе къ вамъ не идетъ, несмотря на все современное просвѣщеніе ваше. Духовное лицо, а такъ раздражительно! Стыдно, г. Касторскій.

А знаете, вѣдь вы вовсе не г. Касторскій, а ужъ тѣмъ болѣе не священникъ Касторскій, и все это поддѣлка и вздоръ. Вы *ряженный*, вотъ точь въ точь такой какъ на святкахъ. И знаете что еще? Ни единой то самой маленькой минутки я не пробылъ въ обманѣ; тотчасъ же узналъ ряженаго и вмѣняю себѣ это въ удовольствіе, ибо вижу отсюда вашъ длинный носъ: вы вполне были увѣрены, что я шутовскую маску, вывѣсочной работы, приму за лицо настоящее. Знайте тоже, что я и отвѣчалъ вамъ немного уже слишкомъ развязно единственно потому, что сейчасъ же узналъ переряженаго. Еслибы вы были въ самомъ дѣлѣ священникомъ, я, не смотря на всѣ ваши грубости, которыя въ концѣ вашей статьи доходятъ до какого-то побѣдоносно-семинарскаго ржанья, — все-таки отвѣтилъ бы вамъ «съ соблюденіемъ,» — не изъ личнаго къ вамъ уваженія, а изъ уваженія къ вашему высокому сану, къ высокой идеѣ, которая въ немъ заключается. Но такъ какъ вы всего только ряженный, то и должны понести наказаніе. Наказаніе начну съ того, что объясню вамъ подробно почему васъ узналъ (между нами, я даже предугадалъ кто именно подъ маской скрывается; но имя вслухъ не объявлю, а оставлю при себѣ до времени) и это вамъ естественно будетъ очень досадно...

— А если предугадали, то почему же отвѣчали какъ священнику, — спросите вы, — къ чему написали предварительно столько лишняго?

— А по платю встрѣчаютъ, отвѣчаю я вамъ, и если написалъ чтонибудь непріятное г. «священнику», то ужъ пусть возьметъ это на свою совѣсть тотъ господинъ, который выдумалъ и употребилъ недостойный пріемъ перерядиться въ священника. Да, недостойный пріемъ, и онъ самъ это чувствовалъ. Мало того, онъ, сколько могъ, оберегъ себя. Онъ не подписался: «священникъ П. Касторскій», а подписался сокращенно: Свящ. П. Касторскій. *Свящ.* все таки не священникъ, если ужъ крѣпко обличать. Всегда можно сказать что подразумѣвался «*священнолюбецъ*», или чтонибудь въ такомъ родѣ.

Я узналъ васъ, г. ряженный, по слогу. Видите ли въ чемъ тутъ главная штука: въ томъ что современные критики и хвалятъ пожалуй иногда современныхъ писателей—художниковъ, и даже публика довольна (потому что чтò—же ей, наконецъ, читать?). Но и критика понизилась уже очень давно, да и художники наши, большею частію, смахиваютъ на вывѣскныхъ маляровъ, а не на живописцевъ. Не всѣ конечно. Есть нѣкоторые и съ талантомъ, но большая часть самозванцы. Во первыхъ, г. ряженный, у васъ пересолено. Знаете ли вы чтò значитъ говорить эссенціями? Нѣтъ? Я вамъ сейчасъ объясню. Современный «писатель—художникъ», дающій типы и отмежевывающій себѣ какую нибудь въ литературѣ специальность (ну, выставятъ купцовъ, мужиковъ и проч.) обыкновенно ходитъ всю жизнь съ карандашемъ и съ тетрадкой, подслушиваетъ и записываетъ характерныя словечки; кончаетъ тѣмъ что наберетъ нѣсколько сотъ номеровъ характерныхъ словечекъ. Начинаетъ потомъ романъ и чуть заговоритъ у него купецъ или духовное лицо, — онъ и начинаетъ подбирать ему рѣчь изъ тетрадки по записанному. Читатели хохочутъ и хвалятъ и ужъ кажется бы вѣрно: дословно съ натуры записано, но оказывается что хуже лжи, именно потому что купецъ али солдатъ въ романѣ говорятъ *эссенціями*, т. е. какъ никогда ни одинъ купецъ и ни одинъ солдатъ не говоритъ въ натурѣ. Онъ, на примѣръ, въ натурѣ скажетъ такую—то, записанную вами отъ него же фразу, изъ десяти фразъ въ одиннадцатую. Одиннадцатое словечко характерно и безобразно, а десять словечекъ передъ тѣмъ ничего, какъ и у всѣхъ людей. А у типиста—художника онъ говоритъ характерностями сплошь, по записанному, — и выходитъ неправда. Выведенный типъ говоритъ *какъ по книгѣ*. Публика хвалитъ, ну а опытнаго, стараго литератора не надуете.

И большею частію работа вывѣскная, малярная. Между тѣмъ «художникъ» считаетъ себя подъ конецъ за Рафаэля; и не разувѣришь его! Записывать словечки хорошо и полезно и безъ этого нельзя обойтись; но нельзя же и употреблять ихъ совсѣмъ механически. Правда, есть оттѣнки и между «художниками—записывателями»; одинъ все—таки другаго талантливѣе, а потому употребляетъ словечки съ оглядкой, сообразно съ эпохой, съ мѣстомъ, съ развитіемъ лица и соблюдая пропорцію. Но эссенціозности все—таки избѣжать не можетъ. Драгоцѣнное правило, что высказанное слово серебряное, а невысказанное — золотое, давнымъ давно уже не въ привычкахъ нашихъ художниковъ. Мало мѣры. Чувство мѣры уже совсѣмъ исчезаетъ. Взять и то, наконецъ, что наши художники (какъ и всякая ординарность) начинаютъ отчетливо замѣчать явленія дѣйствительности, обращать вниманіе на ихъ характерность и обработки—

вать данный типъ въ искусствѣ уже тогда, когда большею частію онъ проходитъ и исчезаетъ, выражается въ другой, сообразно съ ходомъ эпохи и ея развитія, такъ что всегда почти старое подаютъ намъ на столъ за новое. И сами вѣрятъ тому, что это новое, а не преходящее. Впрочемъ подобное замѣчаніе для нашего писателя—художника нѣсколько тонко; пожалуй и не пойметъ. Но я все—таки выскажу, что только гениальный писатель, или ужь очень сильный талантъ угадываетъ типъ *современно* и подаетъ его *своевременно*; а ординарность только слѣдуетъ по его пятамъ, болѣе или менѣе рабски, и работая по заготовленнымъ уже шаблонамъ.

Я, напримѣръ, не встрѣчалъ еще ни одного священника, во всю мою жизнь, даже самага высоко—образованнаго, совершенно безъ всякихъ характерныхъ особенностей разговора, относящихся до его сословной среды. Всегда хоть капельку да есть что нибудь. Между тѣмъ, еслибъ дословно стенографировать его разговоръ и потомъ напечатать, то пожалуй у иного высоко—образованнаго и долго бывшаго въ обществѣ священника и не замѣтите никакой особенной характеристики. Нашему «художнику» этого естественно мало, да и публика къ другому приучена. Простонародье, напримѣръ, въ повѣстяхъ Пушкина, по мнѣнію большинства читателей, навѣрно говоритъ хуже, чѣмъ у писателя Григоровича, всю жизнь описывавшаго мужиковъ. Я думаю и по мнѣнію многихъ художниковъ тоже. Не вытерпитъ онъ, что священникъ, напримѣръ, говоритъ почти безо всякой характеристики, зависящей отъ сословія, отъ среды его, а потому и не помѣститъ его въ свою повѣсть, а помѣститъ характернѣйшаго. Такимъ образомъ современнаго священника, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ извѣстной средѣ, заставитъ говорить иногда какъ священника начала столѣтія и тоже при извѣстныхъ обстоятельствахъ и извѣстной средѣ.

Священникъ Касторскій, начинаетъ какъ и всѣ, нѣкоторое время почти совсѣмъ не напоминая собою извѣстной среды.

Пока онъ хвалитъ художественность писателя Лѣскова, онъ говоритъ *какъ и всѣ*, безо всякой характеристики словечекъ и мыслей, обличающихъ сословіе. Но такъ было надо автору: надо было его оставить въ покоѣ, чтобы литературная похвала вышла серьезнѣе, а порицаніе г. Недолину строже, ибо смѣшная и характерная фраза нарушила бы строгость. Но вдругъ авторъ, сообразивъ, что вѣдь пожалуй читатель и не повѣритъ что священникъ писалъ, — пугается и разомъ бросается въ типичности и уже тутъ ихъ цѣлый возъ. Что ни слово, то типичность! Изъ такой суматохи естественно выходитъ типичность фальшивая и не пропорціональная.

Главный признакъ челоѡѡка необразованнаго, но почему—нибудѡ принужденнаго заговорить языкомъ и понятіями не своей среды — это нѡкоторая неточность въ употребленіи словъ, которыхъ онѡ значеніе, положимъ, и знаетъ, но не знаетъ всѡхъ оттѡнковъ его употребленія въ сѡерѡхъ понятій другаго сословія. «А потому *проходитъ* такія *вредныя* покушенія».... «невѡжествѡ, *обличенномъ* опять въ томъ журналѡ»... «въ немъ представленъ *голосистый* дьячокъ» и т. д. Послѡднее словцо *голосистый* — уже слишкомъ грубо, и именно тѡмъ, что свящ. Касторскій, желая выразить понятіе о лицѡ, одаренномъ прекраснымъ голосомъ пѡвѡца, думаетъ, что выражаетъ это понятіе словомъ *голосистый*. Авторъ—специалистъ забылъ, что хотя въ священнической средѡ и теперь, конечно, встрѡчаются малообразованные люди, но чрезвычайно мало до такой ужѡ степени не понимающихъ значенія словъ. Это годится для романа, г. ряженный, а дѡйствительности не выдерживаетъ. Такое ошибочное выраженіе прилично было бы разѡвѡ пономарю, а все же не священнику. Не слѡжу за всѡми выраженіями далѡе; повторяю, ихъ тамъ цѡлый возъ, чрезвычайно грубо натасканный изъ тетрадки. Но хуже всего то, что типичникъ—авторъ (если говорятъ о художникѡ—авторѡ, то возможно понятіе и о *ремесленникѡ*—авторѡ, а слово *типичникѡ* опредѡляетъ ремесло или мастерство), что типичникъ—авторъ выставилъ свой типъ въ такомъ непривлекательномъ нравственномъ видѡ. Надо бы выставить все—таки въ свящ. Касторскомъ челоѡѡка съ достоинствомъ, добродѡтельнаго и типичность ничему бы тутъ не помѡшала. Но типичникъ былъ самъ поставленъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго и не сумѡлъ вывернуться: ему непременно надо было обругать своего собрата—автора, наглумиться надъ нимъ, и вотъ свои прекрасныя побужденія онѡ, переряженный, поневолѡ долженъ былъ навязать своему священнику. А ужѡ насчетъ чудесъ — типичникъ совѡмъ не сдержалъ себя. Вышла ужасная глупость: духовное лицо — да еще глумится надъ чудесами и дѡлитъ ихъ на мудренныя и немудренныя! Плохо, г. типичникъ.

Я даже думаю, что и «Псаломщикъ» — произведеніе того же пера: очень ужѡ перенаивничалъ неумѡлый мастеровой въ окончаніи, именно въ «опасеніяхъ» псаломщика, которыя слишкомъ ужѡ не блистаютъ умомъ. Однимъ словомъ, господа, вся эта выѡсочная работа положимъ еще и сойдетъ въ повѡстяхъ, но, повторяю вамъ, не выдержитъ столкновенія съ дѡйствительностію и тотчасъ же обличитъ себя. Не вамъ, господа—художники, надуть стараго литератора.

Что же это, шутки что ли съ ихъ стороны? И, нѡтъ—нѡтъ, вовсе не шутки. Это — это такъ сказать дарвинизмъ, борьба за существованіе. Не смѡй, дескать, заходить на нашу ниву. И чѡмъ могъ вамъ повредить,

господа, г. Недолинъ? Увѣряю же васъ, что онъ вовсе не имѣетъ намѣренія описывать бытовую сторону духовенства, можете вполне успокоиться. Правда, смутило меня, на одно мгновение, одно странное обстоятельство: вѣдь если ряженный типичникъ напалъ на г. Недолина, то, ругая его, въ противоположность ему долженъ бы былъ хвалить самого себя. (На этотъ счетъ у этихъ людей нѣтъ ни малѣйшаго самолюбія: съ полнѣйшимъ безстыдствомъ готовы они писать и печатать похвалы себѣ сами и собственноручно). А между тѣмъ, къ величайшему моему удивленію, типичникъ выставляетъ и хвалитъ талантливаго г. Лѣскова, а не себя. Тутъ что нибудь другое и навѣрное выяснится. Но *ряженный* не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію.

А причемъ же тутъ самъ «Русскій Міръ»? Рѣшительно не знаю. Ничего и никогда не имѣлъ съ «Русскимъ Міромъ» и не предполагалъ имѣть. Богъ знаетъ съ чего вскочутъ люди.

ХІ.

Мечты и грёзы.

1.

Мы въ прошломъ № «Гражданина» опять заговорили о пьянствѣ, или скорѣе о возможности исцѣленія отъ язвы всенароднаго пьянства, о нашихъ надеждахъ, о нашей вѣрѣ въ ближайшее лучшее будущее. Но уже давно и невольно грусть и сомнѣнія приходятъ на сердце. Конечно, за текущими важными дѣлами (а у насъ всѣ смотрятъ такими важными дѣловыми людьми) некогда и глупо думать о томъ что будетъ черезъ десять лѣтъ или къ концу столѣтія, то есть когда насъ не будетъ. Девизъ настоящаго дѣловаго человѣка нашего времени — *après moi le déluge*¹. Но людямъ празднымъ, не практическимъ и не имѣющимъ дѣлъ — право, простительно помечтать иногда о дальнѣйшемъ, если только мечтается. Мечталъ же Поприцинъ («Записки сумасшедшаго», Гоголя) объ испанскихъ дѣлахъ: «всѣ эти событія меня такъ убили и потрясли, что я»... и т. д. — писалъ онъ сорокъ лѣтъ назадъ. Я признаюсь что и меня иногда многое потрясаетъ и, право, я даже въ уныніи отъ моихъ мечтаній. Я на дняхъ мечталъ, напримѣръ, о положеніи Россіи какъ великой европейской державы, и ужъ чего-чего не пришло мнѣ въ голову на эту грустную тему!

¹ после меня хоть потоп (франц.).

Взять уже то, что намъ во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе надо стать великой европейской державой. Положимъ мы и есть великая держава; но я только хочу сказать, что это намъ слишкомъ дорого стоитъ — гораздо дороже чѣмъ другимъ великимъ державамъ, а это предурной признакъ. Такъ что даже оно какъ бы и не натурально выходить. Спѣшу однако оговориться: я единственно только съ западной точки зрѣнія сужу и вотъ съ этой точки оно дѣйствительно такъ у меня выходитъ. Другое дѣло точка національная и такъ сказать немножко славянофильская; тутъ, извѣстно, есть вѣра въ какія то внутреннія самобытныя силы народа, въ какія то начала народныя, совершенно личныя и оригинальныя, нашему народу присущія, его спасающія и поддерживающія. Но съ чтеніемъ статей г. Пыпина я отрезвился. Разумѣется я желаю и по прежнему продолжаю желать изо всѣхъ моихъ силъ, чтобы драгоцѣнныя, твердыя и самостоятельныя начала, присущія народу русскому, существовали дѣйствительно; но согласитесь тоже — что же это за такія начала, которыхъ даже самъ г. Пыпинъ не видитъ, не слышитъ и не примѣчаетъ, которыя спрятаны, спрятались и никакъ не хотятъ отыскаться? А потому невольно остается и мнѣ обойтись безъ этихъ утѣшающихъ душу началъ. Такимъ образомъ и выходитъ у меня, что мы, покамѣстъ, всего только лѣпимся на нашей высотѣ великой державы, стараясь изо всѣхъ силъ чтобы не такъ скоро замѣтили это сосѣди. Въ этомъ намъ чрезвычайно можетъ помочь всеобщее европейское невѣжество во всемъ что касается Россіи. Покрайней мѣрѣ до сихъ поръ это невѣжество не подвержено было сомнѣнію — обстоятельство, о которомъ намъ вовсе нечего горевать; напротивъ, намъ очень будетъ даже невыгодно, если сосѣди наши насъ разсмотрятъ поближе и покороче. То что они ничего не понимали въ насъ до сихъ поръ — въ этомъ была наша великая сила. Но въ томъ то и дѣло, что теперь, увы, кажется и они начинаютъ насъ понимать лучше прежняго; а это очень опасно.

Огромный сосѣдъ изучаетъ насъ неусыпно и кажется уже многое видитъ насквозь. Не вдаваясь въ тонкости, возьмите хоть самыя наглядныя, въ глаза бросающіяся у насъ вещи. Возьмите наше пространство и наши границы (заселенныя инородцами и чужеземцами, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе крѣпчающими въ индивидуальности своихъ собственныхъ инородческихъ, а отчасти и иноземныхъ сосѣдскихъ элементовъ), возьмите и сообразите: во сколькихъ точкахъ мы стратегически уязвимы? Да намъ войска, чтобы все это защитить (по моему штатскому, впрочемъ, мнѣнію) надо гораздо больше имѣть, чѣмъ у нашихъ сосѣдей. Возьмите опять и то, что нынѣ воюютъ не столько оружіемъ, сколько

умомъ, и согласитесь что это послѣднее обстоятельство даже особенно для насъ невыгодно.

Теперь почти въ каждыя десять лѣтъ измѣняется оружіе, даже чаще. Лѣтъ черезъ пятнадцать можетъ будутъ стрѣлять уже не ружьями, а какоюнибудь молніей, какоюнибудь всежигающею электрическою струею изъ машины. Скажите что можемъ мы изобрѣсти въ этомъ родѣ, съ тѣмъ чтобы приберечь въ видѣ сюрприза для нашихъ сосѣдей? Что, если лѣтъ черезъ пятнадцать у каждой великой державы будетъ заведено, потаенно и про запасъ, по одному такому сюрпризу на всякій случай? Увы, мы можемъ только перенимать и покупать оружіе у другихъ, и много—много что съумѣемъ починить его сами. Чтобы изобрѣтать такія машины нужна наука самостоятельная, а не покупная; своя, а не выписная; укоренившаяся и свободная. У насъ такой науки еще не имѣется; да и покупной даже нѣтъ. — Возьмите опять наши желѣзныя дороги, сообразите наши пространства и нашу бѣдность; сравните наши капиталы съ капиталами другихъ великихъ державъ и смекните: во что намъ наша дорожная сѣть, необходимая намъ какъ великой державѣ, обойдется? И замѣтите: тамъ у нихъ эти сѣти устроились давно и устраивались постепенно, а намъ приходится догонять и спѣшить; тамъ концы маленькіе, а у насъ, сплошь, въ родѣ Тихоокеанскихъ. Мы уже и теперь больно чувствуемъ во что намъ обошлось лишь начало нашей сѣти; какимъ тяжелымъ отвлеченіемъ капиталовъ въ одну сторону ознаменовалось оно, въ ущербъ хотя бы бѣдному нашему земледѣлію и всякой другой промышленности. Тутъ дѣло не столько въ денежной суммѣ, сколько въ степени усилія націи. Впрочемъ конца не будетъ если по пунктамъ высчитывать наши нужды и наше убожество. Возьмите, наконецъ, просвѣщеніе, т. е. науку, и посмотрите насколько намъ нужно догнать въ этомъ смыслѣ другихъ. По моему бѣдному сужденію, на просвѣщеніе мы должны ежегодно затрачивать по крайней мѣрѣ столько же какъ и на войско, если хотимъ догнать хоть какуюнибудь изъ великихъ державъ, — взявъ и то что время уже слишкомъ упущено, что и денегъ такихъ у насъ не имѣется и что, въ концѣ концовъ, все это будетъ только толчекъ, а не нормальное дѣло; такъ сказать потрясеніе, а не просвѣщеніе.

Все это мои мечты, разумѣется; но... повторяю, невольно мечтается иногда въ этомъ смыслѣ, а потому и продолжаю мечту. Замѣтите, что я цѣню все на деньги; но развѣ это вѣрный расчетъ? Деньгами ни за что не купишь всего; такъ можетъ только какойнибудь необразованный купецъ разсуждать въ комедіи г. Островскаго. Деньгами вы, на примѣръ, настроите школь, но учителей сейчасъ не надѣлаете. Учитель — это

штука тонкая; народный, національный учитель вырабатывается вѣками, держится преданіями, безчисленнымъ опытомъ. Но положимъ надѣлаете деньгами не только учителей, но даже, наконецъ, и ученыхъ; и что же? — все таки людей не надѣлаете. Что въ томъ, что онъ ученый, коли дѣла не смыслить? Педагогіи онъ, на примѣръ, выучится и будетъ съ каѳедры отлично преподавать педагогію, а самъ все-таки педагогомъ не сдѣлается. Люди, — люди, — это самое главное. Люди дороже даже денегъ. Людей ни на какомъ рынкѣ не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять таки только вѣками выдѣлываются; ну, а на вѣка надо время, годковъ этакъ двадцать пять или тридцать, даже и у насъ, гдѣ вѣка давно уже ничего не стоятъ. Человѣкъ идеи и науки самостоятельной, человѣкъ самостоятельно дѣловой, образуется лишь долгою самостоятельною жизнію націи, вѣковымъ многострадальнымъ трудомъ ея — однимъ словомъ образуется всею историческою жизнію страны. Ну, а историческая жизнь наша, въ послѣднія два столѣтія, была не совсѣмъ таки самостоятельною. Ускорять же искусственно необходимые и постоянные историческіе моменты жизни народной никакъ не возможно. Мы видѣли примѣръ на себѣ и онъ до сихъ поръ продолжается: еще два вѣка тому назадъ хотѣли поспѣшить и все подогнать, а вмѣсто того и застряли; ибо, не смотря на всѣ торжественные возгласы нашихъ западниковъ, мы несомнѣнно застряли. Наши западники — это такой народъ, что сегодня трубятъ во всѣ трубы, съ чрезвычайнымъ злорадствомъ и торжествомъ, о томъ, что у насъ нѣтъ ни науки, ни здраваго смысла, ни терпѣнія, ни умѣнья; что намъ дано только ползти ползкомъ за Европой, ей подражать во всемъ рабски и, въ видахъ европейской опеки, преступно даже и думать о собственной нашей самостоятельности; а завтра, — заикнитесь лишь только о вашемъ сомнѣніи въ безусловно-цѣлительной силѣ бывшаго у насъ два вѣка назадъ переворота, — и тотчасъ же закричатъ они дружнымъ хоромъ, что всѣ ваши мечты о народной самостоятельности — одинъ только квасъ; квасъ и квасъ; и что мы, два вѣка назадъ, изъ толпы варваровъ стали европейцами, просвѣщеннѣйшими и счастливѣйшими, и по гробъ нашей жизни должны вспоминать о семъ съ благодарностію.

Но оставимъ западниковъ и положимъ, что деньгами все можно сдѣлать, даже время купить, даже самобытность жизни воспроизвести какъ-нибудь на нарахъ; спрашивается: откуда такія деньги достать? Чуть не половину теперешняго бюджета нашего оплачиваетъ водка, т. е. по теперешнему народное пьянство и народный развратъ, — стало быть вся народная будущность. Мы, такъ сказать, будущностью нашею платимъ за нашъ величавый бюджетъ великой европейской державы. Мы

подсѣкаемъ дерево въ самомъ корнѣ, чтобы достать поскорѣе плодъ. И кто же хотѣлъ этого? это случилось невольно, само собой, строгимъ историческимъ ходомъ событій. Освобожденный великимъ Монаршимъ словомъ народъ нашъ, неопытный въ новой жизни и самобытно еще не жившій, начинаетъ первые шаги свои на новомъ пути: переломъ огромный и необыкновенный, почти внезапный, почти невиданный въ исторіи по своей цѣльности и по своему характеру. Эти первые и уже собственные шаги освобожденнаго богатыря на новомъ пути требовали большой опасности, чрезвычайной осторожности; а между тѣмъ, что встрѣтилъ нашъ народъ при этихъ первыхъ шагахъ? Шаткость высшихъ слоевъ общества, вѣками укоренившуюся отчужденность отъ него нашей интеллигенціи (вотъ это то самое главное) и въ довершеніе — дешовку и жиду. Народъ закутилъ и запилъ — сначала съ радости, а потомъ по привычкѣ. Показали-ль ему хоть что нибудь лучше дешовки? Развлекли-ли, научили-ль чему нибудь? Теперь въ иныхъ мѣстностяхъ, во многихъ даже мѣстностяхъ, кабаки стоятъ уже не для сотенъ жителей, а всего для десятковъ; мало того — для малыхъ десятковъ. Есть мѣстности гдѣ на полсотни жителей и кабакъ, менѣе даже чѣмъ на полсотни. «Гражданинъ» уже сообщалъ разъ, въ особой статьѣ, подробный бюджетъ теперешняго нашего кабака: возможности нѣтъ предположить, чтобы кабаки могли существовать лишь однимъ виномъ. Чѣмъ же станутъ они окупаются? Народнымъ развратомъ, воровствомъ, укрывательствомъ, ростовщичествомъ, разбоемъ, разрушеніемъ семейства и стыдомъ народнымъ — вотъ чѣмъ они окупаются!

Матери пьютъ, дѣти пьютъ, церкви пустѣютъ, отцы разбойничаютъ; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и въ кабакъ снесли; а въ кабакъ приняли! Спросите лишь одну медицину: какое можетъ родиться поколѣніе отъ такихъ пьяницъ? Но пусть, пусть (и дай Боже!) пусть это лишь одна мечта пессимиста, въ десять разъ преувеличившая бѣду! Вѣримъ и хотимъ вѣровать, но... если въ текуція десять, пятнадцать лѣтъ склонность народа къ пьянству (которая все-таки несомнѣнна) не уменьшится, удержится, а стало быть еще болѣе разовьется, то — не оправдается ли и вся мечта? Вотъ намъ необходимъ бюджетъ великой державы, а потому очень, очень нужны деньги; спрашивается: кто же ихъ будетъ выплачивать черезъ эти пятнадцать лѣтъ, если настоящій порядокъ продолжится? Трудъ, промышленность? ибо правильный бюджетъ окупается лишь трудомъ и промышленностью. Но какой же образуется трудъ при такихъ кабакахъ? Настоящіе, правильные капиталы возникаютъ въ странѣ не иначе, какъ основываясь на всеобщемъ трудовомъ благосостояніи ея, иначе могутъ образоваться лишь капиталы кулаковъ

и жидовъ. Такъ и будетъ если дѣло продолжится, если самъ народъ не опомнится; а интеллигенція не поможетъ ему. Если не опомнится, то весь, цѣликомъ, въ самое малое время очутится въ рукахъ у всевозможныхъ жидовъ и ужъ тутъ никакая община его не спасетъ: будутъ лишь обще-солидарные нищіе, заложившіеся и закабалившіеся всею общиной, а жидаы и кулаки будутъ выплачивать за нихъ бюджетъ. Явятся мелкіе, подленькіе, развратнѣйшіе буржуа и безконечное множество закабаленныхъ имъ нищихъ рабовъ, — вотъ картина! Жидки будутъ пить народную кровь и питаться развратомъ и униженіемъ народнымъ, но такъ какъ они будутъ платить бюджетъ, то стало быть ихъ же надо будетъ поддерживать. Мечта скверная, мечта ужасная и — слава Богу, что это только лишь сонъ! Сонъ титулярнаго совѣтника Поприщина, я съ этимъ согласенъ. Но не сбыться ему! Не разъ уже приходилось народу выручать себя! Онъ найдетъ въ себѣ охранительную силу, которую всегда находилъ; найдетъ въ себѣ начала, охраняющія и спасающія, — вотъ тѣ самыя, которыхъ ни за что не находитъ въ немъ наша интеллигенція. Не захочетъ онъ самъ кабака; захочетъ труда и порядка, захочетъ чести, а не кабака!...

И слава Богу — все это кажется подтверждается; по крайней мѣрѣ есть признаки; мы уже упоминали объ обществахъ трезвости. Правда, они едва начинаются; попытки слабыя, едва замѣтныя, но — но только бы не помѣшали имъ развернуться, вслѣдствіе какихъ нибудь особенныхъ поводовъ! Напротивъ — о, если-бы ихъ поддержать! Что если-бы съ своей стороны поддержали ихъ и всѣ наши передовые умы, наши литераторы, наши социалисты, наше духовенство и всѣ, всѣ изнемогающіе ежемѣсячно и печатно подъ тяжестью своего долга народу. Что еслибы поддержалъ ихъ и нарождающійся нашъ школьный учитель! Я знаю что я человѣкъ непрактическій (теперь, послѣ извѣстной недавней рѣчи г-на Спасовича въ этомъ даже лестно признаться), но мнѣ — представьте себѣ — мнѣ воображается, что даже самый бѣднѣйшій какой-нибудь школьный учитель и тотъ бы ужасно много могъ сдѣлать и единственно одной лишь своей инициативой, захоти только сдѣлать! Въ томъ то и дѣло что тутъ важна личность, характеръ, важень дѣловой человѣкъ, и такой, который дѣйствительно способенъ хотѣть. На учительское мѣсто у насъ большею частію пріѣзжаетъ теперь молодой человѣкъ, хотя бы даже и желающій сдѣлать добро, но не знающій народа, мнительный и недовѣрчивый; послѣ первыхъ, иногда самыхъ горячихъ и благородныхъ усилій, — быстро утомляется, смотритъ угрюмо, начинаетъ считать свое мѣсто за нѣчто переходное къ лучшему, а потомъ — или спивается окончательно, или за лишніе десять рублей бросаетъ все и бѣжитъ куда

угодно, даже даромъ бѣжить, даже въ Америку, «чтобъ испытать свободный трудъ въ свободномъ государствѣ». Это случилось и, говорятъ, случается и теперь. Тамъ, въ Америкѣ, какойнибудь гнуснѣйшій антрепренеръ моритъ его на грубой ручной работѣ, обсчитываетъ и даже тузить его кулаками, а онъ за каждымъ тузомъ восклицаетъ про себя въ умиленіи: «Боже, какъ эти же самые тузы, на моей родинѣ, ретроградны и неблагородны, и какъ, напротивъ, они здѣсь благородны, вкусны и либеральны!» И долго еще такъ ему будетъ казаться; не измѣнять же изъза такихъ пустяковъ своимъ убѣжденіямъ! Но оставимъ его въ Америкѣ; я буду продолжать мою мысль. Моя мысль — напомнимъ ее — въ томъ, что даже самый мелкій сельскій школьный учитель могъ бы взять на себя весь починъ, всю инициативу освобожденія народа отъ варварской страсти къ пьянству, еслибъ только того захотѣлъ. На этотъ счетъ у меня есть даже сюжетъ одной повѣсти и можетъ быть я рискну сообщить его читателю раньше повѣсти...

ХІІ.

(По поводу новой драмы).

Эта новая драма — драма г. Кишенскаго «Пить до дна — не видать добра», которой три послѣдніе акта мы рѣшили помѣстить въ этомъ 25-мъ номерѣ «Гражданина» разомъ, не смотря на то что она заняла у насъ чуть не половину мѣста. Но намъ хотѣлось не дробить впечатлѣнія и, можетъ быть, читатели согласятся что драма стоитъ даже особаго ихъ вниманія. Она написана для народнаго театра и написана съ знаніемъ дѣла, съ отчетливостію и съ несомнѣннымъ талантомъ — а это главное, особенно теперь, когда почти не является новыхъ талантовъ.

Это все типы фабричнаго быта, «фабричнаго села» — чрезвычайно разнообразные и твердо очерченные. Сюжетъ на лицо и мы его подробно излагать не будемъ. Мысль серьезная и глубокая. Это вполнѣ трагедія и *fatum* ея — водка; водка все связала, заплонила, направила и погубила. Правда, авторъ, какъ истинный художникъ, не могъ не взглянуть еще шире на міръ, имъ рисуемый, хотя и провозгласилъ въ названіи своей драмы что тема его — «пить до дна не видать добра». — Тутъ кромѣ того отзывается и все чрезвычайное экономическое и нравственное потрясеніе послѣ огромной реформы нынѣшняго царствованія. Превжній міръ, превжній порядокъ — очень худой, но все же порядокъ — отошелъ безвозвратно. И странное дѣло: мрачныя нравственныя стороны прев-

няго порядка, — эгоизмъ, цинизмъ, рабство, разъединеніе, продажничество не только не отошли съ уничтоженіемъ крѣпостнаго быта, но какъ бы усилились, развились и умножились; тогда какъ изъ хорошихъ нравственныхъ сторонъ прежняго быта, которыя все же были, почти ничего не осталось. Все это отозвалось и въ картинѣ г. Кишенскаго, по крайней мѣрѣ, какъ мы ее понимаемъ. Тутъ все переходное, все шатающееся и — увы — даже и не намекающее на лучшее будущее.

Авторъ съ энергіей указываетъ на образованіе какъ на спасеніе, какъ на единственный выходъ; а покамѣстъ — все захватила водка, все отравила и направила къ худшему, заполонила и поработила народъ. Мрачную, ужасную картину этого новаго рабства, въ которое вдругъ впалъ русскій крестьянинъ, выйдя изъ прежняго рабства, и рисуетъ г. Кишенскій.

Тутъ два сорта типовъ — людей отживающихъ и новыхъ, молодаго поколѣнія.

Молодое поколѣніе знакомо автору. Типы излюбленные имъ, указываемые имъ какъ на надежду будущаго, составляющіе сіяніе мрачной картины — вышли довольно удачны (что очень странно; ибо «положительные» типы почти совсѣмъ не удаются нашимъ поэтамъ). По крайней мѣрѣ Марья вышла безукоризненна. Иванъ, женихъ ея, удался нѣсколько менѣе, не смотря на всю вѣрность его изображенія. Это парень молодой, красивый, смѣлый, грамотный, довольно видѣвшій и узнавшій новаго, добрый и честный. Весь недостатокъ его въ томъ, что авторъ немного слишкомъ полюбилъ его, слишкомъ положительно его выставилъ. Отнесись онъ къ нему поотрицательнѣе и впечатлѣніе читателя вышло бы болѣе въ пользу излюбленнаго имъ героя. Правда, какъ тонкій художникъ, авторъ не миновалъ и самыхъ невыгодныхъ чертъ характера своего Ивана. Иванъ съ сильной энергіей и съ сильными умственными способностями, но молодъ и заносчивъ. Онъ великодушно вѣруетъ въ правду и въ правый путь, но правду смѣшиваетъ съ людьми и несправедливо требуетъ отъ нихъ невозможнаго. Онъ, напримѣръ, знаетъ иные законы, такъ что писарь «Леванидъ Игнатьичъ» побаивается прямо нападать на него, но слишкомъ простодушно вѣруетъ въ свое знаніе, а потому не вооруженъ передъ зломъ и не только не понимаетъ опасности, но и не предполагаетъ ея. Все это такъ натурально, и вышло бы прекрасно, потому что такъ и должно ему быть. Мало того, авторъ не упустилъ множества самыхъ симпатическихъ подробностей: Ваня, понимая всю мерзость негодяевъ (въ добавокъ еще враждебныхъ ему), какъ молодой человѣкъ, свѣжій, сильный и которому все такъ еще любо на свѣтѣ, — недостаточно гнушается ими, съ ними водится, съ ними *пѣсни*

поетъ. Эта молодая черта привлекаетъ къ нему читателя чрезвычайно. Но, повторяемъ, авторъ слишкомъ его полюбилъ и не рѣшается ни разу посмотрѣть на него свысока. Намъ кажется, что мало еще выставить вѣрно всѣ данныя свойства лица; надо рѣшительно освѣтить его собственнымъ художническимъ взглядомъ. Настоящему художнику ни за что нельзя оставаться наравнѣ съ изображаемымъ имъ лицомъ, довольствуясь одною его реальною правдой: правды въ впечатлѣніи не выйдетъ. Немного—бы, капельку лишь ироніи автора надъ самоувѣренностію и молодою заносчивостію героя — и читателю онъ сталъ бы милѣе. А то думаешь что авторъ такъ и желалъ изобразить его совершенно правымъ во всемъ обрушившемся на него несчастіи.

Другія лица молодаго поколѣнія, — лица погибшія чуть не съ дѣтства, «поколѣніе пожертвованное», — вышли еще вѣрнѣе «положительныхъ» типовъ. Ихъ два сорта: невиноватые и виновные. Тутъ, на примѣръ, есть одна дѣвочка (Матреша) — созданіе жертвованное и несчастное и, что ужаснѣе всего, вы чувствуете, что она не одна такая, что такихъ «несчастныхъ» на Руси у насъ сколько хотите, всѣ деревни полны, бездна. Вѣрность этого изображенія заставитъ человѣка съ сердцемъ и смотрящаго въ наше будущее сознательно — ужаснуться. Это поколѣніе, поднявшееся уже послѣ реформы. Въ первомъ дѣтствѣ оно застало семью уже разлагающуюся и циническое, поголовное пьянство, а затѣмъ попало прямо на фабрику. Бѣдная дѣвочка! она развратничаетъ, можетъ быть, уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста и — почти не знаетъ сама, что развратна. На Рождество она съ фабрики пріѣхала на побывку въ село и искренно удивляется какъ можетъ прежняя товарка ея, деревенская дѣвушка Маша, предпочитать честь нарядамъ: «Во, Степанъ Захарычъ, и видна небразованность!» говоритъ она, «велика бѣда, што купецъ аль господинъ съ дѣвкой поиграетъ». Это говоритъ она съ совершеннымъ убѣжденіемъ въ истинѣ и правотѣ своей, мало того: жалѣя Машу и деревенскихъ; когда Маша отталкиваетъ подлеца купчишку она говоритъ прямо:

«Охота тебѣ съ этимъ народомъ толковать! Сипы! На еѣ таперича мѣстѣ другая порадовалась бы! такъ бы ихъ облистила, приняла—бъ, и себѣ то припентъ принесла и брату угодила!» И наконецъ, когда эта несчастная подсыпаетъ соннаго зелья Машѣ, сговорясь съ купчишкой, чтобы въ безчувствіи изнасиловать бѣдную честную Машу, и потомъ когда лѣзетъ на печь смотрѣть заснула—ли жертва — она дѣлаетъ все это злодѣйство не только безъ признанія зла, но вполне убѣжденная, что дѣлаетъ этой Машѣ, прежней подругѣ своей, добро, благодареніе, за которое та, спустя, благодарить будетъ. Въ пятомъ актѣ, въ послѣдней

ужасной катастрофѣ — ни отчаяніе Маши, отца ея, жениха, ни убійство, готовое совершиться, — ничто не смущаетъ ее; да и сердца совсѣмъ у ней нѣтъ, — гдѣ же было развиться ему? Она пожимаетъ плечами и говоритъ свое любимое слово: «необразованность»! Авторъ не забылъ этого восклицанія доканчивая послѣднюю художественную черту этого типа. Трагическая судьба! человѣческое существо обращено въ какого то гнилаго червячка и совершенно довольно собой и жалкимъ своимъ кругозоромъ.

Тутъ среда, тутъ *fatum*, эта несчастная не виновата и вы понимаете это, но вотъ другой типъ — самый полный въ драмѣ — типъ развратнаго испитого, плюгаваго фабричнаго парня, брата Маши, продающаго потомъ сестру купчишкѣ за триста рублей и за бархатную поддѣвку, — это, о, это уже типъ изъ виновныхъ «пожертвованнаго» поколѣнія. Тутъ уже не одна среда. Правда, обстановка таже и таже среда: пьянство, разлагающаяся семья и фабрика. Но этотъ не простодушно, какъ Матреша, увѣровалъ въ развратъ. Онъ не простодушно подлъ, какъ она, а съ любовью, онъ въ подлость привнесъ своего. Онъ понимаетъ, что развратъ есть развратъ и знаетъ что такое неразвратъ; но развратъ онъ любилъ сознательно, а честь презираетъ. Онъ уже сознательно отрицаетъ старый порядокъ семьи и обычая; онъ глупъ и тупъ, это правда, но въ немъ какой-то энтузіазмъ плотоугодія и самага подлаго, самага циническаго матеріализма. Это уже не просто червячекъ, какъ Матреша, въ которой все такое маленькое и изсохшее. Онъ стоитъ на деревенской мірской сходкѣ и вы чувствуете, что онъ ничего уже въ ней не понимаетъ и не можетъ понимать, что онъ уже не отъ «міра сего» и съ нимъ разорвалъ окончательно. Онъ продаетъ сестру безо всякаго угрызенія совѣсти и на утро является въ отцовскую избу, на сцену отчаянія, въ бархатной поддѣвкѣ и съ новой гармоніей въ рукахъ. Есть пунктъ, въ который онъ вѣритъ какъ въ всемогущество; это — водка. Съ самой тупой, но вѣрной ухваткой онъ, передъ всякимъ начинаніемъ, — выставляетъ водку — горькую мужикамъ и сладкую бабамъ, увѣренный, что все по его сдѣлается и что водка все можетъ. Въ немъ, къ полнотѣ ироніи, въ изображеніи его, рядомъ съ полнымъ цинизмомъ уживается потребность — прежнихъ вѣжливыхъ манеръ, исконной деревенской «учливости». Прибывъ въ село и еще не повидавшись съ матерью, а засѣвъ въ кабакѣ, онъ вѣжливо посылаетъ ей изъ кабака сладкой водки. Когда онъ и Матреша привлекаютъ мать въ кабакъ, чтобъ, на свободѣ, выманить ея позволеніе продать родную дочь купцу на изнасильничаніе, онъ вѣжливо выставляетъ прежде всего сладкой водки и указывая на мѣсто, говоритъ: «пыжалте, мамынька-съ», и та очень довольна «учли-

востью». Нашего автора упрекали иные, читавшіе первый актъ, за слишкомъ ужъ *натуральный* мужицкій языкъ, утверждая что онъ могъ бы быть болѣе литературнымъ. Этой *натуральностію* языка и мы недовольны; все должно быть художественно. Но прочтя внимательно, прочтя другой разъ драму, вы невольно согласитесь, что невозможно было измѣнить языкъ, въ иныхъ ея мѣстахъ по крайней мѣрѣ, не ослабивъ ея характерности. Это «пыжалте, мамынька-съ» не могло быть измѣнено: вышло бы не такъ подло. И замѣтите, что эту гадкую, глупую пьющую старуху свою «мамыньку» сынокъ уважаетъ столько-же, сколько свою подошву.

Вотъ трагическія слова отца этой семьи, пьющаго старика, про это «пожертвованное поколѣніе»:

Захаръ (выпиваетъ стаканъ водки). Пьяницы! Вы таперь подумайте, други: сидитъ этта фабришный цѣлюю недѣлю за станомъ, ноги-то, руки-то занѣмѣютъ, въ головѣ словно туману напущено! словно шальные всѣ! и виду-то чельчыяго-то нѣтъ! Въ хороминѣ-то духота, стѣны голыя — не глядѣль бы! солнышко въ ино мѣсто не заглянетъ! только и видишь его што по праздникамъ! Ну, други, придетъ этта праздникъ: ты, дѣдъ, писаніе станешь читать, другой въ поле хлѣбъ поглядѣть поидетъ, аль въ лѣсъ; аль къ пчеламъ, аль съ сусѣдями толковать — земство значить, аль сходка, аль о цѣнахъ хлѣбныхъ — скажи куда фабришному-то идтить? о чемъ ему говорить-то? у него все отмѣряно, да взвѣшено! Развѣ о томъ, што штрафы пишеть незнамо за што, да провизію отпускаетъ гнилую, да за рублевый чай беретъ два съ полтиной, за ворота не пушаетъ, штобъ провизію у него брали, да штобъ разврату болѣ было! объ эвтомъ развѣ! ну, значить, одна и дорога въ кабакъ! одинъ разговоръ-отъ о водкѣ да распутствѣ.

Василій. Это точно!

Захаръ. Вы подумайте, други, вѣдь тоже отдохнуть хоцца! тоже молодость! соберетса хороводъ, пѣсни, смѣхъ, — хожалый разгонить! ну всѣ гурьбой и въ кабакъ да трахтирь! И пойдутъ толки о дѣвкахъ, да кто кого перепьетъ! И глянь-ка што творится на фабрикахъ-то! дѣвчонки 12 лѣтъ полюбовниковъ ищутъ! шпульники водку хлыщутъ что воду! на фабрикѣ-то матершинничество, ахальничество — стонъ стоитъ, адъ кромѣшный! дѣти отъ большихъ занимаются! На пагубу ребятъ своихъ мы туда отдаемъ! Есть ли хоша одна дѣвка безъ распутства, одинъ парень не пьяница — на фабрикахъ-то!?

Но самая характерная изъ всѣхъ сценъ этой народной драмы — это третій актъ, мірская сходка. Сильная мысль положена въ этотъ эпизодъ

поэмы. Эта сходка — это *все*, что осталось твердаго и краеугольнаго въ народномъ русскомъ строѣ, главная исконная связь его и главная будущая надежда его, — и вотъ и эта сходка уже носить въ себѣ начало своего разложенія, уже больна въ своемъ внутреннемъ содержаніи! Вы видите что уже во многомъ — это лишь одна форма, но что внутренній духъ ея, внутренняя вѣковая правда ея пошатнулись — пошатнулись вмѣстѣ съ зашатавшимися людьми.

На этой сходкѣ происходитъ возмутительная неправда: вопреки обычаю и закону, единственнаго сына вдовы (Ивана, героя драмы) отдають въ солдаты вмѣсто одного изъ богатой семьи тройниковъ, и, что хуже всего, — это дѣлается сознательно, съ сознательнымъ неуваженіемъ къ правдѣ и обычаю, дѣлается за вино, за деньги. Тутъ даже и не подкупъ; подкупъ бы еще ничего; подкупъ можетъ быть преступленіемъ единичнымъ и исправимымъ. Нѣтъ, тутъ все почти выходитъ именно изъ сознательнаго неуваженія къ себѣ, къ своему же суду, стало быть и къ собственному бытовому строю своему. Цинизмъ уже въ томъ проявляется, что противъ обычая и древняго правила, въ началѣ сходки, міръ допускаетъ попойку: «Съ угарцемъ—то будетъ лучше судить», зубоскаля говорятъ предводители сходки. Половина этихъ собравшихся гражданъ давно уже не вѣрять въ силу мірскаго рѣшенія, а стало быть и въ необходимость его; почти считаетъ за ненужную форму, которую всегда можно обойти. Можно и должно, вопреки правдѣ и ради первой текущей выгоды. Еще немного пройдетъ и вы чувствуете, что умники поновѣе сочтутъ всю эту церемонію за одну лишь глупость, за одно лишь ненужное бремя, потому что мірской приговоръ, что бы тамъ ни было, всегда состоится такой, какого захочетъ богатый и сильный міроѣдъ, заправляющій сходкой. Такъ ужъ лучше, вмѣсто пустой формалистики, прямо и перейти подъ власть этого міроѣда. А онъ еще, вдобавокъ, и водкой будетъ поить. Вы видите, что у большинства этихъ самоуправляющихся членовъ даже и предположеніе утратилось, что рѣшеніе ихъ могло бы быть произнесено вопреки воли сильнаго человѣка; всѣ «ослабѣли»; ожирѣли сердца; всѣмъ хочется сладенькаго, матеріальной выгоды. Всѣ рабы уже по существу своему и даже представить не могутъ себѣ, какъ это можно рѣшить для правды, а не для собственной выгоды. Молодое поколѣніе тутъ присутствуетъ и смотритъ на дѣло отцовъ не только безъ уваженія, не только съ насмѣшкою, но какъ на устарѣлую дичь, именно какъ на глупую, ненужную форму, которая и держится—то всего лишь упрямствомъ двухъ—трехъ глупыхъ стариковъ, которыхъ, вдобавокъ, всегда купить можно. Такъ стоитъ и такъ ведетъ себя на сходкѣ Степанъ, тотъ испитой, плюгавый, пропившійся паренекъ, который по-

томъ продаетъ сестру свою. Всѣ эти эпизоды этой мірской сходки удались автору. И главное, Степанъ почти правъ въ томъ, что не только не понимаетъ ничего въ мірской сходкѣ, но что и нужнымъ не считаетъ ее понимать. Не могъ же онъ не видѣть, что на сходку уже допущено постороннее вліяніе купчишки, который положилъ себѣ погубить Ваньку и отбить у него дѣвку—невѣсту. Міръ выпилъ его вино и допустилъ купчишкина прикащика сказать себѣ въ слухъ, что безъ него, безъ купца—фабриканта, который фабричной работой имъ хлѣбъ даетъ, «вся бы волюсть ваша по папертямъ церковнымъ нищенствовала, а что если приговорятъ по его, то за это его степенство, купецъ, много штрафовъ народу проститъ». Дѣло, разумѣется, разрѣшается въ пользу купца и Ваньку отдають въ солдаты.

Тутъ на сходкѣ (весьма разнообразной лицами и характерами) являются два почти трагическія лица; одинъ — Наумъ Егоровъ, старикъ, уже двадцать лѣтъ сидящій на первомъ мѣстѣ на сходкѣ и заправляющій ею, и Степанида, мать Ивана. Наумъ Егорычъ — старикъ разумный, твердый, честный, съ высокой душой. На мірской приговоръ онъ смотритъ съ высшей точки. Для него это не просто сходка домохозяевъ въ такомъ—то селѣ; нѣтъ, чувствомъ онъ возвысился до понятія самага широкаго: приговоръ хотя бы только сходки села его — для него какъ бы часть приговора всей крестьянской Россіи, которая лишь міромъ и его приговоромъ вся держится и стоитъ. Но, увы, онъ слишкомъ разуменъ и не можетъ не видѣть наступившаго мірскаго шатанія и куда съ нѣкотораго времени міръ потянулъ. Неправда, злодѣйства, конечно бывали и на прежнихъ сходкахъ, двадцать лѣтъ назадъ; но неуваженія къ сходкѣ самихъ членовъ ея, неуваженія къ собственному дѣлу — не было, по крайней мѣрѣ не возводимо было въ принципъ. Дѣлали подлое, но знали что дѣлають подлое, а что есть хорошее; теперь же не вѣрють въ хорошее и даже въ необходимость его. Но все таки Наумъ, этотъ своего рода послѣдній Могиканъ, продолжаетъ вѣрить въ правду мірскую во что бы ни стало, чуть не *насилъно*, — и въ этомъ трагизмъ его. Онъ формалистъ; чувствуя что содержаніе ускользаетъ, онъ стоитъ тѣмъ крѣпче за форму. Видя что міръ пьянъ, онъ попросилъ было отложить сходку, но когда закричали что съ «угарцемъ лучше судить» — онъ покоряется: «міръ рѣшилъ, противъ міра нельзя идти». Онъ слишкомъ хорошо и съ страданіемъ понимаетъ про себя, что въ сущности наемный ихъ писаришка, Леванидъ Игнатьичъ, значитъ все и что купцовъ прикащикъ какъ прикажетъ сходкѣ рѣшить, такъ она и рѣшитъ. Но старикъ все еще, пока время, хоть насильно да обманываетъ себя; онъ прогоняетъ

Леванида съ перваго мѣста и, какъ предсѣдатель сходки, читаетъ прикащику наставленіе за невѣжливыя слова его противъ міра.

За Ваньку подымается нѣсколько правдивыхъ голосовъ, хвалятъ его, говорятъ что парень хорошій, толковый, міру нужный, что такого бы приберечь и вотъ вдругъ, между другими, раздается голосъ одной старой, хмѣльной головы: «Ну, онъ лучше всѣхъ — во его и въ рекруты!» Это уже насмѣшка надъ правдой сознательная, щегольство неправдой, игра... Самъ надъ собою шутитъ судья да еще въ такомъ дѣлѣ какъ судьба человѣческая! Наумъ слышитъ и конечно понимаетъ что кончается его «міръ». Тутъ стоитъ мать Ивана. Это баба еще не старая, сильная, гордая. Давно уже осталась она молодой вдовой. Какъ вдову ее притѣсняли, ее міръ обижалъ. Но она выдержала все, поправила домишко, подняла своего единственнаго ненагляднаго Ваню на радость, на утѣху себѣ и вотъ — слушаетъ теперь какъ міръ отнимаетъ у нея послѣднюю надежду, послѣднюю радость ея, сына. Наумъ Егорычъ, предчувствуя хмѣльное, буявое рѣшеніе міра, говоритъ поскорѣй Степанидѣ: «Эхма, а дѣлать не ча! міръ сила! Проси Степанида, проси міръ-отъ!» Но та не хочетъ просить. Та строптиво укоряетъ міръ въ неправдѣ, въ подкупѣ, въ пьяномъ рѣшеніи, въ зависти къ ея Ванѣ. «Ты, Степанида, хуже міръ-отъ злобишь!» тревожно восклицаетъ Наумъ. «Аль ты думаешь, Наумъ Егорычъ, отвѣчаетъ ему Степанида, кали-бъ я видѣла што тутъ законъ да совѣсть — тутъ водка! Кали-бъ я знала што тутъ умолить можно, да я колѣни свои стерла-бы о сырую землю, поль-отъ вымыла-бъ въ избѣ слезьми своими, голову-бъ расшибла-бъ міру кланяючись! Да тутъ не упросишь, не умолишь! Разѣ ты не видишь, — тутъ все подстроено да подлажено! сгубятъ они, вороны, яснаго сокола, заключють! За водку продаете вы души-то свои — во кому вы молитесь — водкѣ! Кто больше поднесъ — тотъ васъ и купилъ. Обидѣлъ, вишь ты, Ваня, купчину — а иль вы не знаете, што купчина-то пьяный лѣзь порочить невѣсту Ванюхину! Да вы эвто знаете! Водка-то купчины хороша! страмники вы, кровопивцы, и то въ вину поставили, что сироту безпріютнаго во дворъ взяла! Да не быть по вашему! не быть! посредственникъ Ванюшу знаетъ — въ обиду не дастъ!» (быстро уходитъ)

Эта гордая женщина — одно изъ очень удавшихъ нашему поэту лицо. Какъ хотите, господа, а это сильное мѣсто. Это, конечно, русская деревня, а лицо — простая баба, которая грамотно и говоритъ не умѣетъ, но ей Богу этотъ монологъ о стертыхъ колѣнкахъ, «еслибъ тутъ умолить было можно» — стоитъ многихъ высокихъ мѣстъ въ иныхъ трагедіяхъ въ этомъ родѣ. Тутъ нѣтъ классическихъ фразъ, красиваго языка, бѣлаго покрывала, чорныхъ горящихъ глазъ Рашели, но увѣряю

васъ, еслибъ у насъ была наша Рашель, вы содрогнулись бы въ театрѣ отъ этой сцены материнскаго проклятiя мiрскому суду, отъ всей этой неприкрашенной правды ея. Сцена кончается многозначительнымъ движенiемъ — бѣгствомъ за правдой къ «посредственнику», съ жалобой ему на мiрской приговоръ, а это тяжелое пророчество.

Указывать далѣе на всѣ лучшiя сцены этого произведенiя почти излишне. Но не могу не подѣлиться впечатлѣнiемъ и прямо скажу: рѣдко что читалъ я сильнѣе и трагичнѣе финала четвертаго акта.

Жертва, запроданная матерью и братомъ купцу, уже опоена зельемъ и заснула въ безчувствiи на печи. Матреша, эта невинная преступница, лѣзетъ на печь поглядѣть, и почти съ радостiю, почти убѣжденная что теперь осчастливила Машу, возвѣщаетъ купчишкѣ: «Готова! не пошевелинется хоть на куски изрѣжь!» Писаришка Леванидъ, товарищъ купчишки, встаетъ и уходитъ: «Жизнь вамъ купцамъ—то!» говоритъ онъ завистливо. И вотъ купчишка, передъ тѣмъ какъ лѣзть къ своей жертвѣ, приходитъ въ какой—то поэтической паѳосъ: «Потому мы теперь сила!» восклицаетъ онъ плотоядно—пророчески. «Што хотимъ то и можемъ сдѣлать! Если таперь купецъ чево вздумалъ — то и сдѣлалъ — потому сила!» — «Сила — чаго и толковать!» поддакиваетъ братъ жертвы. Затѣмъ лишнiе выходятъ изъ избы, негодяй лѣзетъ къ Машѣ, а пьяная мать, продавшая свою невинную дочь, невѣсту несчастнаго Вани, въ пьяномъ безчувствiи тутъ же валится на полъ и засыпаетъ въ ногахъ пьянаго безъ просыпу отца этого счастливаго семейства... «Пить до дна — не видать добра!»

Не указываю на всѣ эти поражающiя своею дальнѣйшей правдой черты ужасной картины, — на этихъ преступниковъ, почти не понимающихъ своего преступленiя; на понимающихъ, но уже не имѣющихъ права проклясть его, какъ пьяный отецъ семьи, на примѣръ, которому дочь трагически бросаетъ въ глаза обвиненiе и дочернее свое проклятiе... Есть черты чрезвычайно тонко замѣченныя: эта очнувшаяся Маша, въ первыя минуты хотѣвшая убить себя, надѣваетъ однако оставленный ей у матери купчишкой шолковый сарафанъ, но надѣваетъ изъ злорадства, *для мученiя*, для того чтобъ истерзать себя еще больше: «вотъ, дескать, сама теперь потаскухой стала!» Вотъ разговоръ «невинной» матери и «невинной» Матрешы, на другой день послѣ бѣды:

Матрешка (входитъ). Здорово, тетка Арина! Што у васъ тутъ дѣется? Вчера—то я признаться и побоялась придти—то къ вамъ!

Арина. И—и—и, дѣвынька, што страховъ—отъ натерпѣлись! страсти! Какъ по утра—то узнала дѣвка, схватила ножъ, да насъ—то маненько не перерѣзала, а по

томъ себя! Ужъ насилу, насилу мы съ ней сладили! Степку таперь на глаза не пуца-етъ!

Матрешка. Сказывалъ онъ мнѣ!

Арина. Ну, къ вечеру—то, знашь, отпустило ее, — стала она таперь словно ка-мень! Богъ, говоритъ, меня, говоритъ, наказалъ за Матрешку, таперь — говоритъ — сама такажъ! Нонѣ, дѣвынька, дала я ей сараханъ—отъ што Силантій Савельичъ у тебя ей—то купилъ, она надѣла — Матрешкой, говоритъ, стала, ее и сарафанъ на-дыть! во штò!

Матрешка. Гдѣ—жъ она таперь?

Арина. И—и—и, дѣвынька, уйдетъ въ сарай, *зароется въ солому, да ничкомъ и лежитъ!*

Матрешка. Какъ—бы рукъ на себя не наложила съ горяча—то!

Но жертва не наложила на себя рукъ: «Страшно стало» потомъ—то, говоритъ она сама. Нашъ поэтъ богатъ психологическимъ знаніемъ на-рода. Вотъ и Ваня, являющійся внезапно отъ посредника, къ которому на сутки отлучился. Поэтъ не пощадилъ своего героя, для реальной правды: Иванъ въ первое мгновеніе, въ бестіальной ярости, обвиняетъ одну Машу, онъ несправедливъ и отвратителенъ, но понявъ, наконецъ, какъ было дѣло, онъ какъ бы невольно предложилъ было Машѣ идти за него и *такъ*. Но автору слишкомъ хорошо извѣстно, что въ нашемъ на-родномъ быту это почти невысказуемо, если только дѣло носить честный характеръ. Обезчещенная дѣвушка, хоть и обманомъ, хоть и безъ вины, считается все—таки уже не чистою, если не совсѣмъ безчестною. Да и сама Маша горда: «Не марайся объ меня, Ваня!» кричитъ она, «уйди! Прощай, Ваня!» и затѣмъ, въ послѣднемъ монологѣ, быстро подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ водки, обводитъ всѣхъ горячимъ взглядомъ и съ отчаяннымъ, злораднымъ вывертомъ кричитъ:

«Ну, што—же приуныли? Радуйтесь, ваше дѣло! Матушка! батюшка! пить давайте, гулять! Не одинъ ты, батюшка, будешь по кабакамъ—то шляться! съ дочкой! Скучно, матушка, пить одной—то было, вдвоемъ те-перь съ дочкой! Заливай вино! потопаи ты мое горе, мою совѣсть!»

И подноситъ стаканъ къ губамъ. Тѣмъ кончается драма.

Не говорю что тутъ совсѣмъ нѣтъ ошибокъ; но въ этомъ произве-деніи такъ много истинныхъ достоинствъ, что ошибки эти почти ни-чтожны. Напримѣръ, тонъ Маши, въ монологѣ четвертаго акта, который заканчиваетъ она прелестнымъ, высокимъ душевнымъ движеніемъ: «те-

перъ легко таково стало!» — Этотъ тонъ немного ужъ слишкомъ пѣвучъ. Правда, это почти не монологъ, а дума, чувство, — тѣ самыя думы и чувства, подъ вліяніемъ которыхъ у русскихъ людей, съ сердцемъ и поэзіей, сложились и всѣ пѣсни русскаго народа. Поэтому и дума Маши, по существу въ высшей степени вѣрная и натуральная, могла выдти по формѣ своей нѣсколько какъ бы лиричною. Но у искусства есть предѣлы и правила, и монологъ могъ бы быть покороче. Можетъ быть не совсѣмъ вѣренъ и тонъ Маши въ концѣ драмы, уже послѣ катастрофы: лучше было бы еслибъ она говорила капельку менѣе. Ужасныя слова ея отцу гораздо бы сильнѣе выдались, еслибъ тоже были покороче и не такъ пѣвучи. Но все это поправимо, авторъ очень можетъ исправить это во второмъ изданіи и, повторяемъ, сравнительно съ безспорными достоинствами его произведенія, все это почти мелочи. Хорошо еще, еслибъ авторъ выбросилъ изъ своей драмы совсѣмъ появленіе въ концѣ ея (и во все ненужное) добродѣтельнаго старика фабриканта, толкующаго чуть—ли не о нашихъ «долгахъ народу». Появленіе его тѣмъ болѣе нелѣпо, что это тотъ самый фабрикантъ, который закабалилъ весь окрестный людъ, замучилъ произвольными штрафами и кормить работниковъ гнилою пищею. Наконецъ, самъ хозяинъ дома, Захаръ, вышелъ нѣсколько не ясенъ. Въ собственномъ объясненіи его отчего онъ запилъ — есть какъ бы какая—то фальшь, что—то необъясненное и натянутое: межъ тѣмъ дѣло могло быть выставлено гораздо проще и натуральнѣе.

Впрочемъ, это только мое мнѣніе и я могу ошибиться, но увѣренъ, что не ошибаюсь въ твердыхъ достоинствахъ этого серьезнаго произведенія. Мнѣ слишкомъ пріятно было подѣлиться моимъ впечатлѣніемъ съ читателями. Серьознѣе ничего, по крайней мѣрѣ, не появилось въ нашей литературѣ за послѣднее и, можетъ быть, довольно длинное время...

ХІІІ.

Маленькія картинки.

1.

Лѣто, каникулы; пыль и жаръ, жаръ и пыль. Тяжело оставаться въ городѣ. Всѣ разъѣхались. На дняхъ принялся—было за перечитываніе накопившихся въ редакціи рукописей... Но о рукописяхъ послѣ, хотя о нихъ есть что сказать. Хочется воздуху, воли, свободы; но вмѣсто воздуха и свободы бродишь одинъ безъ цѣли по засыпанному пескомъ и из-

весткой улицамъ и чувствуешь себя какъ—бы кѣмъ—то обиженнымъ — право, ощущеніе какъ будто похожее. Извѣстно что половина горя долой лишь бы подыскать когонибудь виноватаго въ немъ передъ вами, и тѣмъ досаднѣе если подыскать рѣшительно некого...

На дняхъ переходилъ Невскій проспектъ съ солнечной стороны на тѣневую. Извѣстно что Невскій проспектъ переходишь всегда съ осторожностью, не то мигомъ раздавятъ, — лавируешь, присматриваешься, улучаешь минуту, прежде чѣмъ пуститься въ опасный путь, и ждешь чтобы хоть капельку разчистилось отъ несущихся одинъ за другимъ, въ два или три ряда, экипажей. Зимой, за два—за три дня передъ Рождествомъ, напримѣръ, переходитъ особенно интересно: сильно рискуете, особенно если бѣлый морозный туманъ съ разсвѣта опустится на городъ, такъ что въ трехъ шагахъ едва различаешь прохожаго. Вотъ проскользнулъ кое—какъ мимо первыхъ рядовъ каретъ и извозчиковъ, несущихся въ сторону Полицейскаго моста и радуешься что уже не боишься ихъ: топотъ и грохотъ и сильные окрики кучеровъ остались за вами, но однако и некогда радоваться: вы только достигли середины опаснаго перехода, а дальше — рискъ и полная неизвѣстность. Вы быстро и тревожно осматриваетесь и наскоро придумываете какъ бы проскользнуть и мимо втораго ряда экипажей, несущихся уже въ сторону Аничкова моста. Но чувствуете что и думать ужъ некогда и къ тому же этотъ адскій туманъ: слышны лишь топотъ и крики, а видно кругомъ лишь на сажень. И вотъ вдругъ, внезапно раздаются изъ тумана быстрые, частые, сильно приближающіеся твердые звуки, страшные и зловѣщіе въ эту минуту, очень похожіе на то какъ если бы шесть или семь человѣкъ сѣчками рубили въ чанѣ капусту. «Куда дѣваться? Впередъ или назадъ? Успѣю иль нѣтъ?» И — благо вамъ что остались: изъ тумана, на разстояніи лишь одного шагу отъ васъ вдругъ вырѣзывается сѣрая морда жарко—дышущаго рысака, бѣшено несущагося со скоростію желѣзнодорожнаго курьерскаго поѣзда: пѣна на удилахъ, дуга на отлетѣ, возжи натянуты, а красивыя сильныя ноги съ каждымъ взмахомъ быстро, ровно и твердо отмѣриваютъ по сажени. Одинъ мигъ, отчаянный окрикъ кучера и — все мелькнуло и пролетѣло, изъ тумана въ туманъ, и топотъ и рубка и крики все исчезло опять, какъ видѣніе. Подлинно петербургское видѣніе! Вы креститесь и уже почти презирая второй рядъ экипажей, такъ пугавшій васъ за минуту, быстро достигаете желаннаго тротуара еще весь дрожа отъ перенесеннаго впечатлѣнія и, — странно, — ощущая въ то же время неизвѣстно почему и какое—то отъ него удовольствіе, и вовсе не потому что избѣгли опасности, а именно потому что ей подвергались. Удовольствіе ретроградное, я не спорю, и къ тому же въ нашъ вѣкъ бесполезное,

тѣмъ болѣе что надо бы было напротивъ протестовать, а не ощущать удовольствіе, ибо рысакъ въ высшей степени не либералень, напоминаетъ гусара или кутящаго купчика, а стало быть неравенство, нахальство, la tyrannie¹ и т. д. Знаю и не спорю, но теперь я хочу лишь докончить. И такъ на дняхъ, съ привычною зимнею осторожностію, стало было я переходить черезъ Невскій проспектъ и вдругъ, очнувшись отъ задумчивости, въ удивленіи остановился на самой серединѣ перехода: ни кого-то нѣтъ, ни одного экипажа, хоть бы какія нибудь дребезжащія извожичьи дрожки! Мѣсто пусто сажень на пятьдесятъ въ обѣ стороны, хоть остановитесь разсуждать съ пріятелемъ о русской литературѣ — до того безопасно! Даже обидно. Когда это бывало?

Пыль и жаръ, удивительные запахи, взрытая мостовая и перестраивающіеся дома. Все больше отдѣлываютъ фасады со стараго на новое, для шику, для характеристики. Удивительна мнѣ эта архитектура нашего времени. Да и вообще архитектура всего Петербурга чрезвычайно характеристична и оригинальна и всегда поражала меня, — именно тѣмъ что выражаетъ всю его безхарактерность и безличность за все время существованія. Характернаго въ положительномъ смыслѣ, своего собственного, въ немъ развѣ только вотъ эти деревянные, гнилые домишки, еще уцѣлѣвшіе даже на самыхъ блестящихъ улицахъ, рядомъ съ громаднѣйшими домами и вдругъ поражающія вашъ взглядъ словно куча дровъ возлѣ мраморнаго палаццо. Что же касается до палаццовъ, то въ нихъ-то именно и отражается вся безхарактерность идеи: вся отрицательность сущности петербургскаго періода, съ самаго начала его до конца. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ такого города какъ онъ; въ архитектурномъ смыслѣ онъ отраженіе всѣхъ архитектуръ въ мірѣ, всѣхъ періодовъ и модъ; все постепенно заимствовано и все по своему перековеркано. Въ этихъ зданіяхъ, какъ по книгѣ, прочтете всѣ наплывы всѣхъ идей и идеекъ, правильно или внезапно залетавшихъ къ намъ изъ Европы и постепенно насъ одолѣвавшихъ и полонившихъ. Вотъ безхарактерная архитектура церкви прошлаго столѣтія, вотъ жалкая копія въ римскомъ стилѣ начала нашего столѣтія, а вотъ и эпоха возрожденія и отысканный, будто бы, архитекторомъ Тономъ, въ прошлое царствованіе, типъ древняго византійскаго стиля. Вотъ затѣмъ нѣсколько зданій — больницъ, институтовъ и даже дворцовъ, первыхъ и десятыхъ годовъ нашего столѣтія, — это стиль времени Наполеона перваго — огромно, псевдо-величественно и скучно до невѣроятности, что то натянутое и придуманное тогда нарочно, вмѣстѣ съ пчелами на наполеоновской порфирѣ, для выраженія величія вновь наступившей тогда эпохи и неслыханной династіи, претен-

---

¹ деспотизм (франц.).

довавшей на бесконечность. Вотъ, потомъ, дома, или почти дворцы иныхъ нашихъ дворянскихъ фамилій, но гораздо позднѣйшаго времени. Это ужъ на манеръ иныхъ итальянскихъ палаццо или не совсѣмъ чистый французскій стиль до-революціонной эпохи. Но тамъ, въ венеціанскихъ или римскихъ палаццо, отжили или еще отживаютъ жизнь свою цѣлыя поколѣнія древнихъ фамилій, одно за другимъ, въ теченіе столѣтій. У насъ же поставили наши палаццы всего только въ прошлое царствованіе, но тоже, кажется, съ претензіей на столѣтія: слишкомъ ужъ крѣпкимъ и ободрительнымъ казался установившійся тогдашній порядокъ вещей, и въ появленіи этихъ палаццо какъ бы выразилась вся вѣра въ него: тоже вѣка собирались прожить. Пришлось однако же все это почти наканунѣ крымской войны, а потомъ и освобожденія крестьянъ... Мнѣ очень грустно будетъ если когда нибудь на этихъ палаццахъ прочту вывѣску трактира съ увеселительнымъ садомъ или французскаго отеля для пріѣзжающихъ. И наконецъ — вотъ архитектура современной, огромной гостиницы — это уже дѣловитость, американизмъ, сотни номеровъ, огромное промышленное предпріятіе: тотчасъ же видно что и у насъ явились желѣзныя дороги и мы вдругъ очутились дѣловыми людьми. А теперь, теперь... право не знаешь какъ и опредѣлить теперешнюю нашу архитектуру. Тутъ какая-то безалаберщина, совершенно, впрочемъ, соотвѣтствующая безалаберности настоящей минуты. Это — множество чрезвычайно высокихъ (первое дѣло высокихъ) домовъ подъ жильцовъ, чрезвычайно, говорятъ, тонкостѣнныхъ и скупо-выстроенныхъ, съ изумительною архитектурою фасадовъ: тутъ и Растрели, тутъ и позднѣйшее рококо, дожевскіе балконы и окна, непременно Тьль-де-бѣфы и непременно пять этажей и все это въ одномъ и томъ же фасадѣ. «Дожевское-то окно ты мнѣ, братецъ, поставь неотмѣнно, потому чѣмъ я хуже какого нибудь ихняго голоштаннаго дожа; ну а пять то этажей ты мнѣ все-таки выведи жильцовъ пускать; окно-окномъ, а этажи чтобы этажами; не могу же я изъ-за игрушекъ всего нашего капитала рѣшиться». Впрочемъ я не петербургскій фельетонистъ и не объ томъ совсѣмъ заговорилъ. Началъ объ редакціонныхъ рукописяхъ, а свелъ на чужое дѣло.

2.

Пыль и жаръ. Говорятъ для оставшихся въ Петербургѣ открыто нѣсколько садовъ и увеселительныхъ заведеній, гдѣ можно «подышать» свѣжимъ воздухомъ. Не знаю есть ли тамъ чѣмъ подышать, но я нигдѣ еще не былъ. Въ Петербургѣ лучше, душнѣе, грустнѣе. Ходишь, созерцаешь, одинъ одинешенекъ — это лучше чѣмъ свѣжій воздухъ увесели-

тельныхъ петербургскихъ садовъ. Къ тому же и въ городѣ открылось вдругъ множество садовъ, тамъ гдѣ ихъ вовсе не подозрѣвали. Почти на каждой улицѣ встрѣтите теперь, при входѣ въ какія-нибудь ворота, иногда заваленныя известкой и кирпичемъ, надпись: «входъ въ садъ трактира». Тамъ, на дворѣ, гдѣ нибудь передъ старымъ флигелькомъ былъ, лѣтъ сорокъ назадъ, отгороженъ какой нибудь палисадникъ, шаговъ десяти длиною и пяти шириною; ну, вотъ это то и есть теперь «садъ трактира». Скажите, отчего въ Петербургѣ гораздо грустнѣе по воскресеніямъ, чѣмъ въ будни? отъ водки? Отъ пьянства? Оттого что пьяные мужики валяются и спятъ на Невскомъ проспектѣ среди бѣлаго... вечера какъ я самъ это видѣлъ? Не думаю. Гуляки изъ рабочаго люда мнѣ не мѣшаютъ и я къ нимъ, оставшись теперь въ Петербургѣ, совсѣмъ привыкъ, хотя прежде терпѣть не могъ, даже до ненависти. Они ходятъ по праздникамъ пьяные, иногда толпами, давятъ и натыкаются на людей — не отъ буянства, а такъ, потому что пьяному нельзя не натекаться и не давить; сквернословятъ вслухъ, не смотря на цѣлыя толпы дѣтей и женщинъ, мимо которыхъ проходятъ — не отъ нахальства, а такъ, потому что пьяному и нельзя имѣть другаго языка кромѣ сквернословнаго. Именно это языкъ, цѣлый языкъ, я въ этомъ убѣдился недавно, языкъ самый удобный и оригинальный, самый приспособленный къ пьяному или даже лишь къ хмѣльному состоянію, такъ что онъ совершенно не могъ не явиться, и еслибъ его совсѣмъ не было — *il faudrait l'inventer*.¹ Я вовсе не шутя говорю. Разсудите: Извѣстно что въ хмѣлю, первымъ дѣломъ, связанъ и туго ворочается языкъ во рту, наплывъ же мыслей и ощущеній у хмѣльнаго, или у всякаго не какъ стелька пьянаго человѣка почти удесятеряется. А потому естественно требуется чтобы былъ отысканъ такой языкъ, который могъ бы удовлетворять этимъ обоимъ, противоположнымъ другъ другу состояніямъ. Языкъ этотъ уже споконъ вѣку отысканъ, и принятъ во всей Руси. Это просто за просто названіе одного нелексиконнаго существительнаго, такъ что весь этотъ языкъ состоитъ изъ одного только слова, чрезвычайно удобно-произносимаго. Однажды въ воскресеніе, уже къ ночи, мнѣ пришлось пройти шаговъ съ пятнадцать рядомъ съ толпой шестерыхъ пьяныхъ мастеровыхъ, и я вдругъ убѣдился что можно выразить всѣ мысли, ощущенія и даже цѣлыя, глубокія разсужденія, однимъ лишь названіемъ этого существительнаго, до крайности къ тому же немногосложнаго. Вотъ одинъ парень рѣзко и энергически произноситъ это существительное, чтобы выразить объ чемъ то, объ чемъ раньше у нихъ общая рѣчь зашла, свое самое презрительное отрицаніе. Другой въ отвѣтъ ему повторяетъ это же самое су-

¹ его следовало бы выдумать (франц.).

существительное, но совсѣмъ уже въ другомъ тонѣ и смыслѣ, — именно въ смыслѣ полного сомнѣнія въ правдивости отрицанія перваго парня. Третій вдругъ приходитъ въ негодованіе противъ перваго парня, рѣзко и азартно ввязывается въ разговоръ и кричитъ ему тоже самое существительное, но въ смыслѣ уже брани и ругательства. Тутъ ввязывается опять второй парень въ негодованіи на третьяго, на обидчика, и останавливаетъ его въ такомъ смыслѣ, «что дескать чтожь ты такъ парень влетѣлъ? мы разсуждали спокойно, а ты откуда взялся — лѣзешь Фильку ругать!» И вотъ всю эту мысль онъ проговорилъ тѣмъ же самымъ однимъ заповѣднымъ словомъ, тѣмъ же крайне односложнымъ названіемъ одного предмета, развѣ только что поднялъ руку и взялъ третьяго парня за плечо. Но вотъ вдругъ четвертый паренекъ, самый молодой изъ всей партіи, доселѣ молчавшій, должно быть вдругъ отыскавъ разрѣшеніе первоначальнаго затрудненія, изъ-за котораго вышелъ споръ, въ восторгѣ, приподымая руку кричитъ... Эврика, вы думаете? Нашель, нашель? Нѣтъ, совсѣмъ не Эврика и не нашель; онъ повторяетъ лишь тоже самое не лексиконное существительное, одно только слово, всего одно слово, но только съ восторгомъ, съ визгомъ упоенія, и кажется слишкомъ ужъ сильнымъ, потому что шестому, угрюмому и самому старшему парню это не «показалось» и онъ мигомъ осаживаетъ молокососный восторгъ паренюка, обращаясь къ нему, и повторяя угрюмымъ и назидательнымъ басомъ... да все тоже самое запрещенное при дамахъ существительное, что впрочемъ ясно и точно обозначало: «чего орешь, глотку дерешь!» И такъ не проговоря ни единого другаго слова они повторили это одно только излюбленное ими словечко шесть разъ къ ряду, одинъ за другимъ, и поняли другъ друга вполнѣ. Это фактъ, которому я былъ свидѣтелемъ. Помилуйте! закричалъ я имъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, (я былъ въ самой серединѣ толпы) всего только десять шаговъ прошли, а шесть разъ (имя рекъ) повторили! Вѣдь это срамежъ! Ну не стыдно ли вамъ?

Всѣ вдругъ на меня уставились, какъ смотрятъ на нѣчто совсѣмъ неожиданное и на мигъ замолчали; я думалъ выругаютъ, но не выругали, а только молоденькій паренекъ, пройдя уже шаговъ десять, вдругъ повернулся ко мнѣ и на ходу закричалъ:

— А ты что же самъ-то семь разъ *его* поминаешь, коли на насъ шесть разовъ насчиталъ?

Раздался взрывъ хохота и партія прошла уже не беспокоясь болѣе обо мнѣ.

3.

Нѣтъ я не про этихъ гулякъ говорю, и не отъ нихъ мнѣ такъ особенно грустно по воскресеніямъ. Я недавно съ большимъ удивленіемъ открылъ что есть въ Петербургѣ мужики, мѣщане и мастеровые совершенно трезвые, совсѣмъ ничего не «употребляющіе» даже и по воскресеніямъ; и не это собственно меня удивило, а то что ихъ несравненно кажется больше, чѣмъ я предполагалъ до сихъ поръ. Ну вотъ на этихъ то мнѣ смотрѣтъ еще грустнѣе, чѣмъ на пьяныхъ гулякъ, и не то чтобъ отъ состраданія къ нимъ; вовсе нѣтъ и причины имъ сострадать; а такъ приходитъ въ голову все какая-то странная мысль... По воскресеніямъ къ вечеру (по буднямъ ихъ совсѣмъ не видать) очень много этого, всю недѣлю занятаго работою, но совершенно трезваго люда выходитъ на улицы. Выходитъ именно погулять. Я замѣтилъ что на Невскій они никогда не заходятъ, а такъ все больше прохаживаются около своихъ же домовъ, или идутъ «прохладно» возвращаясь съ семействами откуда-нибудь изъ гостей. (Семейныхъ мастеровыхъ, тоже кажется очень въ Петербургѣ много). Идутъ они степенно и съ ужасно серьезными лицами, точно и не на прогулкѣ, очень мало разговаривая другъ съ другомъ, особенно мужья съ женами, почти совсѣмъ молча, но всегда разодѣтые по праздничному. Наряды плохи и стары, на женщинахъ пестры, но все вычищено и вымыто къ празднику, нарочно можетъ быть къ этому часу. Есть которые и въ русскихъ платьяхъ, но много и въ нѣмецкихъ и брѣющихъ бороду. Досаднѣе всего что они кажется дѣйствительно и серьезно воображаютъ что этакъ прохаживаясь доставляютъ себѣ несомнѣнное воскресное удовольствіе. Ну какое бы кажется удовольствіе на этой широкой, оголенной, пыльной улицѣ, пыльной еще послѣ заката солнца? То-то и есть, что имъ и это кажется раемъ; всякому значить свое.

Очень часто они съ дѣтьми; дѣтей тоже очень много въ Петербургѣ, а еще говорятъ что они въ немъ ужасно какъ мрутъ. Всѣ эти дѣти, какъ я замѣтилъ, большею частью всегда почти маленькія, перваго возраста, едва ходятъ или совсѣмъ еще не умѣютъ ходить; не потому ли и такъ мало дѣтей постарше, что не доживаютъ и умираютъ? Вотъ замѣчаю въ толпѣ одинокаго мастерового, но съ ребенкомъ, съ мальчикомъ, — одинокіе оба и видъ у нихъ у обоихъ такой одинокій. Мастеровому лѣтъ тридцать, испитое и нездоровое лицо. Онъ нарядился по праздничному: нѣмецкій сюртукъ, истертый по швамъ, потертыя пуговицы и сильно засалившійся воротникъ сюртука; панталоны «случайные», изъ третьихъ рукъ съ толкучаго рынка, но все вычищено по возможности. Коленкоровая манишка и галстухъ, шляпа цилиндръ очень смятая, бороду брѣетъ.

Должно быть гдѣ нибудь въ слесарной или чѣмъ нибудь въ типографіи. Выраженіе лица мрачно—угрюмое, задумчивое, жесткое, почти злое. Ребенка онъ держитъ за руку, и тотъ колыхается за нимъ, кое—какъ перекачиваясь. Это мальчикъ лѣтъ двухъ съ небольшимъ, очень слабенькій, очень блѣдненькій, но одѣтъ въ кафтанчикъ, въ сапожкахъ съ красной оторочкой и съ павлиньимъ перышкомъ на шляпѣ. Онъ усталъ; отецъ ему что—то сказалъ, можетъ быть просто сказалъ, а вышло что какъ будто прикрикнулъ. Мальчикъ притихъ. Но прошли еще шаговъ пять и отецъ нагнулся, бережно поднялъ ребенка, взялъ на руки и понесъ. Тотъ привычно и довѣрчиво прильнулъ къ нему, обхватилъ его шею правой ручкой и съ дѣтскимъ удивленіемъ сталъ пристально смотрѣть на меня: «Чего дескать я иду за ними и такъ смотрю?» Я кивнулъ было ему головой и улыбнулся, но онъ нахмурилъ бровки и еще крѣпче ухватился за отцовскую шею. Друзья должно быть оба большіе.

Я люблю, бродя по улицамъ, присматриваться къ инымъ совсѣмъ незнакомымъ прохожимъ, изучать ихъ лица и угадывать: кто они, какъ живутъ, чѣмъ занимаются и что особенно ихъ въ эту минуту интересуетъ. Про мастерового съ мальчикомъ мнѣ пришло тогда въ голову, что у него, всего только съ мѣсяцъ тому, умерла жена и почему—то непременно отъ чахотки. За сироткой—мальчикомъ (отецъ всю недѣлю работаетъ въ мастерской) пока присматриваетъ какая нибудь старушонка въ подвальномъ этажѣ, гдѣ они нанимаютъ каморку, а можетъ быть всего только уголь. Теперь же, въ воскресеніе, вдовецъ съ сыномъ ходили куда нибудь далеко на Выборгскую къ какой нибудь единственной оставшейся родственницѣ, всего вѣрнѣе къ сестрѣ покойницы, къ которой не очень то часто ходили прежде и которая замужемъ за какимъ нибудь унтеръ—офицеромъ съ нашивкой и живетъ непременно въ какомъ нибудь огромнѣйшемъ казенномъ домѣ и тоже въ подвальномъ этажѣ, но особнячкомъ. Та можетъ быть повздыхала о покойницѣ, но не очень; вдовецъ навѣрно тоже не очень вздыхалъ во время визита, но все время былъ угрюмъ, говорилъ рѣдко и мало, непременно свернулъ на какой нибудь дѣловой специальный пунктъ, но и о немъ скоро пересталъ говорить. Должно быть поставили самоваръ, выпили въ прикуску чайку. Мальчикъ все время сидѣлъ на лавкѣ въ углу, хмурился и дичился, а подъ конецъ задремалъ. И тетка и мужъ ея мало обращали на него вниманія, но молочка съ хлѣбцомъ наконецъ—таки дали, при чемъ хозяинъ унтеръ—офицеръ, до сихъ поръ необращавшій на него никакого вниманія что нибудь съострилъ про ребенка въ видѣ ласки, но что нибудь очень соленое и неудобное, и самъ (одинъ впрочемъ) тому разсмѣялся, а вдовецъ, напротивъ, именно въ эту минуту строго и неизвѣстно за что

прикрикнулъ на мальчика, вслѣдствіе чего тому немедленно захотѣлось аа и тутъ отецъ уже безъ крику и съ серьезнымъ видомъ вынесъ его на минутку изъ комнаты... Простились также угрюмо и чинно какъ и разговоръ вели, съ соблюденіемъ всѣхъ вѣжливостей и приличій. Отецъ сгребъ на руки мальчика и понесъ домой, съ Выборгской на Литейную. Завтра опять въ мастерскую, а мальчикъ къ старушонкѣ. И вотъ ходишь — ходишь и все этакія пустыя картинки и придумываешь для своего развлечения. Никакого въ этомъ нѣтъ толку и «ничего поучительнаго нельзя извлечь». Оттого и беретъ хандра по воскресеніямъ, въ каникулы, на пыльныхъ и угрюмыхъ петербургскихъ улицахъ. Что, не приходило вамъ въ голову что въ Петербургѣ угрюмыя улицы? Мнѣ кажется это самый угрюмый городъ какой только можетъ быть на свѣтѣ!

Правда и въ будни выносятъ дѣтей во множествѣ, но по воскресеніямъ къ вечеру ихъ является на улицахъ чуть не въ десятеро болѣе. Какія все испитыя, какія блѣдныя, худосочныя, малокровныя и какія у нихъ угрюмыя личики, особенно у тѣхъ, которыя еще на рукахъ; а тѣ которыя уже ходятъ — всѣ съ кривыми ножками и всѣ на ходу сильно колыхаются изъ стороны въ сторону. Почти всѣ, впрочемъ, тщательно приодѣты. Но Боже мой, ребенокъ что цвѣтокъ, что листокъ завязавшійся весною на деревѣ; ему надо свѣту, воздуху, воли, свѣжей пищи и вотъ, вмѣсто всего этого, душный подвалъ, съ какимъ нибудь кваснымъ или капустнымъ запахомъ, страшное зловоніе по ночамъ, нездоровая пища, тараканы и блохи, сырость, влага текущая со стѣнъ, а на дворѣ — пыль, кирпичъ и известка.

Но они любятъ своихъ блѣдныхъ и худосочныхъ дѣтей. Вотъ маленькая трехлѣтняя дѣвочка, хорошенькая и въ свѣжемъ платьицѣ, спѣшитъ къ матери, которая сидитъ у воротъ, въ большомъ обществѣ, сошедшемся со всего дома часокъ—другой поболтать. Мать болтаетъ, но глазомъ наблюдаетъ ребенка, играющаго отъ нея въ десяти шагахъ. Дѣвочка нагнулась что—то поднять, какой—то камушекъ, и неосторожно наступила на свой подолъ ножками и вотъ никакъ распрямиться не можетъ, раза два попробовала, упала и заплакала. Мать приподнялась было къ ней на помощь, но я поднялъ дѣвочку раньше. Она выпрямилась, быстро и любопытно на меня посмотрѣла, еще со слезинками на глазахъ, и вдругъ бросилась, немного въ испугѣ и въ дѣтскомъ смущеніи, къ матери. Я подошелъ и учтиво освѣдомился сколько дѣвочкѣ лѣтъ; мать привѣтливо, но очень сдержанно мнѣ отвѣтила. Я сказалъ что и у меня такая же дѣвочка; на это уже не послѣдовало отвѣта: «Можетъ ты и хорошій человекъ» — молча глядѣла на меня мать — «да только что—жъ тебѣ тутъ стоять, проходилъ—бы мимо». Вся разговорив-

шяся публика тоже затихла и тоже какъ будто это же самое думала. Я притронулся къ шляпѣ и прошелъ мимо.

Вотъ другая дѣвочка на бойкомъ перекресткѣ отстала отъ матери, которая до сихъ поръ ее вела за руку. Правда бабенка вдругъ увидала, шагахъ въ пятнадцать отъ себя товарку, пришедшую ее навѣстить, и надѣясь что ребенокъ знаетъ дорогу, бросила его ручку и пустилась бѣгомъ встрѣчать гостью, но ребенокъ, оставшійся вдругъ одинъ, испугался и закричалъ, въ слезахъ догоняя мать.

Сѣдой и совсѣмъ незнакомый прохожій мѣщанинъ съ бородой вдругъ останавливаетъ на дорогѣ незнакомую ему бѣгущую женщину и схватываетъ ее за руку:

— Чего разбѣжалась! Вишь ребенокъ сзади кричитъ; такъ нельзя; испужаться можетъ.

Бабенка хотѣла что-то бойко ему возразить, но не возразила, одумалась; безо всякой досады и нетерпѣнія взяла на руки добѣжавшую къ ней дѣвочку и уже чинно пошла къ своей гостьѣ. Мѣщанинъ строго выждалъ до конца и направился своей дорогою.

Пустыя, самыя пустыя картинки, которыя даже совѣстно вносить въ дневникъ. Впредь постараюсь быть гораздо серьезнѣе.

XIV. Учителю.

За прошлыя мои три маленькія картинки («Гражданинъ» № 29) московскій фельетонистъ обругалъ меня въ нашемъ петербургскомъ «Голосѣ» (№ 210), — кажется изъ цѣломудрія, за то что я, въ картинкѣ № 2, заговоривъ о сквернословномъ языкѣ нашего хмѣльнаго народа упомянулъ, ужь конечно не называя прямо, объ одномъ неприличномъ предметѣ... «Мнѣ и въ голову не могло придти, до чего можетъ дописаться фельетонистъ, когда у него нѣтъ подъ рукой подходящаго матерьяла», говоритъ обо мнѣ московскій мой обличитель. И такъ выходитъ что я прибѣгнулъ къ неприличному предмету единственно для оживленія моего фельетона, для сока, для кайенскаго перцу...

Вотъ это мнѣ грустно; а я то даже думалъ что заключать изъ моего фельетона именно противоположное, т. е. что изъ огромнаго матеріала я вывелъ мало. Я думалъ что названіе спасетъ меня: маленькія картинки, а не большія, съ маленькихъ не такъ спросятъ. Я и набросалъ лишь

нѣсколько грустныхъ мыслей о праздничномъ времяпрепровожденіи черно-рабочаго петербургскаго люда. Скучность ихъ радостей, забавъ, скудость ихъ духовной жизни, подвалы гдѣ возрастаютъ ихъ блѣдныя, золотушныя дѣти, скучная, вытянутая въ струнку широкая петербургская улица какъ мѣсто ихъ прогулки, этотъ молодой мастеровой — вдовецъ съ ребенкомъ на рукахъ (картинка истинная) — все это мнѣ показалось матерьяломъ для фельетона достаточнымъ, такъ что, повторяю, можно было-бы упрекнуть меня совершенно въ обратномъ смыслѣ, — т. е. что я мало изъ такого богатаго матерьяла сдѣлалъ. Меня утѣшало что я хоть намекнулъ на мой главный выводъ, т. е. что въ огромномъ большинствѣ народа нашего, даже и въ петербургскихъ подвалахъ, даже и при самой скудной духовной обстановкѣ, — есть все-таки стремленіе къ достоинству, къ нѣкоторой порядочности, къ истинному самоуваженію; сохраняется любовь къ семьѣ, къ дѣтямъ. Меня особенно поразило, что они такъ дѣйствительно и даже съ нѣжностію любятъ своихъ болѣзненныхъ дѣтей; я именно обрадовался мысли, что безпорядки и безчинства въ семейномъ быту народа, даже среди такой обстановки какъ въ Петербургѣ, все же пока исключенія, хотя быть можетъ и многочисленныя, и думалъ подѣлиться этимъ свѣжимъ впечатлѣніемъ съ читателями. Я какъ разъ прочелъ передъ тѣмъ въ одномъ фельетонѣ преоткровенное признаніе одного ужъ конечно умнаго человѣка, по поводу вышедшей одной официальной книги, — именно что заниматься вопросомъ о томъ: полезна или не полезна была народу реформа? — есть въ сущности вопросъ праздный; что еслибъ даже и не полезна она оказалась народу, то все равно, проваливайся все, а реформа должна была совершиться (и въ этомъ пожалуй много правды, на основаніи *pereat mundus*¹, не смотря на постановку вопроса). И наконецъ, что касается собственно до народа, до мужиковъ, то — признался фельетонистъ весьма явственно — «это вѣдь и правда, что собственно народъ нашъ не стоилъ реформы» — «и что если мы до реформы, въ литературѣ и публицистикѣ, вѣнчали лаврами и розами, съ г.г. Марко-Вовчкомъ и Григоровичемъ, мужиковъ, то вѣдь мы очень хорошо знаемъ, что вѣнчали только вшивыя головы... Но нужно было это тогда для подживленія дѣла» и т. д. и т. д. Вотъ сущность мысли (изложеніе мое не буквальное) выраженной въ фельетонѣ съ такою откровенностію и уже безъ малѣйшей прежней церемоніи. Признаюсь эта слишкомъ уже откровенная мысль, эта обнаженность ея, почти въ первые обнаружившаяся съ такимъ удовольствіемъ, привела меня тогда въ прелюбопытное настроеніе духа, и помню я тогда заключилъ, что мы, ну напримѣръ въ «Гражданинѣ», хоть и раздѣляемъ

¹ во что бы то ни стало (буквально: да погибнет мир) (лат.).

первую часть этой мысли, т. е. реформа даже не смотря ни на какія послѣдствія, но все же не раздѣлимъ ни за что второй части этой роковой мысли и твердо увѣрены что вшивыя головы все таки были достойны реформы и даже совѣмъ не ниже ея. Я думаю подобное убѣжденіе можетъ составлять именно одну изъ характерныхъ сторонъ собственно нашего направленія; вотъ почему я объ этомъ теперь и упоминаю.

Что же касается до моего фельетона... А кстати, московскій фельетонистъ, мой собратъ по перу, неизвѣстно почему думаетъ что я стыжусь названія фельетониста и увѣряетъ на французскомъ языкѣ что я — «plus feuilletoniste que Jules Janin, plus catholique que le pape».¹ Этотъ французскій языкъ изъ Москвы конечно тутъ для того, чтобъ подумали что авторъ — хорошаго тона, но все-таки не понимаю къ чему тутъ приписываемое мнѣ исповѣданіе католической религіи и къ чему понадобился тутъ бѣдный папа? — А что до меня, то я лишь выразился что я не «петербургскій» фельетонистъ и хотѣлъ лишь этимъ сказать, на всякій случай для будущаго, что въ моемъ «Дневникѣ» не объ одной собственно петербургской жизни пишу и намѣренъ писать, а стало быть и спрашивать съ меня слишкомъ подробныхъ отчетовъ о петербургской жизни, когда я заговорю о ней по необходимости, — нечего. Если же московскому моему учителю непременно хочется назвать мой «Дневникъ» фельетономъ, то пусть; я этимъ очень доволенъ.

Московскій учитель мой увѣряетъ что фельетонъ мой произвелъ фуроръ въ Москвѣ «въ рядахъ, и въ Зарядьѣ» и называетъ его гостиннодворскимъ фельетономъ. Очень радъ что доставилъ такое удовольствіе читателямъ изъ этихъ мѣстъ нашей древней столицы. Но ядъ въ томъ, что будто я нарочно и билъ на эффектъ; за неимѣніемъ читателей высшихъ искалъ читателей въ Зарядьѣ и съ этою цѣлью и заговорилъ «о немъ» а стало быть я — «самый находчивый изъ всѣхъ фельетонистовъ»...

... «То-ись ума не приберу — (пишетъ учитель, рассказывая объ эффектѣ моего фельетона въ Москвѣ) — «ума не приберу, что это за диковинка такая, какой спросъ на этого «Гражданина» вышелъ, удивлялся одинъ изъ газетныхъ разносчиковъ на мой вопросъ о спросѣ на «Гражданинъ». Когда я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, разносчикъ побѣжалъ къ Мекленбургу и Живареву — нашимъ оптовымъ торговцамъ газетами, чтобы взять оставшіеся нумера; но ихъ и тамъ расхватили: «все-то изъ рядовъ, да изъ Зарядья спрашиваютъ»... Дѣло в томъ, что до Гостиного двора дошло свѣдѣніе, что въ «Гражданинѣ» написана цѣлая статья *объ немъ*, и вотъ, го-

¹ «в большей мере фельетонист, чем Жюль Жанен, в большей мере католик, чем папа» (франц.).

стиннодворцы, вмѣсто того, чтобъ покупать «Развлеченіе», кинулись на «Гражданина»...

Да вѣдь это вовсе не дурно, послушайте, это извѣстіе, и напрасно вы стыдите меня гостиннодворскими читателями. Напротивъ, очень бы желалъ пріобрѣсти ихъ расположеніе, ибо вовсе не такъ худо о нихъ думаю, какъ вы о нихъ думаете. Видите ли, покупали они конечно для смѣху и изъ того что скандалъ вышелъ. На скандалъ всякій человѣкъ набрасывается, это уже свойство всякаго человѣка, преимущественно въ Россіи (вы, напримѣръ, вотъ набросились же); такъ что гостиннодворцевъ за это, я думаю, нельзя презирать слишкомъ—то спеціально. Что же до забавы, до смѣху, — то есть разныя забавы и разный смѣхъ, даже въ самыхъ соблазнительныхъ случаяхъ. Учитель мой, впрочемъ, оговаривается; онъ прибавляетъ: «Я увѣренъ, что перомъ автора «картинки *объ немъ*» руководили самыя добрыя намѣренія, когда онъ писалъ этотъ гостиннодворскій фельетонъ», — т. е. учитель дѣлаетъ мнѣ честь, допуская что я не имѣлъ непосредственною и главною цѣлью, упоминая *о немъ*, развратить народъ. Благодаримъ хоть за это; такъ какъ авторъ пишетъ въ «Голосѣ», то великодушная оговорка эта пожалуй и не лишняя, ибо знаю по опыту, что Андрею Александровичу ничего не стоитъ обвинить меня въ чемъ угодно, даже въ развратительныхъ цѣляхъ противъ народа и общества русскаго. (Обвинялъ же меня въ крѣпостничествѣ). Андрей Александровичъ сказался тоже подъ вашимъ перомъ и въ удивительной обратной догадкѣ: «и если подобныя «картинки» ваши ничего не сдѣлаютъ для исправленія гулякъ изъ рабочаго люда»... говорите вы. Такая догадка какъ разъ изъ головы Андрея Александровича! Вѣдь придетъ же въ голову, что я писалъ имѣя непосредственною и ближайшею цѣлью исправить (отъ сквернословія) нашъ ругающійся рабочій народъ! Да вѣдь они не только про насъ съ вами, но даже и про Андрея—то Александровича никогда не слыхивали — эти изъ рабочаго—то люда, которыхъ я описывалъ въ моемъ фельетонѣ!

Нѣтъ, я писалъ съ другимъ направленіемъ — о семъ «существительномъ», «при дамахъ къ произнесенію неудобномъ», «а между пьяными наиболѣе употребительномъ» — и настаиваю что имѣлъ довольно серьезную и извинительную цѣль и это вамъ докажу. Мысль моя была доказать — цѣломудренность народа русскаго, указать что народъ нашъ, въ пьяномъ видѣ (ибо въ трезвомъ сквернословятъ несравненно рѣже), если и сквернословитъ, то дѣлаетъ это не изъ любви къ скверному слову, не изъ удовольствія сквернословить, а просто по гадкой привычкѣ, перешедшей чуть не въ необходимость, такъ что даже самыя да-

лекія отъ сквернословія мысли и ощущенія выражаетъ въ сквернословныхъ же словахъ. Я указывалъ дальше что главную причину этой сквернословной привычки искать надо въ пьянствѣ. Про догадку мою о потребности, въ пьяномъ видѣ, когда туго ворочается языкъ и между тѣмъ сильное желаніе говорить — прибѣгать къ словамъ краткимъ, условнымъ и выразительнымъ — про эту догадку мою можете думать что угодно; но что народъ нашъ цѣломудренъ даже и сквернословя, — на это стоило указать. Я даже имѣю дерзость утверждать, что эстетически и умственно развитые слои нашего общества несравненно развратнѣе, въ этомъ смыслѣ, нашего грубаго и столь неразвитаго простаго народа. Въ мужскихъ обществахъ, даже самага высшаго круга, случается иногда, послѣ ужина, иной разъ даже между сѣдыми и звѣздоносными старичками, когда уже переговариваютъ о всѣхъ важныхъ и даже иногда государственныхъ матеріяхъ — перейти мало по малу на эстетически-каскадныя темы. Эти каскадныя темы быстро, въ свою очередь, переходятъ въ такой развратъ, въ такое сквернословіе, въ такое скверномысліе, что никогда воображенію народному даже и не представить себѣ ничего подобнаго. Это случается ужасно часто, между всѣми оттѣнками этого, столь возвышеннаго надъ народомъ круга людей. Мужички, извѣстные самими идеальными добродѣтелями, даже богомольцы, даже самые романтическіе поэты съ жадностью участвуютъ въ сихъ разговорахъ. Тутъ всего важнѣе именно то, что иные изъ сихъ мужей — почтенны безспорно и дѣлаютъ много и хорошихъ поступковъ. Нравится имъ именно пакость и утонченность пакости, не столько скверное слово, сколько идея въ немъ заключающаяся; нравится низость паденія, нравится именно вонь, словно лимбургскій сыръ (неизвѣстный народу) утонченному гастроному; тутъ именно потребность размазать и понюхать, и упиться запахомъ. Они смѣются, они объ этой пакости конечно говорятъ свысока, но видно что она имъ нравится и что безъ нея они уже обойтись не могутъ, хоть на словахъ. Совсѣмъ иной смѣхъ у народа, хотя бы даже и на эти темы. Я увѣренъ что у васъ въ Зарядьѣ смѣялись не для пакости, не изъ любви *къ нему и къ искусству*, а смѣхомъ въ высшей степени простодушнымъ, не развратнымъ, здоровымъ хотя и грубоватымъ, — совсѣмъ не такимъ, какимъ смѣются иные размазыватели въ нашемъ обществѣ или въ нашей литературѣ. Народъ сквернословитъ зря, и часто не объ томъ совсѣмъ говоря. Народъ нашъ не развратенъ, а *очень даже цѣломудренъ*, не смотря на то, что это безспорно самый сквернословный народъ въ цѣломъ мірѣ, — и объ этой противоположности право стоитъ хоть не множко подумать.

Московскій учитель мой оканчиваетъ обо мнѣ въ своемъ фельетонѣ съ презрѣнною, почти сатанинскою гордостью.

«Я воспользуюсь примѣромъ почтеннаго коллеги (т. е. моимъ), говоритъ онъ — когда мнѣ случится писать фельетонъ, а матерьяла никакого не будетъ, и постараюсь тогда заняться тоже «картинками», — (какое презрѣнье!) — но въ данный моментъ мнѣ нѣтъ надобности пользоваться преподаннымъ мнѣ примѣромъ — (т. е. у умнаго человѣка и безъ «него» всегда много мыслей) потому что, хоть у насъ, въ Москвѣ, тоже «жаръ и пыль», «пыль и жаръ» — (начальныя слова моего фельетона для того чтобъ еще разъ устыдить меня) — но изъ этой пыли — (а-а! вотъ тутъ-то теперь и пойдетъ, вотъ онъ покажетъ намъ сейчасъ что можетъ умная московская фельетонная голова вывести даже изъ «этой пыли» — сравнительно съ петербургскими) но изъ этой пыли и изъ-подъ этого жара» — (это что же такое «изъ-подъ жара»?) можно при извѣстной внимательности, усмотрѣть — (Слушайте! Слушайте!) — «что жизненный пульсъ нашей бѣлокаменной, значительно слабѣющей лѣтомъ, начинаетъ, такъ сказать, оживляться, съ тѣмъ чтобы, оживляясь все болѣе и болѣе, достигнуть въ зимніе мѣсяцы той интенсивности, дальше которой уже не можетъ идти пульсъ московской жизни».

Вотъ такъ мысль! Вонъ оно какъ у насъ въ Москвѣ то! А мнѣ-то, мнѣ-то какой урокъ! А знаете что, учитель? Мнѣ-то вотъ и кажется, что вы нарочно подхватили у меня *о немъ*, именно чтобъ сдѣлать и вашъ фельетонъ занимательнѣе, (а то что интенсивность-то!) можетъ быть даже позавидовали моему успѣху въ Зарядьѣ? Это очень и очень можетъ быть. Не стали бы вы такъ копаться и размазывать и столько разъ помянуть объ этомъ; мало того что поминали и размазывали, даже нюхали...

...«все же мы доросли до того по крайней мѣрѣ чтобъ разнюхать, когда намъ подносятъ что нибудь уже очень бьющее въ носъ и умѣемъ цѣнить это, помимо намѣреній автора»...

Ну такъ чѣмъ же пахнетъ?

ХV.

Нѣчто о враньѣ.

Отчего у насъ всѣ лгутъ, всѣ до одинаго? Я убѣжденъ что тотчасъ же остановятъ меня и закричатъ: «Э, вздоръ, совсѣмъ не всѣ! У васъ темы нѣтъ, вотъ вы и выдумываете чтобъ начать по эффектнѣе». Безтемностью меня уже попрекали; но въ томъ и дѣло что я дѣйствительно въ этой поголовности нашего лганья теперъ убѣжденъ. Пятьдесятъ лѣтъ живешь съ идеею, видишь и осязаешь ее, и вдругъ она предстанетъ въ такомъ видѣ что какъ будто совсѣмъ и не зналъ ея до сихъ поръ. Съ недавняго времени меня вдругъ осѣнила мысль, что у насъ въ Россіи, въ классахъ интеллигентныхъ, даже совсѣмъ и не можетъ быть не лгущаго человѣка. Это именно потому что у насъ могутъ лгать даже совершенно честные люди. Я убѣжденъ что въ другихъ націяхъ, въ огромномъ большинствѣ лгутъ только одни негодяи; лгутъ изъ практической выгоды, т. е. прямо съ преступными цѣлями. Ну, а у насъ могутъ лгать совершенно даромъ самые почтенные люди и съ самыми почтенными цѣлями. У насъ, въ огромномъ большинствѣ, лгутъ изъ гостепріимства. Хочется произвести эстетическое впечатлѣніе въ слушатель, доставить удовольствіе, ну и лгутъ, даже такъ сказать жертвуя собою слушателю. Пусть припомнитъ кто угодно — не случилось ли ему разъ двадцать прибавить, на примѣръ, число верстъ, которое проскакали въ часъ времени везшія его тогда—то лошади, если только это нужно было для усиленія радостнаго впечатлѣнія въ слушатель. И не обрадовался—ли дѣйствительно слушатель до того что тотчасъ же сталъ увѣрять васъ объ одной знакомой ему тройкѣ, которая, на пари, обогнала желѣзную дорогу и т. д. и т. д. Ну, а охотничьи собаки, или о томъ какъ вамъ въ Парижѣ вставляли зубы, или о томъ какъ васъ вылѣчилъ здѣсь Боткинъ? Не рассказывали—ли вы о своей болѣзни такихъ чудесъ, что хотя, конечно, и повѣрили сами себѣ съ половины рассказа (ибо съ половины рассказа всегда самъ себѣ начинаешь вѣрить), но однако, ложась на ночь спать и съ удовольствіемъ вспоминая какъ пріятно пораженъ былъ вашъ слушатель, вы вдругъ остановились и невольно проговорили: «Э, какъ я вралъ!» Впрочемъ примѣръ этотъ слабъ, ибо нѣтъ пріятнѣе какъ говорить о своей болѣзни, если только найдется слушатель; а заговорить такъ ужъ невозможно не лгать; это даже лечитъ больнаго. Но возвратясь изъ за границы не рассказывали—ли вы о тысячѣ вещей, которыя видѣли «своими глазами»... впрочемъ и этотъ примѣръ я беру назадъ: не при-

бавлять объ «заграницѣ» возвратившемуся оттуда русскому человѣку нельзя; иначе не зачѣмъ было бы туда ѣздить. Но, напримѣръ, естественныя науки! Не толковали-ли вы о естественныхъ наукахъ, или, о банкротствахъ и бѣгствахъ разныхъ петербургскихъ и другихъ жидовъ за границу, ровно ничего не смысла въ этихъ жидяхъ и не зная въ зубъ толкнуть о естественныхъ наукахъ? Позвольте, — не передавали-ли вы анекдота, будто бы съ вами случившагося, тому же самому лицу, которое вамъ же его, про себя, и рассказывало? Неужели вы позабыли какъ, съ половины рассказа, вдругъ припомнили и объ этомъ догадались, что ясно подтвердилось и въ страдающемъ взглядѣ вашего слушателя, упорно на васъ устремленномъ (ибо въ такихъ случаяхъ почему-то съ удесятереннымъ упорствомъ смотрятъ другъ другу въ глаза); помните какъ, не смотря ни на что, и уже лишившись всего вашего юмора, вы все-таки съ мужествомъ, достойнымъ великой цѣли, продолжали лепетать вашу повѣсть и кончивъ, поскорѣе, съ нервно-уторопленными учтивостями, пожатіемъ рукъ и улыбками, разбѣжались въ разныя стороны, такъ что когда васъ вдругъ дернуло ни съ того ни съ сего, въ порывѣ послѣдней конвульсіи, крикнуть уже на лѣстницу сбѣгавшему по ней вашему слушателю вопросъ о здоровьи его тетушки, то онъ не обернулся и не отвѣтилъ тогда о тетушкѣ, — что и осталось въ воспоминаніяхъ вашихъ мучительнѣе всего изъ всего этого съ вами случившагося анекдота. Однимъ словомъ, если кто на все это мнѣ отвѣтитъ: *нѣтъ*, т. е., что онъ не передавалъ анекдотовъ, не трогалъ Боткина, не лгалъ объ жидяхъ, не кричалъ съ лѣстницы о здоровьи тетушки и что ничего подобнаго съ нимъ никогда не случалось, — то я просто этому не повѣрю. Я знаю что русскій лгунъ сплошь да рядомъ лжетъ совсѣмъ для себя непримѣтно, такъ что просто можно было совсѣмъ не примѣтить. Вѣдь что случается: чуть только солжетъ человѣкъ, и удачно, то такъ слюбится, что и включаетъ анекдотъ въ число несомнѣнныхъ фактовъ своей собственной жизни; и дѣйствуетъ совершенно совѣстливо, потому что самъ вполнѣ тому вѣритъ; да и неестественно было бы иногда не повѣрить.

«Э, вздоръ! скажутъ мнѣ опять, — «лганье невинное, пустяки, ничего міроваго». Пусть. Я самъ соглашаюсь что все очень невинно и намекаетъ лишь на благородныя свойства характера, на чувство благодарности напримѣръ. Потому что если васъ слушали когда вы лгали, то нельзя же не дать повратъ и слушателю, хотя бы изъ одной благодарности.

Деликатная взаимность вранья есть почти первое условіе русскаго общества — всѣхъ русскихъ собраний, вечеровъ, клубовъ, ученыхъ обществъ и проч. Въ самомъ дѣлѣ, только правдивая тупица какая нибудь вступается въ такихъ случаяхъ за правду и начинаетъ вдругъ сомнѣваться въ числѣ проскаканныхъ вами верстъ, или въ чудесахъ сдѣланныхъ съ вами Боткинымъ. Но это лишь безсердечные и гемороидальные люди, которые сами же и немедленно несутъ за то наказанье, удивляясь потомъ отъ чего оно ихъ постигло? Люди бездарные. Тѣмъ не менѣе все это лганье, несмотря на всю невинность свою намекаетъ на чрезвычайно важныя основныя наши черты, до того что ужъ тутъ почти начинаетъ выступать міровое. Напримѣръ 1) на то что мы, русскіе, прежде всего боимся истины, т. е. и не боимся если хотите, а постоянно считаемъ истину чѣмъ то слишкомъ ужъ для насъ скучнымъ и прозаичнымъ, недостаточно поэтичнымъ, слишкомъ обыкновеннымъ, и тѣмъ самымъ, избѣгая ее постоянно, сдѣлали ее наконецъ одною изъ самыхъ необыкновенныхъ и рѣдкихъ вещей въ нашемъ русскомъ мірѣ (я не про газету говорю). Такимъ образомъ у насъ совершенно утратилась аксіома: что истина — поэтичнѣе всего что есть въ свѣтѣ, особенно въ самомъ чистомъ своемъ состояніи; мало того, даже фантастичнѣе всего что могъ бы налгать и напредставить себѣ повадливый умъ человѣческій. Въ Россіи истина почти всегда имѣетъ характеръ вполне фантастическій. Въ самомъ дѣлѣ, люди сдѣлали наконецъ то, что все что налжетъ и перелжетъ себѣ умъ человѣческій имъ уже гораздо понятнѣе истины, и это сплошь на всемъ свѣтѣ. Истина лежитъ передъ людьми по сту лѣтъ на столѣ и ее они не берутъ, а гоняются за придуманнымъ, именно потому что ее то и считаютъ фантастичнымъ и утопическимъ.

Второе, на что наше всеобщее русское лганье намекаетъ, это то, что мы всѣ стыдимся самихъ себя. Дѣйствительно, всякій изъ насъ носить въ себѣ чуть ли не прирожденный стыдъ за себя и за свое собственное лицо и, чуть въ обществѣ, всѣ русскіе люди тотчасъ же стараются, поскорѣе и во что бы ни стало, каждый показаться непременно чѣмъ то другимъ, но только не тѣмъ чѣмъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, каждый спѣшитъ принять совсѣмъ другое лицо.

Еще Герценъ сказалъ про русскихъ за границей, что они никакъ не умѣютъ держать себя въ публикѣ: говорятъ громко когда всѣ молчатъ и не умѣютъ слова сказать прилично и натурально когда надобно говорить. И это истина: сейчасъ же вывертъ, ложь, мучительная конвульсія; сейчасъ же потребность устыдиться всего что есть въ самомъ дѣлѣ, спрятать и прибрать свое, данное Богомъ русскому человѣку лицо и явиться другимъ, какъ можно болѣе чужимъ и нерусскимъ лицомъ. Все

это изъ самаго полнаго внутренняго убѣжденія, что собственное лицо, у каждаго русскаго, — непремѣнно ничтожное и комическое до стыда лицо; а что если онъ возьметъ французское лицо, англійское, однимъ словомъ не свое лицо, то выйдетъ нѣчто гораздо почтеннѣе и что подъ этимъ видомъ его никакъ не узнаютъ. Отмѣчу при этомъ нѣчто весьма характерное: весь этотъ дрянной стыдишка за себя и все это подлое самоотрицаніе себя — въ большинствѣ случаевъ безсознательны; это нѣчто конвульсивное и непреоборимое; но, въ сознаниі, русскіе, — хотя бы и самые полные самоотрицатели изъ нихъ, — все-таки съ ничтожностію своею не такъ скоро соглашаются въ такомъ случаѣ и непремѣнно требуютъ уваженія: «Я вѣдь совсѣмъ какъ англичанинъ, разсуждаетъ русскій, стало быть надо уважать и меня, потому что всѣхъ англичанъ уважаютъ». Двѣсти лѣтъ выработывался этотъ главный типъ нашего общества подъ непремѣннымъ, еще двѣсти лѣтъ тому указаннымъ принципомъ: «ни за что и никогда не быть самимъ собою, взять другое лицо, а свое навсегда оплевать, всегда стыдиться себя и никогда не походить на себя» — и результаты вышли самые полные. Нѣтъ ни нѣмца, ни французъ, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ такого англичанина, который, сойдясь съ другими, стыдился бы своего лица, если по совѣсти увѣренъ что ничего не сдѣлалъ дурнаго. Русскій очень хорошо знаетъ что нѣтъ такого англичанина; а воспитанный русскій знаетъ и то что не стыдиться своего лица, даже гдѣ бы то, ни было, есть именно самый главный и существенный пунктъ собственнаго достоинства. Вотъ почему онъ и хочетъ казаться поскорѣй французомъ иль англичаниномъ, именно затѣмъ, чтобъ и его приняли поскорѣй за такого же который нигдѣ и никогда не стыдится своего лица.

«Невинности, старина говорено уже тысячу разъ», скажутъ опять. Пусть, но вотъ уже нѣчто похарактернѣе. Есть пунктъ, въ которомъ всякій русскій человѣкъ разряда интеллигентнаго, являясь въ общество или въ публику, ужасно требователенъ и ни за что уступить не можетъ. (Другое дѣло — у себя дома и самъ про себя). Пунктъ этотъ — умъ, желанье показаться умнѣе чѣмъ есть, и — замѣчательно это — отнюдь не желаніе показаться умнѣе всѣхъ, или даже кого бы то ни было, а только лишь *не глупѣе никого*. «Признай дескать меня что я не глупѣе никого, и я тебя признаю, что и ты не глупѣй никого». Опять таки тутъ нѣчто въ родѣ взаимной благодарности. Передъ авторитетомъ европейскимъ, напримѣръ, русскій человѣкъ, какъ извѣстно, со счастьемъ и поспѣшно-

стью преклоняется, даже не позволяя себѣ анализа; даже особенно не любить анализа въ такихъ случаяхъ. О, другое дѣло если геніальное лицо сойдетъ съ пьедестала или даже просто выйдетъ изъ моды: тогда нѣтъ строже русской интеллигенціи къ такому лицу, нѣтъ предѣла ея высокоумію, презрѣнію, насмѣшкѣ. Мы пренаивно удивляемся потомъ, если вдругъ какъ нибудь узнаемъ что въ Европѣ все еще продолжаютъ смотрѣть на сошедшее у нихъ съ пьедестала лицо съ уваженіемъ и цѣнить его по достоинству. Но за то тотъ же самый русскій человѣкъ, хотя бы и преклонился предъ геніемъ въ модѣ даже и безъ анализа, все-таки ни за что и никогда не признаетъ себя глупѣе этого генія, предъ которымъ самъ сейчасъ преклонился, будь онъ разьевропейскій. «Ну, Гёте, ну Либихъ, ну Бисмаркъ, ну положимъ... а все-таки и я тоже», — представляется каждому русскому непремѣнно, даже изъ самыхъ плюгавенькихъ, если только дойдетъ до того. И не то что представляется, ибо сознанія тутъ почти никакого, а только какъ-то его всего дергаетъ въ этомъ смыслѣ. Это какое-то непрерывное ощущеніе празднаго и шатающагося по свѣту самолюбія, ничѣмъ не оправданнаго. Однимъ словомъ до такого, можетъ быть самага высшаго проявленія человѣческаго достоинства — т. е. признать себя глупѣе другаго, когда другой дѣйствительно умнѣе его — русскій человѣкъ высшихъ классовъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ дойти, и даже я не знаю могутъ ли быть исключенія. Пусть не очень-то смѣются надъ моимъ «парадоксомъ». Соперникъ Либиха можетъ быть и въ гимназійи не окончилъ курса и ужъ конечно съ Либихомъ не свяжется спорить о первенствѣ, когда ему скажутъ и укажутъ что это вотъ Либихъ. Онъ промолчитъ, — но все-таки его будетъ дергать, даже при Либихѣ... Другое дѣло еслибъ, на примѣръ, онъ встрѣтился съ Либихомъ, не зная что это вотъ Либихъ, хоть въ вагонѣ желѣзной дороги. И еслибъ только завязался разговоръ о химіи и нашему господину удалось бы къ разговору примазаться, то сомнѣнія нѣтъ, онъ могъ бы выдержать самый полный ученый споръ, зная изъ химіи всего только одно слово: химія. Онъ удивилъ бы, конечно, Либиха, но — кто знаетъ — въ глазахъ слушателей остался бы можетъ быть побѣдителемъ. Ибо въ русскомъ человѣкѣ, дерзости его ученаго языка — почти нѣтъ предѣловъ. Тутъ именно происходитъ феноменъ, существующій только въ русской интеллигентныхъ классовъ душѣ: не только нѣтъ въ душѣ этой, *лишь только она почувствуетъ себя въ публикѣ*, сомнѣнія въ умѣ своемъ, но даже въ самой полной учености, если только дѣло дойдетъ до учености. Про умъ еще можно понять; но про ученость свою казалось бы каждый долженъ имѣть самыя точныя свѣденія...

Конечно все это только въ публикѣ, когда кругомъ чужіе. Дома же про себя... Ну, дома про себя ни одинъ русскій человѣкъ объ образованіи и учености своей не заботится, даже и вопроса о томъ никогда не ставитъ... Если же поставитъ, то вѣрнѣе всего что и дома рѣшитъ его въ свою пользу, хотя бы и имѣлъ самыя полныя свѣденія о своей учености.

Мнѣ самому случилось выслушать недавно, сидя въ вагонѣ, цѣлый трактатъ о классическихъ языкахъ, въ продолженіи двухъ часовъ дороги. Говорилъ одинъ, а всѣ слушали. Это былъ никому изъ пассажировъ незнакомый господинъ, осанистый, зрѣлыхъ лѣтъ, сдержаннаго и барскаго вида, вѣско и неторопливо выпускавшій слова. Онъ всѣхъ заинтересовалъ. Очевидно было съ самыхъ первыхъ словъ его что онъ не только въ первый разъ говорилъ, но даже, можетъ быть, въ первый разъ и думалъ объ этой темѣ, такъ что это была лишь блестящая импровизация. Онъ вполнѣ отрицалъ классическое образованіе и введеніе его у насъ называлъ «историческимъ и роковымъ дурачествомъ» — впрочемъ это было единственное рѣзкое слово, которое онъ себѣ позволилъ; тонъ его взять былъ слишкомъ высоко и не позволялъ ему горячиться, изъ одного ужъ презрѣнія къ факту. Основанія на которыхъ стоялъ онъ были самыя первоначальныя, приличныя развѣ лишь тринадцатилѣтнему школьнику, почти тѣ же самыя на которыхъ еще до сихъ поръ стоятъ иныя изъ нашихъ газетъ, воюющія съ классическими языками, напр. «такъ какъ всѣ латинскія сочиненія переведены, то и не надо латинскаго языка» и проч. и проч. — въ этомъ родѣ. Въ нашемъ вагонѣ онъ произвелъ чрезвычайный эффектъ; многіе разставаясь съ нимъ благодарили его за доставленное удовольствіе, особенно дамы. Я убѣжденъ что онъ ушелъ чрезвычайно уважая себя.

Теперь у насъ въ публикѣ (въ вагонахъ ли въ другомъ ли мѣстѣ) разговоры сильно измѣнились противъ прежнихъ, старыхъ лѣтъ; теперь жаждутъ слушать, жаждутъ учителей — на всѣ общественныя и соціальныя темы. Правда, разговоры въ публикѣ у насъ ужасно туго завязываются; всѣхъ сначала долго коробитъ пока рѣшатся заговорить, ну а заговорятъ — въ такой паеосъ иной разъ войдутъ что почти надо за руки держать. Разговоры же болѣе сдержанные и солидные и, такъ сказать, болѣе высшіе и уединенные вертятся преимущественно на темахъ биржевыхъ или правительственныхъ, но съ секретной, изнаночной точки зрѣнія, съ познаніемъ высшихъ тайнъ и причинъ, обыкновенной публикѣ неизвѣстныхъ. Обыкновенная публика слушаетъ смиренно и почтительно, а говоруны выигрываютъ въ своей осанкѣ. Разумѣется изъ нихъ мало кто вѣритъ одинъ другому, но расстаются они почти всегда одинъ другимъ совершенно довольные и другъ другу даже нѣсколько благодар-

ные. Задача проѣхать пріятно и весело по желѣзной нашей дорогѣ заключается въ умѣнїи давать вратъ другимъ и какъ можно болѣе вѣрить; тогда и вамъ дадутъ тоже съ эффектомъ прилгнуть если и сами вы соблазнитесь; стало быть взаимная выгода. Но, какъ я сказалъ уже, есть и общія, животрепещущія, насущныя темы разговоровъ, въ которыя ввязывается уже вся публика и это не за тѣмъ однимъ чтобъ пріятно время провести: повторяю, жаждутъ научиться, разъяснить себѣ современныя затрудненія, ищутъ, жаждутъ учителей, и особенно женщины, особенно матери семействъ. Замѣчательно то, что при всей этой чрезвычайно любопытной и далеко намекающей жаждѣ общественныхъ совѣтниковъ и руководителей, при всемъ этомъ благородномъ стремленіи, — удовлетворяются слишкомъ легко, самымъ иногда неожиданнымъ образомъ, вѣрятъ всему, подготовлены и вооружены весьма слабо, — гораздо слабѣе чѣмъ могла бы представить вамъ самая яркая ваша фантазія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда о нашемъ русскомъ обществѣ труднѣе было сдѣлать точное заключеніе, сравнительно съ теперешнимъ временемъ, когда уже имѣется болѣе фактовъ и свѣденій. Положительно можно сказать что всякій говорунъ, съ нѣсколькими порядочными манерами (къ порядочнымъ манерамъ наша публика, увы, до сихъ поръ еще чувствуетъ предразсудочную слабость, не смотря на все болѣе и болѣе разливающееся изъ фельетоновъ образованіе) — можетъ одержать верхъ и увѣрить слушателей своихъ въ чемъ угодно, получить благодарность и уйти глубоко уважая себя. Разумѣется при несомнѣнномъ условіи быть либеральнымъ, — объ этомъ уже нечего и упоминать. Въ другой разъ мнѣ, тоже въ вагонѣ и тоже недавно, случилось выслушать цѣлый трактатъ объ атеизмѣ. Ораторъ, свѣтскаго и инженернаго вида господинъ, вида впрочемъ угрюмаго, но съ болѣзненной жаждою слушателя, началъ съ монастырей. Въ монастырскомъ вопросѣ онъ не зналъ самаго перваго слова: онъ принималъ существованіе монастырей за нѣчто неотъемлемое отъ догматовъ вѣры, воображалъ что монастыри содержатся отъ государства и дорого стоятъ казнѣ и, забывая что монахи совершенно свободная ассоціація лицъ, какъ и всякая другая, требовалъ, во имя либерализма, ихъ уничтоженія, какъ какую то тираннію. Онъ кончилъ совершеннымъ и безбрежнымъ атеизмомъ на основаніи естественныхъ наукъ и математики. Онъ ужасно часто повторялъ о естественныхъ наукахъ и математикѣ, не приведя впрочемъ ни одного факта изъ этихъ наукъ въ продолженіе всей своей диссертациі. Говорилъ опять таки онъ одинъ, а прочіе только слушали: «Я научу сына моего быть честнымъ человѣкомъ и вотъ и все» — порѣшилъ онъ въ заключеніе, въ полной и очевидной увѣренности что добрыя дѣла, нравствен-

ность и честность есть нѣчто данное и абсолютное, ни отъ чего не зависящее и которое можно всегда найти въ своемъ карманѣ когда понадобится, безъ трудовъ, сомнѣній и недоумѣній. Этотъ господинъ имѣлъ тоже необыкновенный успѣхъ. Тутъ были офицеры, старцы, дамы и взрослые дѣти. Его горячо благодарили, разставаясь, за доставленное удовольствіе, при чемъ одна дама, мать семейства, щеголевато одѣтая и очень недурная собою, громко и съ милымъ хихиканіемъ объявила что она теперь совершенно убѣждена что въ душѣ ея «одинъ только парь». Этотъ господинъ тоже должно быть ушелъ съ необыкновеннымъ чувствомъ уваженія къ себѣ.

Вотъ это—то уваженіе къ себѣ и сбиваетъ меня съ толку. Что есть дураки и болтуны, — конечно тому нечего удивляться; но господинъ этотъ очевидно былъ не дуракъ. Навѣрно тоже не негодяй, не мошенникъ; даже очень можетъ быть что честный человѣкъ и хорошій отецъ. Онъ только ровно ничего не понималъ въ тѣхъ вопросахъ, которые взялся разрѣшить. Неужто ему не придетъ въ голову черезъ часъ, черезъ день, черезъ мѣсяць: «Другъ мой, Иванъ Васильевичъ (или тамъ кто бы ни было), — вотъ ты спорилъ, а вѣдь ты ровно ничего не понимаешь въ томъ объ чемъ трактовалъ. Вѣдь ты это лучше всѣхъ знаешь. Ты вотъ ссылался на естественныя науки и математику, — а вѣдь тебѣ лучше всѣхъ извѣстно, что ты свою скудную математику, изъ твоей спеціальной школы, давно забылъ, да и тамъ—то не твердо зналъ, а въ естественныхъ наукахъ никогда не имѣлъ никакого понятія. Какъ—же ты говорилъ? Какъ же ты училъ? Вѣдь ты же понимаешь, что только вралъ, а между тѣмъ до сихъ поръ гордишься собою; и не стыдно это тебѣ?»

Я убѣжденъ что онъ могъ задать себѣ всѣ эти вопросы, не смотря на то что можетъ быть занять «дѣломъ» и нѣтъ у него времени на праздные вопросы. Я даже несомнѣнно убѣжденъ что они, хоть вскользь, а побывали въ его головѣ. *Но ему не было стыдно, ему не было совѣстно!* Вотъ эта—то извѣстнаго рода безсовѣстность русскаго интеллигентнаго человѣка — рѣшительный для меня феноменъ. Что въ томъ что она у насъ такъ сплошь да рядомъ обыкновенна и всѣ къ ней привыкли и приглядѣлись; она все—таки остается фактомъ удивительнымъ и чудеснымъ. Она свидѣтельствуемъ о такомъ равнодушіи къ суду надъ собой своей собственной совѣсти, или что тоже самое, о такомъ необыкновенномъ собственномъ неуваженіи къ себѣ, что придешь въ отчаяніе и потеряешь всякую надежду на что нибудь самостоятельное и спасительное для націи, даже въ будущемъ, отъ такихъ людей и такого общества. Публика, т. е. внѣшность, европейскій обликъ, разъ на всегда данный изъ Европы законъ — эта публика производитъ на всякаго рус-

скаго человѣка дѣйствіе подавляющее: въ публикѣ онъ европеецъ, гражданинъ, рыцарь, республиканецъ, съ совѣстью и съ своимъ собственнымъ твердо установленнымъ мнѣніемъ. Дома, про себя — «Э, чортъ—ли въ мнѣніяхъ, да хошь бы высѣкли!» Поручикъ Пироговъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ высѣченный въ Большой Мѣщанской слесаремъ Шиллеромъ, — былъ страшнымъ пророчествомъ, пророчествомъ генія, такъ ужасно угадавшаго будущее, — ибо Пироговыхъ оказалось безмѣрно много, такъ много что и не пересѣчь. Вспомните что поручикъ, сейчасъ—же послѣ приключенія, съѣлъ слоеный пирожокъ и отличился въ тотъ же вечеръ въ мазуркѣ, на именинахъ у одного виднаго чиновника. Какъ вы думаете: когда онъ откалывалъ мазурку и вывертывалъ, дѣлая па, свои, столь недавно оскорбленные члены, — думалъ ли онъ что его всего только часа два какъ высѣкли? Безъ сомнѣнія думалъ. А было ли ему стыдно? Безъ сомнѣнія нѣтъ! Проснувшись на другой день по утру онъ навѣрно сказалъ себѣ: «Э чортъ, стоитъ—ли начинать коли никто не узнаеть!..» Это «стоитъ—ли начинать», конечно, съ одной стороны, намекаетъ на такую способность уживчивости со всѣмъ чѣмъ угодно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на такую широту нашей русской природы — что предъ этими качествами блѣднѣетъ и гаснетъ даже все безграничное. Двухсотлѣтняя отвычка отъ малѣйшей самостоятельности характера, и двухсотлѣтніе плевки на свое русское лицо, раздвинули русскую совѣсть до такой роковой безбрежности отъ которой... ну чего можно ожидать, какъ вы думаете?

Я убѣжденъ что поручикъ въ состояніи былъ дойти до такихъ столповъ, или до такой безбрежности, что, можетъ быть въ тотъ же вечеръ, своей дамѣ въ мазуркѣ, старшей дочери хозяина, объяснился въ любви и сдѣлалъ формальное предложеніе. Безконечно—*трагиченъ* образъ этой барышни, порхающей съ этимъ молодцомъ въ очаровательномъ танцѣ и не знающей что ея кавалера всего только часъ какъ высѣкли и что это ему совсѣмъ ничего. Ну, а какъ вы думаете, если—бъ она узнала, а предложеніе все—таки было бы сдѣлано — вышла бы она за него, (разумѣется подъ условіемъ что болѣе ужь никто не узнаеть)? Увы, непременно бы вышла!

А все—таки, изъ числа Пироговыхъ и вообще всѣхъ, «безбрежныхъ» кажется можно исключить огромное большинство нашихъ женщинъ. Въ нашей женщинѣ все болѣе и болѣе замѣчается искренность, настойчивость, серьезность и честь, исканіе правды и жертва; да и всегда въ русской женщинѣ все это было выше чѣмъ у мужчинъ. Это несомнѣнно, не смотря на всѣ даже теперешнія уклоненія. Женщина меньше лжетъ, многія даже совсѣмъ не лгутъ, а мужчинъ почти нѣтъ не лгущихъ, — я

говорю про теперешній моментъ нашего общества. Женщина настойчивѣе, терпѣливѣе въ дѣлѣ; она *серьознѣе* чѣмъ мужчина хочетъ дѣла для самаго дѣла, а не для того лишь чтобъ *казаться*. Ужь не въ самомъ—ли дѣлѣ намъ отсюда ждать большой помощи?

XVI.

Одна изъ современныхъ фальшей.

Нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ замѣтили что я, въ моемъ послѣднемъ романѣ «Бѣсы», воспользовался фабулой извѣстнаго Нечаевского дѣла; но тутъ же заявили что собственно портретовъ или буквальнаго воспроизведенія Нечаевской исторіи у меня нѣтъ; что взято явленіе и что я попытался лишь объяснить возможность его въ нашемъ обществѣ, и уже въ смыслѣ общественнаго явленія, а не въ видѣ анекдотическомъ, не въ видѣ лишь описанія московскаго частнаго случая. Все это, скажу отъ себя, совершенно справедливо. До извѣстнаго Нечаева и жертвы его Иванова, въ романѣ моемъ лично я не касаюсь. Лицо моего Нечаева конечно не похоже на лицо настоящаго Нечаева. Я хотѣлъ поставить вопросъ, и сколько возможно яснѣе, въ формѣ романа, дать на него отвѣтъ: какимъ образомъ въ нашемъ переходномъ и удивительномъ современномъ обществѣ возможны — не Нечаевъ, а *Нечаевы*, и какимъ образомъ можетъ случиться что эти *Нечаевы* набираютъ себѣ подъ—конецъ Нечаевцевъ?

И вотъ недавно, — впрочемъ уже съ мѣсяць назадъ — прочелъ я въ «Русскомъ Мірѣ» слѣдующія, любопытныя строки:

...«Намъ кажется, что Нечаевское дѣло могло убѣдить, что *учащаяся* молодежь въ подобныхъ безумствахъ — не бываетъ у насъ замѣшана. Идіотическій фанатикъ, въ родѣ Нечаева, могъ найти себѣ прозелитовъ только среди празднои, недоразвитой и вовсе неучащейся молодежи».

И далѣе:

... «тѣмъ болѣе что еще на дняхъ министръ народнаго просвѣщенія (въ Кіевѣ) заявилъ, что послѣ осмотра учебныхъ заведеній въ 7 округахъ онъ можетъ сказать что *«въ послѣдніе годы молодежь несравненно серьезнѣе относится къ дѣлу науки, несравненно болѣе и основательнѣе работаетъ»*.

Сами по себѣ, т. е. судя безотносительно, строки эти довольно ничтожны (авторъ надѣюсь извинить меня). Но въ нихъ есть вывертъ и старая пріѣвшаяся ложь. Полная и основная идея въ томъ что Нечаевы если и являются у насъ иногда, то непременно всѣ они идиоты и фанатики, а если имъ и удастся найти себѣ прозелитовъ, то непременно *только* среди празднои, недоразвитой и *вовсе* неучащейся молодежи». Не знаю что именно хотѣлъ доказать этимъ вывертомъ собственно авторъ статейки «Русскаго Міра»: хотѣлъ ли онъ польстить учащейся молодежи? Или, напротивъ, хитрымъ маневромъ и, такъ сказать, въ видѣ ласкательства думалъ ее же поднадуть немного, но только съ самыми почтенными цѣлями, — т. е. для ея же пользы, — и для достиженія цѣли употребилъ столь извѣстный пріемъ гувернантокъ и нянюшекъ съ маленькими ребятами: «Вотъ, дескать, милыя дѣти, видите какіе *тѣ* нехорошіе буяны, кричатъ и дерутся и ихъ непременно высѣкутъ за то что они такіе «недоразвитки»; вы же вотъ такіе милые хваленые паиньки, за столомъ сидите прямо, ножками подъ столомъ не болтаете и вамъ за это непременно гостинцу дадутъ». Или, наконецъ, просто за просто автору захотѣлось «защитить нашу учащуюся молодежь передъ правительствомъ и употребить для сего пріемъ, который самъ онъ можетъ быть считаетъ необыкновенно хитрымъ и тонкимъ?

Прямо скажу: хотя я поставилъ всѣ эти вопросы, но личныя цѣли автора статейки «Русскаго Міра» не возбуждаютъ во мнѣ ни малѣйшаго любопытства. И даже, чтобъ оговориться окончательно, прибавлю что ложь и старый пріѣвшійся вывертъ выраженной «Русскимъ Міромъ» мысли, я склоненъ считать въ настоящемъ случаѣ чѣмъ-то неумышленнымъ и нечаяннымъ, т. е. что самъ авторъ статейки совершенно повѣрилъ словамъ своимъ и принялъ ихъ за правду съ тѣмъ высшимъ простодушіемъ, которое такъ похвально и даже трогательно по своей беззащитности во всякомъ другомъ случаѣ. Но кромѣ того что ложь, принятая за правду, имѣетъ всегда самый опасный видъ (не смотря даже на то что является въ «Русскомъ Мірѣ»), — кромѣ того, бросается въ глаза и то, что никогда еще не являлась она въ столь обнаженномъ, точномъ и безыскусственномъ видѣ какъ въ этой статейкѣ. Подлинно заставъ иногo человѣка молиться Богу и онъ лобъ расшибетъ. Вотъ въ этомъ-то видѣ и любопытно прослѣдить эту ложь и вывести ее на свѣтъ по возможности, ибо когда-то еще дождешься въ другой разъ такой безыскусственной откровенности!

Вотъ уже съ незапамятныхъ псевдо-либеральныхъ нашихъ временъ, въ нашей газетной прессѣ принято за правило «защищать моло-

дежь», — противъ кого? противъ чего? — это иногда остается во мракѣ неизвѣстности и такимъ образомъ часто принимаетъ пребезтолковый и даже прекомическій видъ, особенно при нападеніяхъ на другіе органы печати въ томъ смыслѣ что «вотъ дескать мы либеральнѣе, а вы—то нападаете на молодежь, стало быть вы ретрограднѣе». Замѣчу въ скобкахъ что въ той—же статейкѣ «Русскаго Міра» есть обвиненіе, прямо направленное на «Гражданинъ», въ томъ что въ немъ будто бы сплошь обвиняютъ нашу учащуюся молодежь въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Харьковѣ. Не говоря уже о томъ что авторъ статейки самъ *отлично хорошо знаетъ*, что ничего подобнаго этому поголовному и сплошному обвиненію у насъ нѣтъ и не было, я просто попрошу нашего обвинителя объяснить: что значитъ обвинять молодежь поголовно? Я совершенно не понимаю этого! Это конечно значитъ сплошь почему—то не любить всю молодежь, — и не столько даже молодежь, сколько извѣстный возрастъ нашихъ молодыхъ людей! Что за сумбуръ? Кто можетъ повѣрить такому обвиненію? Ясно что и обвиненіе и защита сдѣланы сплеча, даже не думавши много. Стоитъ дескать объ этомъ задумываться: «показалъ что самъ либераленъ, что хвалю молодежь, что ругаю тѣхъ, которые ее не хвалятъ, ну и довольно для подписки и съ плечъ долой!» Именно съ плечъ долой — ибо только самый злѣйшій врагъ нашей молодежи могъ бы рѣшиться защищать ее *такимъ образомъ*, и наткнуться на такой удивительный вывертъ, на какой наткнулся (нечаянно — я убѣжденъ въ этомъ теперь болѣе чѣмъ когда нибудь) — простодушный авторъ статейки «Русскаго Міра».

Въ томъ то и вся важность что пріемъ этотъ — не выдумка одного только «Русскаго Міра», а пріемъ общій многимъ органамъ нашей псевдо—либеральной прессы, и тамъ, можетъ быть, онъ дѣлается уже не столь простодушно. Сущность его *во первыхъ*, — въ сплошной похвалѣ молодежи, во всемъ и во всякомъ случаѣ, и въ грубыхъ нападкахъ на всѣхъ тѣхъ, которые, при случаѣ, позволяютъ себѣ отнестись даже и къ молодежи критически. Пріемъ этотъ основанъ на смѣшномъ предположеніи что молодежь на столько еще не доросла и такъ любитъ лесть, что не разберетъ и приметъ все за чистую монету. И вправду, достигли того что уже очень многіе изъ молодежи (мы твердо вѣримъ что далеко не всѣ) дѣйствительно полюбили грубую похвалу, требуютъ себѣ лести и безъ разбора готовы обвинить всѣхъ тѣхъ кто не потакаетъ имъ сплошь и на всякомъ шагу, особенно въ иныхъ случаяхъ. Впрочемъ тутъ, пока еще, вредъ всего только временный; съ опытомъ и съ возрастомъ и взгляды молодежи измѣнятся. Но есть и другая сторона лжи, которая влечетъ уже непосредственный и вещественный вредъ.

Эта другая сторона приёма «защиты нашей молодежи предъ обществомъ и передъ правительствомъ» состоитъ въ простомъ *отрицаніи факта*, — иногда самомъ грубомъ и нахальномъ: «нѣтъ дескать факта, не было его и быть не могло; кто говоритъ что онъ былъ — значитъ клевететь на молодежь, значитъ врагъ нашей молодежи!».

Вотъ приёмъ. Повторяю — самый злѣйшій врагъ нашей молодежи не выдумалъ бы ничего вреднѣе для прямыхъ ея интересовъ. Мнѣ непремѣнно хочется доказать это.

Отрицаніе факта во что-бы ни стало можно достигнуть удивительныхъ результатовъ.

Ну что вы тѣмъ докажете, господа, и чѣмъ облегчите дѣло если начнете удостовѣрять (и, главное, Богъ знаетъ для чего) — что «увлекающаяся» молодежь, т. е. тѣ которые могутъ «увлечься» (пусть даже и Нечаевымъ) непремѣнно должны состоять изъ однихъ только «праздныхъ недоразвитковъ», изъ тѣхъ которые *вовсе* не учатся, — однимъ словомъ изъ шалопаевъ съ самыми дурными наклонностями? Такимъ образомъ, уединяя дѣло, выводя его изъ сферы учащихся и сводя непремѣнно лишь на «праздныхъ недоразвитковъ», вы тѣмъ самымъ уже заранѣе обвиняете этихъ несчастныхъ и отказываетесь отъ нихъ окончательно: «сами виноваты, буяны и лѣнивцы и смирно за столомъ не умѣли сидѣть». Уединяя случай и лишая его права быть разсмотрѣннымъ въ связи съ общимъ цѣлымъ (а въ этомъ-то и состоитъ единственная возможная защита несчастныхъ «заблудшихся!») вы тѣмъ самымъ не только какъ-бы подписываете имъ окончательный приговоръ, но даже удаляете отъ нихъ самое милосердіе, ибо прямо удостовѣряете что сами заблужденія ихъ произошли единственно отъ отвратительныхъ качествъ ихъ, и что эти юноши, даже и безъ всякаго преступленія должны возбуждать къ себѣ презрѣніе и отвращеніе.

Съ другой стороны, вдругъ случится что въ какомъ нибудь *дѣлѣ* оказались-бы замѣшанными *вовсе* не недоразвитки, *вовсе* не буяны болтающіе ногами подъ столомъ *вовсе* не одни лѣнивцы, а напротивъ молодежь прилежная, горячая, именно учащаяся и даже съ хорошимъ сердцемъ, а только лишь дурно направленная? (поймите это слово: *направленная*. Гдѣ, въ какой Европѣ найдете вы теперь болѣе шатости во всевозможныхъ направленіяхъ, какъ у насъ въ наше время!) И вотъ, по вашей теоріи «лѣнтяевъ и недоразвитковъ», эти новые «несчастные» окажутся уже *втрое* виновнѣе: «имъ были средства даны, они прошли курсъ наукъ, они основательно работали, — нѣтъ у нихъ оправданій! Они *втрое* менѣе чѣмъ праздные недоразвитки могутъ заслуживать милосердія!» Вотъ результатъ прямо выходящій изъ вашей теоріи.

Позвольте, господа, (я говорю вообще, а не одному только сотруднику «Русскаго Міра»), — вы, на основаніи «отрицанія факта», утверждаете что «Нечаевы» непременно должны быть идіотами («идіотическими фанатиками»). Такъ—ли это опять? Справедливо—ли? Устраняю въ настоящемъ случаѣ Нечаева, а говорю «Нечаевы», во множественномъ числѣ. Да, изъ Нечаевыхъ могутъ быть существа весьма мрачныя, весьма безотрадныя и исковерканныя съ многосложнѣйшей по происхожденію жаждой интриги, власти, съ страстной и болѣзненно—ранней потребностью выказать личность, но — почему же они «идіоты»? Напротивъ, даже настоящіе монстры изъ нихъ могутъ быть очень развитыми, прехитрыми и даже образованными людьми. Или вы думаете что знанія, «науки», школьныя свѣдѣнція (хотя бы университетскія) такъ уже окончательно формируютъ душу юноши, что съ полученіемъ диплома, онъ тотчасъ—же пріобрѣтаетъ незыблемый талисманъ, разъ навсегда, узнавать истину и избѣгать искушеній, страстей и пороковъ. Такимъ образомъ всѣ эти кончившіе курсъ наукъ юноши станутъ тотчасъ—же, по вашему, чѣмъ то въ родѣ множества маленькихъ папъ, неподлежащихъ прегрѣшенію.

И почему вы полагаете что Нечаевы непременно должны быть фанатиками? Весьма часто это просто мошенники. «Я мошенникъ, а не социалистъ», говоритъ одинъ Нечаевъ, положимъ у меня въ моемъ романѣ «Бѣсы», но увѣряю васъ, что онъ могъ—бы сказать это и на яву. Это мошенники очень хитрые и изучившіе именно великодушную сторону души человѣческой, всего чаще юной души, чтобъ умѣть играть на ней какъ на музыкальномъ инструментѣ. Да неужели же вы вправду думаете что прозелиты, которыхъ могъ—бы набрать у насъ какой нибудь Нечаевъ, — должны быть непременно лишь одни шалопаи? Не вѣрю, не всѣ; я самъ старый «Нечаевецъ», я тоже стоялъ на эшафотѣ, приговоренный къ смертной казни, и увѣряю васъ что стоялъ въ компаніи людей образованныхъ. Почти вся эта компанія кончила курсъ въ самыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторые в послѣдствіи, *когда уже все прошло*, заявили себя замѣчательными спеціальными знаніями, сочиненіями. Нѣтъ—съ, Нечаевцы не всегда бываютъ изъ однихъ только лѣнтяевъ, совсѣмъ ничему не учившихся.

Знаю, вы безъ сомнѣнія, возразите мнѣ что я вовсе не изъ Нечаевцевъ, а всего только изъ «Петрашевцевъ». Пусть изъ Петрашевцевъ, — (хотя по моему названіе это неправильное; ибо чрезмѣрно большее число, въ сравненіи съ стоявшими на эшафотѣ, но совершенно такихъ же

какъ мы Петрашевцевъ, осталось совершенно нетронутымъ и не обезпеченнымъ. Правда, они никогда и не знали Петрашевскаго, но совсѣмъ не въ Петрашевскомъ было и дѣло, во всей этой давнопрошедшей исторіи, вотъ что я хотѣлъ лишь замѣтить).

Но пусть изъ Петрашевцевъ. Почему же вы знаете что Петрашевцы не могли бы стать Нечаевцами, т. е. стать на «Нечаевскую» же дорогу, *въ случаѣ если—бъ такъ обернулось дѣло?* Конечно, тогда и представить нельзя было: какъ бы это могло *такъ обернуться дѣло?* Не тѣ совсѣмъ были времена. Но позвольте мнѣ про себя одного сказать: *Нечаевымъ* вѣроятно я бы не могъ сдѣлаться никогда, но *Нечаевцемъ* не ручаюсь, можетъ и могъ—бы... во дни моей юности.

Я заговорилъ теперь про себя, чтобъ имѣть право говорить о другихъ. Тѣмъ не менѣе буду продолжать только объ одномъ себѣ, о другихъ же если и упомяну, то вообще, безлично и въ смыслѣ совершенно отвлеченномъ. *Дѣло* же Петрашевцевъ, — это такое давнопрошедшее дѣло, принадлежитъ къ такой древнѣйшей исторіи, что вѣроятно не будетъ никакого вреда изъ того что я о немъ припоминаю, тѣмъ болѣе въ такомъ скользкомъ и отвлеченномъ смыслѣ.

«Монстровъ» и «мошенниковъ» между нами, «Петрашевцами», не было ни одного (изъ стоявшихъ—ли на эшафотѣ, или изъ тѣхъ которые остались нетронутыми — это все равно). Не думаю чтобы кто нибудь сталъ опровергать это заявленіе мое. Что были изъ насъ люди образованные, — противъ этого, какъ я уже замѣтилъ, тоже вѣроятно не будутъ спорить. Но бороться съ извѣстнымъ цикломъ идей и понятій, тогда сильно укоренившихся въ юномъ обществѣ, изъ насъ, безъ сомнѣнія, еще мало кто могъ. Мы заражены были идеями тогдашняго теоретическаго социализма. Политическаго социализма тогда еще не существовало въ Европѣ, и европейскіе коноводы социалистовъ даже отвергали его.

Луи—Блана напрасно били по щекамъ и таскали за волосы (какъ нарочно густѣйшіе длинные и черные волосы) члены—товарищи его Національнаго Собранія, депутаты правой стороны, изъ рукъ которыхъ вырвалъ его тогда Араго (астрономъ, членъ правительства, теперь уже умершій) — въ то несчастное утро, въ маѣ мѣсяцѣ 48 года, когда въ палату ворвалась толпа нетерпѣливыхъ и голодныхъ работниковъ. Бѣдный Луи—Бланъ, нѣкоторое время членъ временнаго правительства, вовсе не возмущалъ ихъ: онъ только лишь читалъ въ люксембургскомъ дворцѣ этимъ жалкимъ и голоднымъ людямъ, вслѣдствіе революціи и республики разомъ потерявшимъ работу, объ ихъ «правѣ на работу». Правда, такъ какъ онъ все таки былъ членомъ правительства, то лекціи его въ этомъ смыслѣ были ужасно неполитичны и конечно смѣшны. Журналъ же Кон-

сидерана, равно какъ статьи и брошюры Прудона, стремились распространить между этими же голодными и ничего за душой неимѣвшими работниками, между прочимъ, и глубокое омерзѣніе къ праву наследственной собственности. Безъ сомнѣнія изъ всего этого (т. е. изъ нетерпѣнія голодныхъ людей, разжигаемыхъ теоріями будущаго блаженства) — произошелъ вполнѣдствіи социализмъ политическій, сущность котораго, не смотря на всѣ возвѣщаемыя цѣли, покамѣстъ состоитъ лишь въ желаніи повсемѣстнаго грабежа всѣхъ собственниковъ классами неимущими, а затѣмъ «будь что будетъ». (Ибо по настоящему ничего еще не рѣшено чѣмъ будущее общество замѣнится, а рѣшено лишь только чтобъ настоящее провалилось — и вотъ пока вся формула политическаго социализма). Но тогда понималось дѣло еще въ самомъ розовомъ и райско-нравственномъ свѣтѣ. Дѣйствительно правда, что зараждавшійся социализмъ сравнивался тогда, даже нѣкоторыми изъ ководовъ его, съ христіанствомъ и принимался лишь за поправку и улучшеніе послѣдняго, сообразно вѣку и цивилизаціи. Всѣ эти тогдашнія новыя идеи намъ въ Петербургѣ ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловѣческими, будущимъ закономъ всего безъ исключенія челоѣчества. Мы еще задолго до парижской революціи 48 года были охвачены обаятельнымъ вліяніемъ этихъ идей. Я уже въ 46 году былъ посвященъ во всю *правду* этого грядущаго «обновленнаго міра» и во всю *святость* будущаго коммунистическаго общества еще Бѣлинскимъ. Всѣ эти убѣжденія о безнравственности самыхъ основаній (христіанскихъ) современнаго общества, о безнравственности религіи, семейства; о безнравственности права собственности; всѣ эти идеи объ уничтоженіи національностей во имя всеобщаго братства людей, о презрѣніи къ отечеству, какъ къ тормазу во всеобщемъ развитіи, и проч. и проч., все это были такія вліянія, которыхъ мы преодолѣть не могли и которыя захватывали, напротивъ, наши сердца и умы во имя какого-то великодушія. Во всякомъ случаѣ тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашнихъ господствовавшихъ понятій — а это-то и соблазняло. Тѣ изъ насъ, т. е. не то что изъ однихъ Петрашевцевъ, а вообще изъ всѣхъ тогда *зараженныхъ*, но которые отвергли вполнѣдствіи весь этотъ мечтательный вредъ радикально, весь этотъ мракъ и ужасъ, готовимый челоѣчеству, въ видѣ обновленія и воскресенія его, — тѣ изъ насъ тогда еще не знали причинъ болѣзни своей, а потому и не могли еще съ нею бороться. И такъ почему же вы думаете что даже убійство à la Нечаевъ остановило бы, если не всѣхъ, конечно, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ насъ, въ то горячее время, среди захватывающихъ душу ученій и потрясающихъ тогдашнихъ европейскихъ со-

бытій, за которыми мы, совершенно забывъ отечество, слѣдили съ лихорадочнымъ напряженіемъ?

Чудовищное и отвратительное московское убійство Иванова безо всякаго сомнѣнія представлено было убійцей Нечаевымъ своимъ жертвамъ «Нечаевцамъ», — какъ дѣло политическое и полезное для будущаго «общаго и великаго дѣла». Иначе понять нельзя, какъ нѣсколько юношей (кто—бы они ни были) могли согласиться на такое мрачное преступленіе. Опять—таки въ моемъ романѣ «Бѣсы» я попытался изобразить тѣ многоразличные и разнообразныя мотивы, по которымъ даже чистѣйшіе сердцемъ и простодушнѣйшіе люди могутъ быть привлечены къ совершенію такого же чудовищнаго злодѣйства. Вотъ въ томъ—то и ужасъ что у насъ можно сдѣлать самый пакостный и мерзкій поступокъ, не будучи вовсе иногда мерзавцемъ! Это и не у насъ однихъ, а на всемъ свѣтѣ такъ, всегда и сначала вѣковъ, во времена переходныя, во времена потрясеній въ жизни людей, сомнѣній и отрицаній, скептицизма и шатости въ основныхъ общественныхъ убѣжденіяхъ. Но у насъ это болѣе чѣмъ гдѣ нибудь возможно, и именно въ наше время, и эта черта есть самая болѣзненная и грустная черта нашего теперешняго времени. Въ возможности считать себя, и даже иногда почти въ самомъ дѣлѣ быть не мерзавцемъ дѣлая явную и безспорную мерзость — вотъ въ чемъ наша современная бѣда!

Чѣмъ же такъ особенно защищена молодежь, въ сравненіи съ другими возрастами, что вы, господа защитники ея, чуть лишь только она занималась и училась прилежно, немедленно требуете отъ нея такой стойкости и такой зрѣлости убѣжденій, какой не было даже у ихъ отцовъ, а теперь менѣе чѣмъ когда нибудь есть. Наши юные люди нашихъ интеллигентныхъ сословій, развитые въ семействахъ своихъ, въ которыхъ всего чаще встрѣчаете теперь недовольство, нетерпѣніе, грубость невѣжества (не смотря на интеллигентность классовъ) и гдѣ, почти повсемѣстно, настоящее образованіе замѣняется лишь нахальнымъ отрицаніемъ съ чужаго голоса; гдѣ матеріальныя побужденія господствуютъ надъ всякой высшей идеей; гдѣ дѣти воспитываются безъ почвы, внѣ естественной правды, въ неуваженіи или въ равнодушіи къ отечеству и въ насмѣшивомъ презрѣніи къ народу, такъ особенно распространяющемся въ послѣднее время, — тутъ—ли, изъ этого—ли родника наши юные люди почерпнутъ правду и безошибочность направленія своихъ первыхъ шаговъ въ жизни? Вотъ гдѣ начало зла: въ преданіи, въ преемствѣ идей, въ вѣковомъ, національномъ подавленіи въ себѣ всякой независимости мысли, въ понятіи о санѣ европейца подъ непремѣннымъ условіемъ неуваженія къ самому себѣ, какъ къ русскому человѣку!

Но вы этимъ, слишкомъ общимъ, указаніямъ, кажется не повѣрите. «Образованіе», твердите вы, «прилежаніе»; «праздные недоразвитки», повторяете вы. Замѣтите, господа, что всѣ эти европейскіе высшіе учителя наши, свѣтъ и надежда наша, всѣ эти Милли, Дарвины и Штраусы преудивительно смотрятъ иногда на нравственныя обязанности современнаго человѣка. А между тѣмъ это уже не лѣнтяи, ничему неучившіеся и не буяны, болтающіе ногами подъ столомъ. Вы засмѣетесь и спросите: къ чему вздумалось мнѣ заговорить непремѣнно объ этихъ именахъ? А потому что трудно и представить себѣ, говоря о нашей молодежи, интеллигентной, горячей и учащейся, чтобъ эти имена, напимѣръ, миновали ее при первыхъ шагахъ ея въ жизни. Развѣ можетъ русскій юноша остаться индифферентнымъ къ вліянію этихъ предводителей европейской прогрессивной мысли, и другихъ имъ подобныхъ, и особенно къ русской сторонѣ ихъ ученій? Это смѣшное слово о «русской сторонѣ ихъ ученій» — пусть мнѣ простятъ, единственно потому что эта русская сторона этихъ ученій существуетъ дѣйствительно. Состоитъ она въ тѣхъ выводахъ изъ ученій этихъ, въ видѣ несокрушимѣйшихъ аксіомъ, которые дѣлаются только въ Россіи; въ Европѣ же возможность выводовъ этихъ говорятъ даже и неподозрѣваема. Мнѣ скажутъ, пожалуй, что эти господа вовсе не учатъ злодѣйству; что если, напимѣръ, хоть бы Штраусъ и ненавидитъ Христа, и поставилъ осмѣяніе и оплеваніе христіанства цѣлью всей своей жизни, то все-таки онъ обожаетъ человечество въ его цѣломъ, и ученіе его возвышенно и благородно какъ нельзя болѣе. Очень можетъ быть что это все такъ и есть, и что цѣли всѣхъ современныхъ предводителей европейской прогрессивной мысли — человѣколюбивы и величественны. Но за то мнѣ вотъ что кажется несомнѣннымъ: дай всѣмъ этимъ современнымъ высшимъ учителямъ полную возможность разрушить старое общество, и построить заново, — то выйдетъ такой мракъ, такой хаосъ, нѣчто до того грубое, слѣпое и безчеловѣчное что все зданіе рухнетъ, подъ проклятіями человечества, прежде чѣмъ будетъ завершено. Разъ отвергнувъ Христа, умъ человѣчскій можетъ дойти до удивительныхъ результатовъ. Это аксіома. Европа, по крайней мѣрѣ въ высшихъ представителяхъ своей мысли, отвергаетъ Христа, мы же, какъ извѣстно, обязаны подражать Европѣ.

Есть историческіе моменты въ жизни людей, въ которые явное, нахальное, грубѣйшее злодѣйство можетъ считаться лишь величіемъ души, лишь благороднымъ мужествомъ человечества вырывающагося изъ

оковъ. Неужели нужны примѣры, неужели ихъ не тысячи, не десятки, не сотни тысячъ?... Тема эта конечно мудреная и необъятная и на нее очень трудно вступать въ фельетонной статьѣ, но все-таки въ результатѣ, я думаю, можно допустить и мое предположеніе: что даже и честный и простодушный мальчикъ, даже и хорошо учившійся, можетъ подъ часъ обернуться Нечаевцемъ... разумѣется, опять таки, если попадетъ на Нечаева; это уже *sine qua non*...¹

Мы, Петрашевцы, стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія, я не могу свидѣтельствовать обо всѣхъ; но думаю что не ошибусь сказавъ что тогда, въ ту минуту, если не всякій, то по крайней мѣрѣ чрезвычайное большинство изъ насъ почло-бы за безчестье отречься отъ своихъ убѣжденій. Это дѣло давнопрошедшее, а потому можетъ быть и возможенъ будетъ вопросъ: неужели это упорство и нераскаяніе было только дѣломъ дурной природы, дѣломъ недоразвитковъ и буяновъ? Нѣтъ, мы не были буянами, даже можетъ быть не были дурными молодыми людьми. Приговоръ смертной казни разстрѣлянемъ, прочтенный намъ всѣмъ предварительно, прочтенъ былъ вовсе не въ шутку; почти всѣ приговоренные были увѣрены что онъ будетъ исполненъ и вынесли по крайней мѣрѣ десять ужасныхъ, безмѣрно-страшныхъ минутъ ожиданія смерти. Въ эти послѣднія минуты нѣкоторые изъ насъ (я знаю положительно), инстинктивно углубляясь въ себя и провѣряя мгновенно всю свою, столь юную еще жизнь, — можетъ быть и раскаявались въ иныхъ тяжелыхъ дѣлахъ своихъ — (изъ тѣхъ, которыя у каждаго человѣка всю жизнь лежатъ въ тайнѣ на совѣсти); но то дѣло, за которое насъ осудили, тѣ мысли, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ — представлялись намъ не только не требующими раскаянія, но даже чѣмъ-то насъ очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое намъ простится! И такъ продолжалось долго. Не годы ссылки, не страданія сломили насъ. Напротивъ, ничто не сломило насъ, и наши убѣжденія лишь поддерживали нашъ духъ сознаниемъ исполненнаго долга. Нѣтъ, нѣчто другое измѣнило взглядъ нашъ, наши убѣжденія, и сердца наши (я разумѣется позволяю себѣ говорить лишь о тѣхъ изъ насъ, объ измѣненіи убѣжденій которыхъ уже стало извѣстно и, тѣмъ или другимъ образомъ, засвидѣтельствовано ими самими). Это нѣчто другое — было непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи, понятіе что самъ сталъ такимъ же какъ онъ, съ нимъ сравненъ, и даже приравненъ къ самой низшей ступени его.

---

¹ неперемнное условие (буквально: без чего нет) (лат.).

Повторяю, это не такъ скоро произошло, а постепенно и послѣ очень—очень долгаго времени. Не гордость, не самолюбіе мѣшали сознаться. А между тѣмъ я былъ можетъ быть однимъ изъ тѣхъ (я опять про себя одного говорю), которымъ наиболѣе облегченъ былъ возвратъ къ народному корню, къ узнанію русской души, къ признанію духа народнаго. Я происходилъ изъ семейства русскаго и благочестиваго. Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, я помню любовь ко мнѣ родителей. Мы въ семействѣ нашемъ знали евангеліе чуть не съ перваго дѣтства. Мнѣ было всего лишь десять лѣтъ когда я уже зналъ почти всѣ главные эпизоды русской исторіи изъ Карамзина, котораго вслухъ по вечерамъ намъ читалъ отецъ. Каждый разъ посѣщеніе Кремля и соборовъ московскихъ было для меня чѣмъ—то торжественнымъ. У другихъ можетъ быть не было такого рода воспоминаній какъ у меня. Я очень часто задумываюсь и спрашиваю себя теперь: какія впечатлѣнія, бѣльшею частію, выносить изъ своего дѣтства уже теперешняя современная намъ молодежь? И вотъ, если даже и мнѣ, который уже естественно не могъ высококомѣрно пропустить мимо себя той новой роковой среды въ которую ввергло насъ несчастіе, не могъ отнестись къ явленію передъ собой духа народнаго вскользь и свысока, — если и мнѣ, говорю я, было такъ трудно убѣдиться наконецъ во лжи и неправдѣ почти всего того что считали мы у себя дома свѣтомъ и истиной, то каково же другимъ, еще глубже разорвавшимъ съ народомъ, гдѣ разрывъ преемственъ и наслѣдственъ еще съ отцовъ и дѣдовъ?...

Мнѣ очень трудно было бы рассказать исторію перерожденія моихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе что это можетъ быть и не такъ любопытно; да и не идетъ какъ—то къ фельетонной статьѣ.....

Господа защитники молодежи нашей, возьмите наконецъ ту среду, то общество, въ которомъ она возрастаетъ и спросите себя: можетъ ли быть въ наше время что нибудь менѣе защищено отъ *известныхъ вліяній*?

Прежде всего поставьте вопросъ: если сами отцы этихъ юношей — не лучше, не крѣпче и не здоровѣе ихъ убѣжденіями; если съ самаго перваго дѣтства своего эти дѣти встрѣчали въ семействахъ своихъ одинъ лишь цинизмъ, высококомѣрное и равнодушное (большею частію) отрицаніе; если слово отечество произносилось передъ ними не иначе какъ съ насмѣшливой складкой, если къ дѣлу Россіи всѣ воспитывавшіе ихъ относились съ презрѣніемъ или равнодушіемъ; если великодушнѣй-

шіе изъ отцовъ и воспитателей ихъ твердили имъ лишь объ идеяхъ «общечеловѣческихъ»; если еще въ дѣтствѣ ихъ прогоняли ихъ нянекъ за то что тѣ надъ колыбельками ихъ читали «Богородицу»; — то скажите: что можно требовать отъ этихъ дѣтей и — гуманно—ли при защитѣ ихъ, если таковая потребуется, отдѣлываться однимъ лишь отрицаніемъ факта?

Недавно я наткнулся въ газетахъ на слѣдующее *entrefilet*:¹

«Камско—Волжская Газета» сообщаетъ что на дняхъ три *гимназиста* 2—й казанской гимназій, 3—го класса, *привлечены къ отвѣтственности* по обвиненію въ какомъ—то преступленіи, имѣющемъ связь съ *ихъ предполагавшимся бѣгствомъ въ Америку*. («С.—Пет. Вѣд.» 13 ноября).

Двадцать лѣтъ назадъ извѣстіе о какихъ—то бѣгущихъ въ Америку гимназистахъ, изъ 3—го класса гимназій показалось бы мнѣ сумбуромъ. Но ужъ въ одномъ томъ обстоятельстве что *теперь* это не кажется мнѣ сумбуромъ, а вещь которую напротивъ я *понимаю*, уже въ одномъ этомъ я вижу въ ней и ея оправданіе!

Оправданіе! Боже мой, возможно ли такъ сказать!

Я знаю что это не первые гимназисты, что уже бѣжали раньше ихъ и другіе, а тѣ потому что бѣжали старшіе братья и отцы ихъ. Помните вы разсказъ у Кельсіева о бѣдномъ офицерикѣ бѣжавшемъ *пѣшкомъ*, черезъ Торнео и Стокгольмъ, къ Герцену въ Лондонъ, гдѣ тотъ опредѣлилъ его въ свою типографію наборщикомъ? Помните разсказъ самого Герцена о томъ *кадетѣ*, который отправился кажется на Филиппинскія острова заводить комуну и оставилъ ему 20,000 франковъ на будущихъ эмигрантовъ? А между тѣмъ все это уже древняя исторія! Съ тѣхъ поръ бѣжали въ Америку извѣдать «свободный трудъ въ свободномъ государствѣ» старики, отцы, братья, дѣвы, гвардейскіе офицеры... развѣ только что не было однихъ семинаристовъ. Винить—ли такихъ маленькихъ дѣтей, этихъ трехъ гимназистовъ, если и ихъ слабыми головами одолѣли *великія идеи* о «свободномъ трудѣ въ свободномъ государствѣ» и о комунѣ и объ обще—европейскомъ чловѣкѣ; винить ли за то, что вся эта дребедень кажется имъ религіей, а абсентизмъ и измѣна отечеству — добродѣтелью? А если винить, то въ какой же степени — вотъ вопросъ.

Авторъ статейки «Русскаго Мира», въ подкрѣпленіе своей идеи что въ «подобныхъ безумствахъ» замѣшаны у насъ лишь *одни* лѣнтяи и праздношатающіеся недоразвитки, приводитъ столь извѣстныя и отрад-

¹ заметка (франц.).

ныя слова министра народнаго просвѣщенія, недавно высказанныя имъ въ Кіевѣ, о томъ что онъ имѣлъ случай убѣдиться, послѣ осмотра учебныхъ заведеній въ 7 учебныхъ округахъ, что *«послѣдніе годы молодежь несравненно серьезнѣе относится къ дѣлу науки, несравненно болѣе и основательно работаетъ»*.

Да, это конечно слова отрадныя, слова въ которыхъ можетъ быть *единственная* надежда наша. Въ учебной реформѣ нынѣшняго царствованія — чуть не *вся* наша будущность и мы знаемъ это. Но самъ же министръ просвѣщенія, помнится, заявилъ, въ той же рѣчи своей, что еще долго ждать окончательныхъ результатовъ реформы. Мы всегда вѣровали что наша молодежь слишкомъ способна отнестись къ дѣлу науки серьезнѣе. Но пока еще кругомъ насъ такой туманъ фальшивыхъ идей, столько миражей и предразсудковъ окружаетъ еще и насъ и молодежь нашу, а вся общественная жизнь наша, жизнь отцовъ и матерей этой молодежи, принимаетъ все болѣе и болѣе такой странный видъ, что поневолѣ пріискиваешь иногда всевозможныя средства чтобы выйти изъ недоумѣнія. Одно изъ такихъ средствъ — самимъ быть поменѣе безсердечными, не стыдиться хоть иногда что васъ кто нибудь назоветъ гражданиномъ, и... хоть иногда сказать правду, — еслибъ даже она была и не достаточно, по вашему, либеральна.